П.В. Алексеев

РЕВОЛЮЦИЯ И НАУЧНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Политиздат

П. В. Алексеев

РЕВОЛЮЦИЯ
И
НАУЧНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Дорогому
Анюру Мусеевичу
Каримову
с самыми добрыми
чувствами
от автора
Алексеев
26/II-88.

Москва
Издательство
политической литературы
1987

ББК 66.017.77
А47

Алексеев П. В.
А47 Революция и научная интеллигенция.— М.: Политиздат, 1987.— 272 с.

В книге доктора философских наук П. В. Алексеева дается освещение сложного и трудного процесса привлечения немарксистской научной интеллигенции на сторону строительства нового общества в нашей стране, ее мировоззренческой перестройки. В ней использован богатый фактический материал, в том числе и впервые публикуемый, прослеживаются конкретные (нередко драматические) человеческие судьбы. Книга рассчитана на читателей, изучающих проблемы взаимоотношения философии и науки, истории отечественной культуры.

А $\frac{0302000000-325}{079(02)-87}$ 76—87 ББК 66.017.77

Заведующая редакцией *Р. К. Медведева*
Редактор *А. М. Пацин*
Младшие редакторы *Ж. П. Крючкова и Е. С. Молчанова*
Художник *Е. А. Крылов*
Художественный редактор *Е. А. Андрусенко*
Технический редактор *Е. В. Васильевская*

ИБ № 5834

Сдано в набор 16.06.87. Подписано в печать 08.10.87. Формат $84\times108^1/_{32}$. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 14,28. Усл. кр.-отт. 14,28. Уч.-изд. л. 15,56. Тираж 19 тыс. экз. Заказ № 293. Цена 1 р. 30 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография изд-ва «Уральский рабочий». 620151, Свердловск, пр. Ленина, 49.

Очень смутно и тревожно за будущее.
Вместе с тем и очень ясно чувствую
силу русской нации.
Очень любопытное будет изменение
русской интеллигенции.

В. И. Вернадский

Сотрудничество представителей
науки и рабочих,—
только такое сотрудничество
будет в состоянии уничтожить
весь гнет нищеты, болезней, грязи.
И это будет сделано.
Перед союзом представителей науки,
пролетариата и техники
не устоит никакая темная сила.

В. И. Ленин

ПРЕДИСЛОВИЕ

Положение российской научной интеллигенции после победы Октябрьской революции круто изменилось. Не было, пожалуй, ни одного ученого, который так или иначе не пережил бы потрясений, связанных с нею, и не задумался бы над своей жизненной позицией, над социальными перспективами науки, своего собственного научного творчества, над коренными проблемами мировоззрения. Осмысление этих вопросов не всегда приводило к научному и социально значимому их пониманию — сложны и мучительны были поиски новой ориентации, так и остававшиеся иногда поисками. Но в главном своем устремлении сознание деятелей науки пришло в конечном счете к уяснению единства коренных интересов науки, сообщества ученых с коренными интересами социализма. Сложившаяся еще в классово-антагонистическом обществе, задолго до революции, глубокая демократическая традиция ученых России, выдержав нелегкие испытания первых лет пролетарской революции, нанесшей удар абстрактно-гуманистическим просветительским идеалам, преобразовалась в демократически-социалистическое движение с новым пониманием справедливости, демократии и социальной ответственности. Духовные искания интеллигенции после революции, результаты ее собственного опыта, а не навязанных извне установок весьма поучительны и полезны каждому. История становится здесь средством нашего самообразования и самовоспитания.

Показать историю в ее реальном движении — это и дань уважения к прошлому, без которого не было бы современности, и глубокая признательность к тем, кто создавал новую жизнь,— к трудовым революционным классам, свершившим революцию, закладывавшим материальный фундамент социализма; к деятелям науки, мужественно перенесшим годы экономической разрухи, голода и поставившим науку на службу народу; к партии большевиков, вложившей титанический труд в револю-

ционное переустройство общества; к основоположникам марксизма-ленинизма, чье учение направляло партию, массы и научную интеллигенцию к достижению единства подлинной демократии и науки.

Не случайно в преддверии социалистической революции В. И. Ленин обратился к анализу начинавшейся тогда революции в естествознании, посвятив этому анализу значительную часть своего произведения «Материализм и эмпириокритицизм». Обращался он не раз к революционным процессам в науке и позже, в частности в 1922 г. в работе «О значении воинствующего материализма»; для него многие естествоиспытатели, среди которых он особо выделял А. Эйнштейна, были «великими преобразователями естествознания» [1].

Революционность естествознания имеет тенденцию к единству с революционностью социальной. Глубоко преобразующая сила двух начал — социально-идеологического и естественнонаучного, раскрывающаяся все полнее с каждым новым поворотом истории, все больше влечет умы людей к тому периоду, когда ясно обозначилось рождение «союза науки и рабочих», открывшее новую эру в развитии человеческой цивилизации.

Намеченный XXVII съездом КПСС стратегический курс на ускорение социально-экономического развития нашей страны, основанного на соединении достижений научно-технической революции с преимуществами социализма, на всемерной реализации возможностей, заключенных в природе социализма и научно-техническом прогрессе, является ленинским по своему духу, а принятая на съезде новая редакция Программы партии развивает применительно к новым историческим условиям стратегические цели Программы, принятой на VIII съезде. Еще в 1918 г. В. И. Ленин говорил: «...не могу припомнить ни одного известного мне социалистического сочинения или мнения выдающихся социалистов о будущем социалистическом обществе, где бы указывалось на ту конкретную практическую трудность, которая встанет перед взявшим власть рабочим классом, когда он задастся задачей превратить всю сумму накопленного капитализмом богатейшего, исторически неизбежно-необходимого для нас запаса культуры и знаний и техники,— превратить все это из орудия капитализма в орудие социализма. Это легко в общей формуле, в абстрактном противоположении...

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 29.

К задачам, которые ставились раньше абстрактно, теоретически, мы подошли вплотную практически. Этот опыт не забудется... Этого опыта, что бы ни было, как бы тяжелы ни были перипетии русской революции и международной социалистической революции, этого опыта отнять нельзя. Он вошел в историю, как завоевание социализма, и на этом опыте будущая международная революция будет строить свое социалистическое здание» [1].

История взаимоотношения революции и научной интеллигенции в России заключает в себе драгоценный теоретический и практический опыт, который является достоянием всего прогрессивного человечества. Что-то из этого опыта является специфическим, обусловленным своеобразием русской революции, в особенности тем, что это была первая в мире социалистическая революция, но многое оказывается характерным для любой социалистической революции и входит в общие черты культурной революции, охватывающей переходный период от капитализма к социализму.

Идейная эволюция ученых в первые послеоктябрьские годы проясняет некоторые важные моменты формирования научного мировоззрения, в частности систему факторов, на него воздействующих. Их освещение имеет важное значение в плане изучения особенностей формирования мировоззрения в условиях, когда все больше усиливается внимание к человеку как субъекту социально-экономического развития.

Движение деятелей науки к новому мировоззрению было сугубо индивидуальным процессом. В этом плане реалистичным оказывается положение В. И. Ленина, сформулированное в период, когда еще только намечалась политическая переориентация интеллигенции прежней формации: «...инженер придет к признанию коммунизма *не так*, как пришел подпольщик-пропагандист, литератор, *а через данные своей науки... по-своему* придет к признанию коммунизма агроном, по-своему лесовод и т. д.» [2]. Специфика профессии и ныне накладывает отпечаток на пути и средства формирования мировоззрения.

Процесс формирования научного мировоззрения ученых после революции во многом был стихийным, для его осуществления главным был собственный опыт людей науки, их в целом беспристрастное взвешивание фак-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 382, 383.
[2] Там же, т. 42, с. 346.

тов, корректирование имевшихся ранее политических и мировоззренческих принципов в соответствии с фактами. Одновременно этот процесс во все большей степени становился управляемым. Большую роль в нем играла целенаправленная деятельность Коммунистической партии по установлению союза науки и демократии, по устранению всего того, что стояло на пути к научному мировоззрению, препятствовало пониманию взаимосвязи научности и гражданского долга учеными России.

Существует представление, будто после Октября вся интеллигенция сразу изменила свою политическую ориентацию. Оно носит упрощенный характер и фактически снимает действительную проблему. Как отмечал В. И. Ленин, «изменить не только в 24 часа, но хотя бы даже в 24 месяца свои взгляды... могут только люди без всяких устоев» [1]. Если некоторые из ученых довольно быстро приходили к новым политическим установкам, то это объясняется наличием соответствующих предпосылок в их сознании, сложившихся еще в предшествовавшие годы. Что же касается интеллигенции в целом, то этот процесс был сложным и трудным, и отнюдь не случайно хронологически его соотносят со всем периодом перехода от капитализма к социализму в нашей стране.

Столь же односторонним, более того — субъективистским, является представление, согласно которому в первые дни Октябрьской революции наиболее влиятельная и квалифицированная часть старой интеллигенции объявила борьбу новому строю, пошла в саботажники, контрреволюционеры и была разбита, рассеяна органами Советской власти; вторая часть интеллигенции, менее квалифицированная, выжидала, была нейтральной долгое время и, лишь убедившись в необратимости перемен, решила примкнуть к пролетариату; и только третья, самая малоквалифицированная, но и самая большая по численности часть интеллигенции сразу же стала поддерживать Советскую власть.

Однако деление всей дореволюционной интеллигенции в целях определения ее политического лица по степени квалификации неверно и не согласуется с той линией, которую проводила по отношению к ней в те годы наша партия. Факты показывают, что подавляющая часть высококвалифицированной научной интеллигенции не только не была разгромлена, но была сохранена, более того,

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 6.

ей были созданы наиболее благоприятные условия для работы, творчества, развития науки. Процесс же ее политической переориентации был не только не насильственным, но внутренне обусловленным, явился результатом научного осознания социальной реальности. Заслуга партии и марксистов состояла не в «давлении», а в работе по расчистке всего того, что стояло на пути к такому осознанию.

Основоположники марксизма-ленинизма учили дифференцировать научных работников, как и вообще интеллигенцию, лишь классово-политически, независимо от их профессиональной квалификации. В. И. Ленин никогда не говорил о разногласиях с интеллигенцией по каким-либо иным основаниям, кроме политических: «...нас разделяли,— подчеркивал он,— политические разногласия» [1].

Это была борьба за интеллигенцию, а не против нее, за научную квалификацию, а не против высокой научной квалификации. Это была борьба за людей науки, против отсталых социальных представлений, за приведение научности в органическое единство с принципами гуманности и социальной справедливости.

В буржуазной «советологической» литературе искажается картина идейного развития научной интеллигенции в СССР в первые годы Советской власти. Распространенным является представление, будто научная интеллигенция в СССР была разгромлена, значительная часть ее эмигрировала, а оставшихся якобы принуждали признать идеи социализма и новое мировоззрение «под дулом пистолета». В последние годы акцент у буржуазных теоретиков несколько меняется: все больше упор делается на материальном факторе, утверждается, будто заинтересованность в личном материальном обеспечении заставляла оставшуюся в стране интеллигенцию искать пути приспособления к власти, идти на политический компромисс, внешне быть «за социализм».

Помешать дезориентации общественного мнения идеологами антисоветизма, показать ложность их интерпретации взаимосвязи политики, философии и естествознания в первые послереволюционные годы, развернуть подлинную панораму процесса формирования союза философии и естествознания того периода, раскрыть внутреннюю логику событий тех лет — всему этому помогает

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 225.

непосредственное обращение к проблеме отношения научной интеллигенции к социалистической революции.

Указанная проблема уже нашла свое определенное освещение в нашей литературе. Исследованы основные направления взаимосвязи науки и социализма, а также судьбы научной интеллигенции после революции, проанализированы политический аспект проблемы, ее научно-организационная сторона, обстоятельно освещен вопрос об отношении к культурному наследию и о культурной революции в нашей стране [1].

Результаты, содержащиеся в этих публикациях, нашли свое отражение в предлагаемой вниманию читателя книге: некоторые из главных положений, формулируемых в них, отмечены нами и вошли в общую канву ее теоретического основания. В то же время в названных изданиях цели были несколько иными. По нашему убеждению, картина преобразования политических и мировоззренческих позиций научной интеллигенции после революции будет существенно неполной без специального анализа ее философского аспекта. С этой точки зрения представляют большой интерес работы, в которых специально рассматривается философско-мировоззренческая и общеметодологическая сторона проблемы [2].

---

[1] См.: *Иванова Л. В.* Формирование советской научной интеллигенции (1917—1927 гг.). М., 1980; *Ульяновская В. А.* Формирование научной интеллигенции в СССР. 1917—1937 гг. М., 1966; *Федюкин С. А.* Великий Октябрь и интеллигенция. М., 1972; *Бастракова М. С.* Становление советской системы организации науки (1917—1922). М., 1973; *Горбунов В. В.* В. И. Ленин и Пролеткульт. М., 1974; Социализм и наука (под ред. С. Р. Микулинского и Р. Рихты). М., 1981; Интеллигенция и революция. XX век. М., 1985.

[2] См.: *Кедров Б. М.* Ленин и революция в естествознании XX века. М., 1969; *Фролов И. Т.* Генетика и диалектика. М., 1968; *Делокаров К. Х.* Философские проблемы теории относительности (на материале философских дискуссий в СССР в 20—30-е годы). М., 1973; *Ксенофонтов В. И.* Диалектический материализм и научное познание. Л., 1981; см. также: докторские диссертации М. М. Абрашнева «Философский анализ природы естественно исторического материализма» (1973), М. С. Слуцкого «Основные аспекты взаимосвязи философии и естествознания» (1972), В. И. Ксенофонтова «Взаимосвязь диалектического материализма и естественнонаучного познания в СССР в 20—30-е годы» (1983). Большое внимание ленинской идее союза марксистской философии и естествознания и ее реализации в условиях формирующегося нового строя уделяют философы социалистических стран: Г. Хёрц (ГДР), И. Калайков (НРБ), Й. Хорват (ВНР), К. Оконцкий (ПНР) и др.

Более тесная связь обоих направлений (политического и философско-методологического) в исследовании идейной трансформации дореволюционной научной интеллигенции не является простым их суммированием. При таком подходе восстанавливается целостность, теряемая в известной мере при других подходах, выявляются новые взаимозависимости, новые, заслуживающие внимания факты, что дает возможность прийти к несколько иным оценкам некоторых дискуссий по философским вопросам естествознания того времени, философских взглядов отдельных ученых, позволяет объяснить сравнительно быстрое или, наоборот, сравнительно медленное изменение их мировоззренческой ориентации.

В литературе, посвященной отношению научной интеллигенции к социалистической революции, нередко в одном ряду с учеными, действительно на следующий день после Октябрьской революции вставшими на сторону Советской власти, упоминаются также ученые, не менее, быть может, выдающиеся, чем другие, но в политическом отношении не заслуживающие положительной оценки. Такая некорректность в подходах дает повод буржуазным интерпретаторам, ухватившись за один-два случая, где нетрудно показать несоветские позиции ученого в тот период, «продемонстрировать» неверность общих утверждений и наш «партийный субъективизм» в освещении истории.

Упрощенно и далеко от истины мнение, будто оппозиция во взглядах в первые годы после революции была несовместима с участием в практическом строительстве социализма. Естествоиспытатели — это ученые, квалифицированные специалисты в своей области, в сфере изучения природы, а в политической, социальной области многие из них в первые послереволюционные годы не сразу полностью избавляются от своей буржуазной ориентации. Здесь уместны слова философа-марксиста из ГДР Г. Менде, касающиеся оценки политических и философских позиций крупнейшего немецкого физика Макса Планка. В статье «Макс Планк и религия», анализируя соответствующие его взгляды, он пишет: «Конечно, такой человек с естественнонаучным образованием является необразованным с точки зрения общественных наук. В случае Планка это не должно быть безоговорочным упреком, потому что по происхождению, возможностям образования и требованиям к жизни для него не существовало никакого непосредственного повода повернуться

спиной к мировоззрению той общественной прослойки, к которой он принадлежал» [1].

Для выявления истинной эволюции того или иного деятеля науки важным источником информации является его биография. Однако в биографиях ученых, которые в подавлющей своей части правдивы и информативны, порой еще чувствуется стремление обойти, сгладить некоторые «острые углы». Предполагается, видимо, что выдающиеся ученые-естественники не могут ошибаться в политических и мировоззренческих вопросах. Но биографии ученых не должны напоминать «жития святых». Читатель часто знает то, что вольно или невольно скрывает автор биографии, и тогда доверие к биографическому труду падает [2].

Правдивое освещение политических и мировоззренческих взглядов ученых, связанное с выявлением их движения к идеалам социализма, к принципам марксистской философии, может быть полезным в ряде отношений, и не только в плане понимания особенностей их научного творчества. Движение ученого от буржуазности к признанию социализма есть показатель его духовной силы и мужества. Подобного рода исторические факты являются свидетельством также силы коммунистической идеологии, базирующейся на научности, на истине. Эти факты показывают огромную и результативную работу партии по установлению действительного союза демократии и науки, философии и естествознания.

В разработке проблемы, требующей теоретического анализа, источником исторических фактов являются биографии, лишь взятые в единстве с дневниковыми записями (если они велись), архивными материалами, воспоминаниями современников о взглядах и общественной деятельности того или иного ученого и, бесспорно, заявлениями и выступлениями, статьями самих ученых, сопоставляемые с другими источниками. Не всегда это достижимо, но в разработке данной темы такой подход представляется единственно верным, способным обеспечить объективность при оценке позиций отдельных ученых.

В нашей работе понятие «научная интеллигенция» применяется не во всеобщем значении, охватывающем специалистов-гуманитариев, философов, обществоведов и

---

[1] *Менде Г.* Макс Планк и религия.— В кн.: Макс Планк и философия. М., 1963, с. 62.

[2] См.: *Мейлах Б. С.* Биография как методологическая проблема.— В кн.: Человек науки. М., 1974, с. 15.

т. п., а в более узком значении — как естественнонаучная интеллигенция «старой» школы (т. е. сформировавшаяся в дореволюционные годы).

Временны́е рамки рассмотрения ограничены 1925 г. Именно к этому времени относится массовый поворот научной интеллигенции к социализму и марксистской философии. 12 июня 1925 г. Совнарком РСФСР констатировал «значительный сдвиг в идеях и настроениях профессуры навстречу новому строю»; было отмечено, что правительство «придает этому явлению чрезвычайно важное значение, равно как и идущему параллельно сдвигу того же порядка вообще, среди ученых Республики» [1]. Почти одновременно, 18 июня 1925 г., Центральный Комитет РКП(б) в своей резолюции отметил, что «процесс проникновения диалектического материализма в совершенно новые области (биологию, психологию, естественные науки вообще) уже начался» [2].

---

[1] Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства, 1925, № 48, ст. 364, с. 596.

[2] КПСС о культуре, просвещении и науке. М., 1963, с. 152.

Глава I

УЧЕНЫЕ В УСЛОВИЯХ ОБЩЕСТВЕННЫХ АНТАГОНИЗМОВ

Большинство представителей научной интеллигенции, как и интеллигенции вообще, при капитализме идеологически сориентировано на буржуазию. Однако эта буржуазность ученых весьма специфична и значительно отличается по своим внутренним мотивам от буржуазности самих владельцев средств производства. Учет данного обстоятельства необходим при рассмотрении возможностей политической, мировоззренческой эволюции научной интеллигенции, для понимания перспектив ее отношения к социалистической революции, социалистическому государству, к марксистскому мировоззрению.

Можно выделить несколько противоречий капиталистической действительности, с которыми постоянно сталкиваются ученые и которые воздействуют на их социально-политическую ориентацию.

С одной стороны, наука требует свободного и многостороннего своего развития; и она получает при капитализме определенный стимул к такому развитию, ибо, овеществляясь в средствах труда, в машинах, естественнонаучные знания способствуют росту капитала, получению максимальной прибыли. С другой стороны, развитие науки наталкивается на ограничения, главным из которых является все то же стремление к прибыли: рост научного знания осуществляется постольку, поскольку связан с обеспечением этой прибыли; следствие этого — гипертрофированное развитие прикладных исследований в ущерб фундаментальным, параллелизм и дублирование прикладных разработок вследствие их локализованности частной собственностью и т. п.

Второе противоречие связано с характером научной деятельности и господствующей при капитализме формой присвоения ее результатов. Научный труд является не просто совместным, коллективным, но всеобщим. Всеобщность научного труда требует для своего функционирования соответствующих общественных отношений и со-

ответствующего способа присвоения его результатов. «Труд ученого, который во многих отношениях — прообраз коммунистического труда, протекает не по законам рабочего, а по законам свободного времени... В стоимостных формах ценность идей измерить нельзя, ибо это формы *неадекватные* самой природе научного производства» [1]. При капитализме же действует тенденция к превращению науки в товар, а отношения к ученым — в товарные отношения. Для капиталиста труд ученого становится товаром, как и труд рабочего: его покупают. Результат такого труда монополизируется капиталистом.

В условиях общественных антагонизмов развивается также противоречие между человеком науки и производительным рабочим. Как отмечал К. Маркс, мануфактурное разделение труда приводит к тому, что духовные потенции материального процесса производства противостоят рабочим как чужая собственность и господствующая над ними сила; этот процесс отделения начинается в простой кооперации, развивается далее в мануфактуре; «он завершается в крупной промышленности, которая отделяет науку, как самостоятельную потенцию производства, от труда и заставляет ее служить капиталу» [2].

Если в первых двух противоречиях заключены тенденции к столкновению коренных интересов науки с интересами буржуазии, то третье ведет к антагонизму людей науки и рабочих. Получая от эксплуатации труда ученого значительно более высокую прибыль, чем от труда рабочего, и имея возможность посредством машин, новой технологии, представляющих овеществление научных знаний, сокращать число занятых в производстве рабочих, повышать капиталистическую рационализацию производства, капиталист оказывается все более заинтересованным в труде ученого и выделяет ему часть прибыли. В результате ученый становится в привилегированное в материальном отношении положение по сравнению с рабочим. Отсюда тот факт, что ученый, непосредственно связанный с производством, является по своему положению наемной интеллектуальной силой, родственной наемной физической силе, на уровне эмпирического понимания действительности отодвигался на второй план в сравнении с фактом его участия в производстве и «делении» капиталистической прибыли.

---

[1] *Волков Г. Н.* Социология науки. Очерки. М., 1968, с. 211.
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 374.

В противоречивом положении научной интеллигенции при капитализме, являющемся по существу одной из форм выражения противоречия между трудом и капиталом, и заключено основание для объяснения ее в целом негативного отношения к представителям физического труда и вместе с тем классово-недоверчивого (скажем так) отношения к ней значительной части пролетариата.

Выделенные противоречия науки и капитала составляют лишь часть противоречий буржуазной действительности, но и они позволяют представить сложность ситуации, в которой находится научная интеллигенция в капиталистическом обществе.

Научному сообществу свойственно стремление к достижению максимально благоприятных социально-политических и экономических условий для развития науки и научного творчества, что неотрывно от тенденции ко все большему демократизму специалистов-естественников. «Интеллектуальная независимость для ученого-исследователя является самой насущной необходимостью. Но и политическая свобода также чрезвычайно важна для его работы. Он должен иметь возможность высказывать то, что считает правильным, и это не должно сказываться на его материальном положении или ставить под угрозу его жизнь. Все это... является также и жизненно важной предпосылкой всякой научной деятельности...— писал А. Эйнштейн.— Прогресс науки предполагает возможность неограниченного обмена всеми результатами и мнениями, свободу мнений и обучения во всех областях научного исследования» [1].

Ученый является по своей сути трудящимся, тружеником науки. В этом, как и в предыдущем, моменте — специфика его «буржуазности», всегда заключающая в себе возможность для союза с подлинной демократией.

Вместе с тем чрезвычайно сильной оказывается экономическая зависимость научной интеллигенции от буржуазии, от капиталистического производства. Научно-исследовательские лаборатории и институты с их дорогостоящим оборудованием, приборами, система научных коммуникаций, издательская деятельность и многое другое находятся либо непосредственно в руках промышленников-капиталистов, либо составляют сферу деятельности выражающих их волю органов государственной вла-

---

[1] *Эйнштейн А.* Свобода и наука.— Собрание научных трудов. М., 1967, т. 4, с. 239—240.

сти. Экономическая зависимость оказывается в конечном итоге решающим фактором в определении политической ориентации ученых: наряду с системой воспитания, образования и общественных связей этот фактор обусловливает их политическое сознание и соответственно преломляет их мировоззрение.

В России, как и в других капиталистических странах, политическая ориентация интеллигенции в годы, предшествовавшие социалистической революции, была в основном буржуазная.

Начало XX в. совпало с началом процесса образования многих партий в России. В. И. Ленин называет в 1906 г. одиннадцать партий. В статье «Опыт классификации русских политических партий» он рассматривает существо программ этих партий и сводит их все к пяти типам: 1) черносотенцы; 2) октябристы; 3) кадеты; 4) трудовики и 5) социал-демократы. Выявив политическое родство кадетов, октябристов и черносотенцев, В. И. Ленин отмечает возможность образования крупной либерально-буржуазной партии, в результате чего все русские политические партии могут быть сведены «к четырем основным типам всякой капиталистической страны» [1]. Эти типы таковы: партии реакционно-буржуазные, партии либерально-буржуазные, партии радикальной или радикальничающей мелкой буржуазии (в первую голову сельской) и партия сознательного, социалистического пролетариата.

Посмотрим теперь на состав научной интеллигенции в партийно-политическом плане. Ученые, разделявшие программу большевистской партии, составляли до революции относительно небольшую часть всей научной интеллигенции. Даже спустя 6 лет после Октябрьской революции, когда группа научно-образованных партийцев-большевиков уже значительно увеличилась, она и тогда еще составляла лишь около 4 % от общего числа научных работников (включая вузовских ученых) [2]. В эту группу революционной интеллигенции входили экономист-аграрник А. Г. Шлихтер, этнограф В. Д. Бонч-Бруевич, химик-технолог Г. М. Кржижановский, медик Н. А. Алексеев, историк М. Н. Покровский, инженер-технолог Ф. В. Ленгник, астроном П. К. Штернберг, юрист (по образованию) В. В. Адоратский, минералог Н. М. Федоровский, медик

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 14, с. 27.
[2] См.: Народное просвещение, 1924, № 8, с. 112.

Ф. Н. Петров, химик Л. Я. Карпов, медик П. Г. Дауге, историк Н. М. Лукин, экономист К. В. Островитянов и др.

Основная, подавляющая часть научной интеллигенции, как и интеллигенции вообще, разделяла буржуазные и мелкобуржуазные политические установки, что отражалось также и в партийной дифференциации ее состава.

Среди либерально-буржуазных партий внимание научной интеллигенции привлекала конституционно-демократическая партия. Членами ее Центрального Комитета были академик В. И. Вернадский (он входил в состав бюро ЦК), академик С. Ф. Ольденбург, профессора А. К. Дживелегов, Д. С. Зернов, А. А. Кизеветтер, С. А. Котляревский, А. А. Мануйлов, З. Г. Френкель и др. Активными ее деятелями были также физик Д. А. Гольдгаммер, биологи Б. Е. Райков, Н. А. Иванцов, П. Ю. Шмидт, философ Н. О. Лосский, юрист Н. А. Гредескул (один из основателей самой партии), врач А. И. Шингарёв (секретарь ЦК кадетской партии) и т. д.

Многие из ученых, входивших в кадетскую партию, занимали в ней (в рамках ее программы) левые позиции [1]. Некоторое приспособление кадетской партии к широкому революционному движению России, стремление к прикрытию своей буржуазной программы «народностью» (даже само название ее стало — партия «народной свободы») способствовало дезориентации ряда деятелей науки. В. И. Ленин писал, что «среди кадетов несомненно есть преискренние люди, верящие в то, что их партия есть партия «народной свободы» [2]. По этой, скорее всего, причине в ее еженедельнике встречается, например, и имя видного ученого Н. А. Морозова, который придерживался позиции, не допускающей никакой парламентарной монархии, к чему склонялось правое крыло кадетской партии.

Значительное число ученых разделяло установки мелкобуржуазной демократии и входило в состав партии со-

---

[1] В. И. Вернадский писал о себе: «Стал кадетом, с одной стороны, незаметно жизненно через Братство, Союз освобождения, земскую дружескую среду. Из этих хорий выросла моя партийность кадетская — незаметно, бытовым путем. Но сознательно это из больших социально-политических течений единственная партия, которая стояла за максимальную свободу мысли» (Архив Академии наук СССР. Моск. отд. Ф. 518, № 21, л. 92).

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 288.

циалистов-революционеров. Одной из наиболее видных фигур в ЦК этой партии был биолог В. В. Лункевич. В работе ее центральных подразделений активное участие принимал профессор химии А. Н. Бах. Членами партии эсеров были психолог и философ П. П. Блонский, химик Л. В. Писаржевский, хирург К. В. Волков, биолог Б. А. Келлер и др.

Политические установки интеллигенции, как бы ни были они важны сами по себе, составляют все же лишь часть установок общей системы ее мировоззрения и вследствие этого испытывают воздействие со стороны других элементов мировоззрения, которые у научной интеллигенции специфичны. Какие же это элементы?

Ведущим и преобладающим среди естественников предреволюционного периода был естественнонаучный материализм. Такое мировоззрение (взятое на уровне общей картины мира и теории познания) несовместимо с диктатом буржуазной идеалистической философии и религии. В этом заключалось одно из самых глубоких противоречий, имевших место между мировоззрением научной интеллигенции и мировоззрением буржуазии. Как бы широко ни внедрялось буржуазное мировоззрение в сознание ученых, оно входило в это сознание преимущественно своими политическими и общесоциологическими установками, останавливаясь зачастую перед барьером материалистических принципов, обусловленных экспериментом и необходимостью адекватного отражения природных явлений и процессов.

Для понимания политических позиций ученых немаловажное значение имеет то, что естествоиспытатели и ученые-техники начинали осознавать громадные возможности научно-технического прогресса; стремясь же к созданию оптимальных организационных форм развития науки, они сталкивались с ограниченностью буржуазной политической надстройки, что воздействовало на их политические позиции, все больше демократизируя их.

На рубеже XIX—XX вв. научное познание совершило крупнейший скачок: оно преодолело рубеж, за которым открывался микромир — мир атомных и субатомных явлений. С нарастающей, ранее невиданной силой развернулся поток научных открытий в физике (открытия рентгеновых лучей, явления радиоактивности и радиоактивных элементов, электрона, квантов света, создание специальной и общей теории относительности, разработка теории строения атома, квантовой теории и т. п.). В био-

логии переоткрытие менделевских законов, разработка хромосомной теории наследственности, открытие явления мутации и др. поставили вопрос не только о дальнейшем развитии эволюционной теории, о синтезе теорий, но и о переходе на новый, молекулярно-биологический уровень исследования. В условиях развертывающейся научной революции становилось невозможным возникновение принципиально новых отраслей техники и производства без достижений науки.

Изменение характера науки, ее функций предъявило новые требования к ее социальной организации [1]. Интегральный характер новых научных проблем вызвал коренную ломку старых методов и форм постановки исследования, а изменение общей структуры знания, растущая комплексность науки и усиление ее социальной обусловленности потребовали соответствующей перестройки всей системы организации научной деятельности в целом. Развитие науки во всем мире сопровождалось поисками новых, более рациональных организационных форм. В Англии, Германии, России, Франции, США и других странах росло число объединений ученых, создавались ячейки коллективной научной работы, возникали ранее неизвестные типы исследовательских учреждений, где могли бы развиваться нетрадиционные, «синтетические» направления исследований; делались попытки координировать однородные работы на национальном и даже международном уровнях; выдвигались идеи общегосударственной организации науки.

Условия России того времени были наименее благоприятными для реализации тех тенденций организационного характера, которые диктовались всем ходом научно-технического прогресса. И хотя в других капиталистических странах тоже далеко не все делалось для новой организации науки (а многое и в принципе не может быть сделано из-за господства частной собственности), все же царская Россия с ее антидемократизмом, бюрократической неповоротливостью плелась в хвосте у других стран в отношении государственной организации науки.

Общее руководство развитием науки находилось в руках представителей семьи Романовых. Согласно уставу Академии наук «президент Академии избирается и определяется непосредственно его императорским величест-

---

[1] См.: *Бастракова М. С.* Становление советской системы организации науки (1917—1922). М., 1973, с. 18.

вом...»[1]. Более 25 лет на посту президента находился ближайший родственник царя К. К. Романов, деятельность которого отражала идеологию уходящего дворянства, родовой аристократии. Он был далек от науки и от тех интересов, которыми жили русские ученые, больше поощрял гуманитарное знание, чем фундаментальные естественнонаучные исследования, способные тесно сомкнуться с прикладными науками и через них найти выход в производство.

Такое отношение к науке усугубляло и без того тяжелое положение, имевшее место в развитии фундаментальных и прикладных наук. Экономическая отсталость России, зависимость промышленного развития страны от иностранного капитала вели к зависимости от прикладного знания, продуцируемого за границей, и к углублению диспропорции между прикладными и фундаментальными исследованиями. Как отмечал А. Ф. Иоффе, «до революции электротехника и оптика находились в Петербурге в руках у немецких капиталистов, радиотехника — у шведских, металлопромышленность — у французских, текстильная промышленность — у английских и т. п. Руководящие инженерные кадры этих предприятий, определявшие технический прогресс, находились за границей; участия русских ученых им не требовалось»[2].

В целом организация науки того времени, ее обеспеченность кадрами, материальная база не соответствовали тем внутренним тенденциям научного развития, которые настойчиво заявляли о себе в те годы. Все более заметным становился в этом отношении разрыв с рядом других капиталистических стран.

Так, в 1911 г.[3] количество химиков, работавших в России, было примерно в 12 раз меньше, чем в США, и в 6 раз меньше, чем в Англии и Германии. Химик-органик А. Е. Чичибабин писал, что до революции не было возможности организовать сколько-нибудь достаточное количество научных химических институтов, и это дело тогда находилось лишь в зародышевом состоянии. Несмотря на большую научную работу русских химиков в лабораториях высших школ Москвы, Петербурга, Казани, Риги и других городов, результаты их исследований сла-

---

[1] Уставы Академии наук СССР. 1724—1974. М., 1974, с. 99.

[2] *Иоффе А. Ф.* Встречи с физиками. Мои воспоминания о зарубежных физиках. М., 1960, с. 139.

[3] См.: *Вальден П. И.* Памяти Ломоносова.— В кн.: Наука и жизнь, ч. II. Пг., 1919, с. 30.

бо применялись в промышленности. Работы некоторых химиков (например, В. Н. Ипатьева) не могли найти применения в России, и лишь спустя много времени часть из них получила широкое применение в Германии и других странах. А. Е. Чичибабин отмечал, что «мощный импульс, заключающийся в сознании возможности служить своими работами удовлетворению практических нужд человечества, повышать его благосостояние, для... русских ученых отсутствовал... Ими могут руководить исключительно теоретический интерес, бескорыстное стремление к раскрытию тайн природы при помощи научного исследования» [1].

Не только химическая наука, но и физическая, биологическая страдали от острой нехватки научно-исследовательских лабораторий, институтов; все больше становился разрыв между потребностями этих наук в кадрах и их реальной подготовкой в вузах, университетах. Устаревшими, не менявшимися в течение десятилетий были штаты Академии наук, ее учреждений и штаты высших учебных заведений, соответственно мало изменялся и объем субсидий на научные исследования. Так, штат физической лаборатории Академии наук даже после его увеличения в 1912 г. составлял всего 7 человек. Академик И. П. Павлов, чтобы обеспечивать работу Физиологической лаборатории, вынужден был выдавать личные деньги в качестве зарплаты лаборанту. Постоянно испытывала недостаток средств и оборудования Физическая лаборатория Московского университета. Чрезвычайно слабо поддерживались и научные экспедиции (академик А. Н. Крылов признавал, что в январе 1917 г. ему пришлось дать свои деньги для важнейших экспедиций [2]).

Не учитывая естественного процесса дифференциации науки, не оценивая в должной мере его перспектив, самодержавное правительство не предпринимало эффективных мер к его стимулированию, к созданию таких форм организации науки, которые бы позволяли свободно развиваться новым ее направлениям. Как отмечал в 1909 г. Н. К. Кольцов, в составе русских университетов не было кафедр математической физики, физической химии, бактериологии, эмбриологии, гистологии, экспери-

---

[1] *Чичибабин А. Е.* Успехи химии в СССР за последние 10 лет.— В кн.: Наука и техника СССР. 1917—1927 гг. М., 1927, т. 1, с. 252, 258.

[2] См.: *Крылов А. Н.* Мои воспоминания. М., 1945, с. 335.

ментальной морфологии, палеонтологии, физиологии животных и др. [1]

Одной из характерных черт российской действительности было продолжающееся и в начале XX в. стихийное, в масштабе государства не планируемое, из единого центра большей частью не направляемое возникновение новых научных организаций. С 1900 по 1917 г. в Москве и Петрограде было создано 114 таких организаций (среди них было свыше 80 научных обществ и только 3 учреждения, приближавшиеся по своему типу к исследовательским институтам).

Малочисленность научно-исследовательских институтов является, помимо прочего, показателем того, как относилось правительство России к науке. Это ведь не лаборатории или общества, которые требовали сравнительно небольших средств и могли в ряде случаев обойтись без государственной поддержки, существуя на общественных началах. Развертывавшаяся научная революция требовала немедленного перехода от такой традиционной формы организации науки, как лаборатории Академии наук и университетов, к специализированным научно-исследовательским институтам, к их преимущественному развитию.

Основным условием эффективности исследований стала углубленная разработка сравнительно узкой проблемы большим коллективом специалистов, работающим по единой строго обязательной программе; интегральный характер новых научных проблем требовал помимо значительного коллектива исследователей еще и большой степени дифференциации внутри него. Научные институты как раз и допускали самую глубокую специализацию работающих в них ученых, именно здесь можно было осуществить сотрудничество специалистов различных отраслей, сосредоточенных в рамках крупного коллектива. Это как нельзя более соответствовало задачам, которые выдвигались наукой [2]. Формирование таких институтов становилось уже не под силу отдельным лицам. Не могла это делать в сколько-нибудь широких размерах и промышленность, опутанная сетями иностранного капитала.

В одной из докладных записок правительству (1911) ученые Академии наук писали о необходимости создания

---

[1] См.: *Кольцов Н. К.* К университетскому вопросу. М., 1909, с. 42—43.

[2] См.: *Бастракова М. С.* Становление советской системы организации науки (1917—1922), с. 36.

не связанных со школьными задачами академических или самостоятельных исследовательских институтов, подчеркивая, что историческое дело создания исследовательских институтов в России может быть исполнено лишь при содействии государства. Однако выдвигавшиеся Академией наук проекты новых институтов вплоть до 1917 г. реализованы не были.

Под давлением обстоятельств — вступление России в империалистическую войну, серьезные неудачи на фронте — царское правительство согласилось на создание в рамках Академии наук Комиссии по изучению естественных производительных сил России (сокращенно КЕПС). Инициатором ее создания и первым председателем был В. И. Вернадский. В ее работе принимали участие Д. Н. Прянишников, Д. Н. Анучин, В. А. Обручев, Л. А. Чугаев, Е. С. Федоров, И. А. Каблуков, А. Е. Чичибабин, Н. С. Курнаков и многие другие ученые. КЕПС во многом помогла промышленности России в годы войны, ее деятельность способствовала установлению связи науки с производством. Однако даже такой организации, как КЕПС, работавшей в основном на военное ведомство, не отпускались необходимые для широкого развертывания исследований средства. В 1916 г. В. И. Вернадский выступил на общем собрании КЕПС с обоснованием необходимости создания в России по единому плану разветвленной государственной сети научно-исследовательских институтов; он подчеркивал, что исследовательские учреждения должны быть не частными, а государственными [1]. Однако это предложение не было принято во внимание царским правительством.

На одном только этом примере — отношении самодержавия к организации сети специализированных научно-исследовательских институтов — видно, в каком противоречии находилась вся система государственной организации науки России с развитием самой науки.

Имелись и многие другие факторы, свидетельствовавшие о несовместимости самодержавного строя с интересами развития научного знания. В их числе были и недостатки системы школьного и вузовского образования.

В январе 1905 г. была опубликована «Записка 342 ученых» (вскоре число подписавших записку превысило 1500 человек). В ней характеризовались нужды, не-

---

[1] См.: *Вернадский В. И.* О государственной сети исследовательских институтов.— Очерки и речи, ч. I. Пг., 1922.

достатки народного образования и указывались причины. «Академическая свобода,— писали деятели науки,— несовместима с современным государственным строем России» [1]. Хотя позиция ученых не выходила здесь за рамки буржуазного демократизма, она говорит о понимании ими несовместимости самодержавного строя с потребностями культурного развития страны.

Среди подписавших записку было 16 академиков. Президент академии К. К. Романов вынес выговор этим академикам и в своем циркулярном письме указал, что «деятели ученых и высших учебных учреждений должны бы сперва освободиться от казенного содержания, коим пользуются от порицаемого ими правительства». Отвечая на это, академик В. В. Зеленский подчеркивал, что деньги дает народ, а правительство лишь распределяет их. Академик А. А. Шахматов писал президенту: «Это жалованье дается не для того, чтобы мы не порицали правительство, а для того, чтобы мы работали на благо русского народа и русского государства» [2].

Расправа в 1911 г. министра народного просвещения Л. А. Кассо с руководством Московского университета, протестовавшим против грубого нарушения университетской автономии, вызвала уход из него более 130 профессоров и преподавателей, среди них были К. А. Тимирязев, П. Н. Лебедев, С. А. Чаплыгин, Н. Д. Зелинский, М. А. Мензбир, Н. К. Кольцов, П. Н. Сакулин и др.

Этот факт свидетельствовал о царящем произволе правительственных органов России по отношению к профессорско-преподавательскому составу вузов, о нежелании считаться с коренными целями научного и культурного развития страны. В ответ на такое отношение царизма к науке, высшему образованию и ученым академик А. А. Марков в 1913 г. выступил против участия Академии наук в праздновании 300-летия дома Романовых. И. П. Павлов в 1917 г. отмечал: «Самодержавное правительство, постоянно оберегая изжившийся принцип самодержавия, давно уже боялось всех видов просвещения и всячески ему мешало» [3].

Противоречие между потребностями научного и куль-

---

[1] Цит. по: *Комков Г. Д., Левшин Б. В., Семенов Л. К.* Академия наук СССР. М., 1977, т. 1, с. 315.

[2] Цит. по: *Князев Г. А., Кольцов А. В.* Краткий очерк истории Академии наук СССР. М.— Л., 1964, с. 63.

[3] Свободная ассоциация для развития и распространения положительных наук. Речи и приветствия. Пг., 1917, с. 26—27.

турного развития страны, с одной стороны, и самодержавным строем, являвшимся тормозом на путях научного и культурного прогресса,— с другой, воздействовало на политическое сознание деятелей науки, ориентируя их на решительную оппозицию царскому режиму и на участие в общественно-политической жизни с целью улучшения условий научных исследований, оказания помощи науке, содействия подъему культурного уровня нации. Отсюда вытекала тяга научной интеллигенции в целом к демократизму. В каждом конкретном случае могли быть, конечно, самые разные варианты политических позиций, однако в целом здесь действовала глубокая, все усиливающаяся демократическая тенденция, находившаяся в преемственности с демократическими традициями русской интеллигенции второй половины XIX в. и все более смыкавшаяся (но, правда, не сливавшаяся) с последовательным и самым решительным демократизмом пролетариата, руководимого большевиками.

В плане отмеченного только что противоречия можно оценивать, в частности, и факт вхождения тех или иных ученых в буржуазные и мелкобуржуазные партии. Бесспорно, членство в этих партиях отражало соответствующие политические установки ученых, их стремление реализовать соответствующие классовые программы, свидетельствовало о противоположности целей этой части научной интеллигенции целям пролетариата и объективно было направлено на закрепление эксплуатации трудящихся масс. Однако усматривать в факте вхождения ученых-естественников в кадетскую или эсеровскую партии только это было бы, вероятно, недостаточным. Большую роль в таком шаге играло, надо полагать, и стремление как-то повлиять на социальные условия развития науки, сделать их более благоприятными, пусть даже в тех ограниченных рамках, которые ставила буржуазная государственность. Сказанное нельзя, конечно, переносить абсолютно на всех специалистов науки (некоторые из них эту проблему могли и не улавливать); однако для правильного понимания политических шагов многих выдающихся ученых, в особенности В. И. Вернадского, С. Ф. Ольденбурга, А. Н. Баха, учет данного обстоятельства небесполезен.

После февраля 1917 г. многим деятелям науки казалось, что буржуазно-демократическая революция открывает возможности для кардинального преобразования жизни, в том числе для решительного изменения в сфере

науки, образования, культуры. Первый физиологический съезд, проходивший в апреле 1917 г., отмечал как важнейшее событие, что он проводится «в свободной теперь России» [1]. Появилось огромное число откликов на февральскую революцию, в которых высказывалась поддержка происшедшим изменениям в политической жизни и уверенность, что они положат начало «новой эры» в развитии науки. «Да здравствует свобода и те, которым мы ей обязаны!.. И да здравствует и просвещается русский народ!» — пишет в этой связи физик Я. И. Френкель 6 марта 1917 г. [2]

Впервые в истории Академии наук в мае 1917 г. состоялись выборы президента; им стал академик А. П. Карпинский.

Ряд представителей научной интеллигенции включился в непосредственную государственную деятельность, активно участвуя в городских и губернских органах власти, в центральных государственных учреждениях. Так, в «Воронежских губернских ведомостях» 19 июля 1917 г. сообщалось, что Временным правительством на должность председателя Воронежской губернской земской управы назначен профессор Сельскохозяйственного института Б. А. Келлер, который и вступил в исполнение обязанностей губернского комиссара. В начале августа 1917 г. в новый состав Временного правительства включается академик С. Ф. Ольденбург. Ему поручаются обязанности министра народного просвещения. 11 августа 1917 г. академик В. И. Вернадский утверждается указом Временного правительства в должности товарища министра народного просвещения. Интересна при этом запись В. И. Вернадского: «Вопросы правильной организации научной и учебной работы меня всегда глубоко интересовали, вследствие чего морально я не мог отказаться от предложения С. Ф. Ольденбурга, хотя чувствовал всю непрочность положения дел. Можно было все-таки надеяться, что что-нибудь можно будет сделать, в чем я и не ошибся. Я принял его предложение... В то короткое время, пока мне пришлось здесь работать, был открыт Пермский университет, подготовлявшийся еще годами до революции... Поднят был и вопрос о создании новых академий наук» [3].

Обстановка двоевластия, поддержка эсеро-меньшевистскими Советами буржуазного Временного правительства

---

[1] См.: Русский физиологический журнал, 1917, № 1, с. 7.
[2] *Френкель В. Я.* Яков Ильич Френкель. М.— Л., 1966, с. 36, 39.
[3] Страницы биографии В. И. Вернадского. М., 1981, с. 287.

прикрыла на известное время узкоклассовую суть диктатуры буржуазии и создавала видимость выражения интересов большинства населения. По этой, в основном, причине ряд демократически настроенных деятелей науки усматривал в свершившейся революции осуществление чаяний трудового народа.

Вместе с тем некоторые ученые учитывали дифференциацию сил, участвовавших в революции, и определяли более конкретно свои позиции, нередко близкие к позиции трудовых масс. Характерно в этом плане письмо Я. И. Френкеля от 6 марта 1917 г.: «И если Николай отрекся от престола... и если Временное правительство даст нам амнистию и свободу слова, союзов, стачек, собраний и, что всего важнее, приступает к созыву Учредительного собрания... то этим русский народ обязан не Милюкову и его «друзьям справа», а его «врагам слева», т. е. своим представителям в Совете рабочих и солдатских депутатов... Начал революцию народ и войско, а Дума, силою вещей, должна была к ним присоединиться...» [1] И далее Я. И. Френкель пишет, обращаясь к отцу: «Ты, вероятно, удивлен, что... я занимаюсь поруганием Милюкова и некоторых других членов Временного правительства. Это объясняется тем, что борьба между ними и народом, т. е. Советом рабочих и солдатских депутатов, явилась самым острым и опасным моментом в настоящей революции, миновавшим благополучно лишь благодаря политическому такту и дальновидности Совета и благодаря его огромному авторитету среди солдат и рабочих, перед которым должны склониться представители умеренных течений» [2].

Это письмо интересно двумя моментами. Во-первых, в нем обрисована политическая установка, значительно отличающаяся от установки буржуазно-либеральных деятелей науки, поддерживавших Временное правительство. Здесь нет поддержки этому правительству, наоборот, дана резкая критика его шагам, показан его лжедемократизм, антинародная направленность его политики, которая, кстати, вскоре и проявилась в заявлениях о продолжении войны, в разгонах народных демонстраций и т. п. Во-вторых, из письма ученого видна его приверженность эсеро-меньшевистскому Совету рабочих и солдатских депутатов, его вера во всеспасительную миссию

---

[1] *Френкель В. Я.* Яков Ильич Френкель, с. 37, 38.
[2] Там же, с. 39.

Учредительного собрания, которое в условиях крестьянского большинства населения не могло не быть мелкобуржуазным. Я. И. Френкель, как и многие другие представители научной интеллигенции того периода, отрицательно относившиеся к Временному правительству, связывали свои политические идеалы прежде всего с мелкобуржуазными партиями, не проводя еще различия между непролетарскими трудящимися массами и пролетариатом России.

По сути дела аналогичную позицию занимал и академик А. Ф. Иоффе, который, вспоминая о первых днях после Октября, отмечал: «Значение Октябрьской революции я не сразу понял. Взятие власти большевиками я сначала рассматривал как один из эпизодов революции, определяемой стремлением кончить войну, и думал, что решающая роль будет принадлежать крестьянству, снабженному оружием в результате демобилизации, но не способному удержать власти» [1].

Наряду с этой частью научной интеллигенции, не принимавшей политической линии буржуазного Временного правительства и ориентировавшейся на «трудовой народ» (без его дальнейшей дифференциации), были и такие ученые, которые осознали в тот период от февраля до октября 1917 г. перспективу революционного развития России во главе с большевиками. Наиболее яркой фигурой среди них был К. А. Тимирязев.

Его симпатии были на стороне Совета рабочих и солдатских депутатов, политику которого в отношении Временного правительства (стремление его меньшевистско-эсеровского руководства превратить Совет в безвластный придаток Временного правительства) он не одобрял. Он убеждается в недостаточности происшедших социальных изменений и начинает возлагать надежды на рабочих и солдат как на главную силу, способную обеспечить последовательную демократизацию жизни. Большое влияние оказали на него «Апрельские тезисы» В. И. Ленина. Как сообщает сын Тимирязева, А. К. Тимирязев, у них дома имелся номер «Правды», в котором были напечатаны тезисы, с пометками ученого на полях [2].

К. А. Тимирязев принял большевистскую программу перехода от буржуазно-демократической к социалисти-

---

[1] *Иоффе А. Ф.* Моя жизнь и работа. М., 1933, с. 20.

[2] См.: *Платонов Г. В.* Мировоззрение К. А. Тимирязева. М., 1952, с. 439.

ческой революции, что подтверждается также анализом его замечаний, сделанных в апреле 1917 г. на газете «Русские ведомости» [1]. В июне 1917 г. в статье «Красное знамя» К. А. Тимирязев остро критикует буржуазное Временное правительство за военный союз с международным капитализмом, за стремление продолжать войну и пишет о красном знамени как «символе единой демократии всего мира», как «знамени единой армии труда»; он солидаризируется с лозунгами «Мир и братство народов», «Да здравствует Интернационал». Становясь под красное знамя с рабочими и солдатами, он провозглашает: ««Воспряньте, народы, и подсчитайте своих утеснителей», а подсчитав — вырвите из их рук нагло отнятые у вас священнейшие права ваши: право на жизнь, на труд, на свет и прежде всего на *свободу*, и тогда водворится на земле истина и разум, производительный труд и честный обмен их плодами» [2]. Приветствуя Октябрьскую революцию, он писал: «Победа оказалась на стороне большевизма, а побежденными оказались разношерстные враги революции» [3].

Не столь радикально, как у К. А. Тимирязева, но все же заметны стали некоторые изменения во взглядах значительной части научной интеллигенции России летом и осенью 1917 г. Активно поддерживая ранее Временное правительство, ее представители начали теперь так или иначе выражать свое несогласие с ним по отдельным вопросам, появились признаки ослабления веры в это правительство в рамках буржуазной ориентации. И причин тому было немало. Одна из них — разрыв «свободного слова» и реального дела в отношении к науке.

Предоставив определенную инициативу научной интеллигенции, близкой по партийной принадлежности составу Временного правительства, само это правительство, однако, мало заботилось о нуждах науки. Созданная при Министерстве народного просвещения еще в апреле 1917 г. Комиссия по ученым учреждениям (в нее входили В. И. Вернадский, Н. С. Курнаков, С. Ф. Ольденбург, Д. С. Рождественский и другие ученые) выработала ши-

---

[1] Этот анализ содержится в статье Г. П. Павчинской «Общественно-политическая деятельность К. А. Тимирязева (1917—1920 годы)».—В кн.: Из истории Московского университета (1917—1941). М., 1955, с. 38.

[2] *Тимирязев К. А.* Наука и демократия. Сборник статей 1904—1919 г. М., 1920, с. 408.

[3] *Тимирязев К. А.* Соч. М., 1939, т. 9, с. 387.

рокую программу мероприятий по развитию науки в стране; однако эта программа не была осуществлена, так как средства на нее не были выделены.

Признаком известного разочарования в политике Временного правительства, не оправдывавшего больших надежд, которые возлагали на него буржуазные либералы, был отмечен такой шаг С. Ф. Ольденбурга, как выход (4 сентября 1917 г.) из его состава. В. И. Вернадский также подавал заявление об отставке, но его просьба не была удовлетворена [1].

Однако слишком сложны были политические события того времени и слишком сильна была буржуазная ориентация ученых, чтобы они могли полностью разобраться в происходящей ситуации.

В эту пору еще не поколебленной сколько-нибудь основательно веры во всесилие буржуазной демократии и свершается Октябрьская социалистическая революция.

Истинный смысл этой революции в России поняли сразу лишь очень немногие деятели науки. Среди них были К. А. Тимирязев, Д. С. Рождественский, Н. М. Тулайков, А. А. Богомолец и некоторые другие, продемонстрировавшие свою поддержку политики Коммунистической партии.

В 1919 г. в РКП(б) вступила группа социал-демократов интернационалистов, а вместе с ней и член ЦК этой организации математик О. Ю. Шмидт [2]. Группа ученых-большевиков пополнилась еще одним талантливым исследователем и, как показали последующие события, прекрасным организатором науки.

Интересен первоначальный мотив сотрудничества с Советской властью физика Я. И. Френкеля. 27 декабря 1917 г. он писал своим близким о переходе к большевикам интернационалиста Р. Н. Фридмана и о других событиях и здесь же отмечал: «Не заключите из вышеизложенного, что я перешел в большевистскую веру. Я считаю по-прежнему утопической их попытку и эфемерной их власть. Но я не могу отказать этой попытке в величии, а им самим в необычайной смелости, логичности и последовательности; я не могу также не желать им удачи, не веря, однако, в ее возможность. Я полагаю, что теперь уже поздно возвращаться вспять, дабы идти по

---

[1] См.: Страницы автобиографии В. И. Вернадского, с. 311—312.

[2] Большая Советская Энциклопедия. М., 1933, т. 62, с. 556.

длинному обходному пути, и потому не могу не осуждать попытки русской интеллигенции ставить своим саботажем палки в колесницу большевизма, вместо того чтобы помогать вести их колесницу по пути, с которого уже нет возврата. Теперь поздно бороться с большевиками; им следует помогать, чтобы уменьшить отрицательные результаты их политики и увеличить положительные. Впрочем... я слишком далек от активной политики и вообще практической жизни и променять на нее свои науки не собираюсь» [1].

Вероятно, не один только Я. И. Френкель пытался вначале так действовать — не веря в прочность власти большевиков, работать с ними, чтобы «уменьшить отрицательные результаты их политики». Но факт остается фактом: после прихода деникинцев в Крым он был заключен в тюрьму как «большевистский агитатор». В «Истории Крымского педагогического института» имеются сведения, объясняющие причину ареста: «Я. И. Френкель был привлечен деникинцами к ответственности за то, что в составленной им в период кратковременного существования Советской власти в Крыму в апреле — мае 1919 г. брошюре призывал к борьбе с белогвардейскими штыками» [2]. После освобождения из тюрьмы (он был взят на поруки группой профессоров) ученый приступил к работе в Таврическом университете. Его представили к званию доцента. Однако большинство профессуры, видевшей в нем «красного», забаллотировало его кандидатуру. В середине ноября 1920 г. Красная Армия освобождает Симферополь. По предложению советских властей Я. И. Френкель занимает пост заведующего отделом высшего и профессионально-технического образования в народном комиссариате просвещения Крымской республики и проводит ряд реформ Таврического университета [3]. В январе 1921 г., будучи в Москве, он встречается с М. Н. Покровским и передает ему докладную записку о положении в Крыму, в первой части которой сообщалось о случаях нарушения там законности и отмечалось, что продолжение «красного террора» превращает нейтральных и даже сочувствующих во врагов. Эта политическая часть доклада была передана М. Н. Покровским В. И. Ле-

---

[1] *Френкель В. Я.* Яков Ильич Френкель, с. 51—52.
[2] *Загородских Ф. С.* и др. История Крымского педагогического института. Симферополь, 1960, с. 9.
[3] См.: *Кедров Ф.* Повесть о Френкеле. М., 1968, с. 32—34.

нину[1]. Вскоре Френкель выезжает в Петроград, где начинает работу под руководством А. Ф. Иоффе и М. И. Немёнова (в Государственном физико-техническом рентгенологическом институте в то время образовался коллектив талантливых исследователей, в который входили П. Л. Капица, Н. Н. Семенов, Н. И. Добронравов и др.). Впоследствии он стал крупным физиком-теоретиком, специалистом по теории атомного ядра, теории жидкого состояния и своими научными работами внес существенный вклад в науку и в укрепление Советского социалистического государства.

Но вернемся, однако, к первым годам после Октябрьской революции, к вопросу о судьбе представителей науки, о политической ориентации научной интеллигенции.

Наряду с небольшой частью ученых, сразу же занявших позицию поддержки нового государственного строя, в тот период было значительное число специалистов, относившихся резко враждебно к Советской власти.

Некоторые из деятелей науки вообще не пожелали остаться в России, не захотели работать вместе с народом и эмигрировали. По данным «Исторической энциклопедии», общее число эмигрантов составляло после революции 2 млн человек, из них ученых к 1931 г. было около 500[2]. Эти сведения совпадают с теми, что приводятся в эмигрантском издании «Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом (1920—1930)», вып. I, 1931 г. В нем собраны сведения, как говорится в предисловии, к 10-летию русской эмиграции, и они охватывают также лиц, высланных из Советской России в конце 1922 г. Этот список включает 472 «ученых». Данное слово берется в кавычки, поскольку под «учеными» здесь понимаются не только научные работники в нашем представлении, но и лица духовного звания. Кроме того, в приведенном списке немало философов идеалистического толка и специалистов по праву, истории и т. п. Имеются здесь и биологи, астрономы, физиологи и т. д. Однако таких деятелей науки, если даже включить сюда ученых-медиков и ученых-техников, будет примерно несколько десятков человек.

Всего научных работников было в России в 1914 г. 10 240 человек. Следовательно, число эмигрантов, являвшихся более или менее крупными учеными-естествоиспы-

---

[1] См.: *Френкель В. Я.* Яков Ильич Френкель, с. 92—99.

[2] См.: Историческая энциклопедия. М., 1976, т. 16, с. 492, 498.

тателями, не превышало и одного процента от общего числа научной интеллигенции. Но тем не менее это была (если учесть общую малочисленность естествоиспытателей в России) заметная доля ученых старой формации.

История того времени, однако, свидетельствует и о многих случаях отказа ученых от предложений эмигрировать или, если они уже находились за границей в деловых поездках, остаться там и не возвращаться в Россию.

Так, имя выдающегося русского ученого и хирурга С. П. Федорова было широко известно за рубежом благодаря его многочисленным трудам по желудочно-кишечной хирургии, онкологии, нейрохирургии, урологии, сердечно-сосудистой хирургии. Его жена Е. Н. Коншина происходила из семьи крупнейших русских текстильных фабрикантов. С 1903 г. он заведовал кафедрой Военно-медицинской академии. Был приглашен на придворную службу, утвержден в должности лейб-хирурга, сопровождал царя в поездках по России. Положение «царедворца» свидетельствует об определенных политических убеждениях ученого, которые, если принять во внимание его родственные связи, были типично буржуазными. В первые годы после революции С. П. Федоров был дважды арестован, во время следствия находился в предварительном заключении. Однако все эти обстоятельства не настроили его на выезд из России. Не повлияли на него даже пример родного брата, эмигрировавшего во Францию, и заманчивые предложения крупных зарубежных ученых. В последующие годы С. П. Федоров издает множество научных трудов, работает в Кремлевской больнице. На одном из научных конгрессов, состоявшемся в 1927 г. в Германии, на непочтительное высказывание эмигранта С. М. Руднева о Советской России С. П. Федоров ответил: «Оскорбление моей страны есть мое личное оскорбление. Это вынуждает меня прекратить всякие взаимоотношения». После этих слов он покинул зал [1].

Геолог И. М. Губкин, исследовавший до революции месторождения нефти на Северном Кавказе и создавший теорию майкопских нефтяных месторождений, выезжает в Америку для изучения горной и нефтяной промышленности. После Октября он стремится на родину. Немало препятствий стояло на этом пути. Ему отказываются вернуть материалы научной командировки. За призывами

---

[1] См.: *Иванова А. Т.* С. П. Федоров. М., 1972, с. 38—39, 42, 44—52.

«образумиться» следовали обвинения в большевизме. Уже на пути в Россию И. М. Губкину встречается группа капиталистов и специалистов-эмигрантов, которые пытаются уговорить его изменить «безумное» решение и не ехать в «страну анархии». Но И. М. Губкин был тверд в своем решении. Преодолев многочисленные трудности, весной 1918 г. он прибыл в Мурманск [1].

Эти два исторических факта красноречиво свидетельствуют об отношении значительной части специалистов науки и техники к новой социальной действительности. Перед многими из них стояла дилемма: эмигрировать или остаться на родине. Порой очень не просто было решить этот вопрос. Трудности решения усугублялись тяжелыми условиями жизни и работы первых послереволюционных лет. Некоторые не выдерживали и уезжали. Однако в целом для российской научной интеллигенции было типичным решение (и об этом свидетельствуют позиции С. П. Федорова и И. М. Губкина) остаться со своим народом, что являлось свидетельством глубокого патриотизма и демократизма подавляющего большинства ее представителей.

Но, конечно, у разных деятелей науки и техники была нередко разная степень демократизма. В целом, как уже отмечалось, это был демократизм буржуазно-либеральный или мелкобуржуазный.

К числу наиболее дальновидных, начинавших осознавать подлинное величие и народный характер Октябрьской революции, относился академик В. И. Вернадский. Хотя он, как и многие другие, испытывал большое смятение, в тот период в его оценках уже проступала некоторая уверенность в духовной силе народа. В своем дневнике он писал в ноябре 1917 г.: «Невозможное становится возможным, и развертывается небывалая в истории катастрофа или, может быть, новое мировое явление. И в нем чувствуешь себя бессильной былинкой... В сущности массы за большевиков... Несомненно, в большевистском движении очень много глубокого, народного. Демократия показала свое лицо — то, которое она постоянно показывала в истории. В критический момент покажет и свою энергию...» [2]

В середине 1918 г., переехав в Киев, В. И. Вернадский активно участвует в организации Украинской Академии

---

[1] См.: *Викторов В.* Ученый-патриот. М., 1960, с. 8—12.
[2] Страницы автобиографии В. И. Вернадского, с. 288, 289.

наук, президентом которой его избирают. Вскоре ученый порывает с партией кадетов и пишет: «Немедленно по утверждению меня головой Украинской Академии наук я вышел из кадетской партии и ее центрального комитета. Во всех киевских газетах появилось мое мотивированное письмо об этом. Я мотивировал это тем, что считаю президентство Академии наук несовместимым с партийной деятельностью. Такое же письмо я отправил в Киевский комитет к.-д. партии... Этот выход не был только следствием этой формальной причины. Уже, когда я был во временном правительстве, я глубоко был не согласен с правительством кн. Львова, не говоря о Керенском. Считал ошибочной всю текущую деятельность кадетов во время междуусобной войны у Деникина, она окончательно оттолкнула и в земельном, и в национальном вопросе» [1]. Своей интенсивной научной и организаторской работой в первые послереволюционные годы В. И. Вернадский помог сплотить большую группу деятелей науки вокруг решения проблем, имевших важное значение для подъема народного хозяйства страны. Его деятельность способствовала привлечению научной интеллигенции к сотрудничеству с Советской властью.

Однако первые шаги молодого государства рабочих и крестьян были отмечены и глубокой политической конфронтацией с значительной частью научной интеллигенции, не принявшей революцию. Приведем исторические факты.

В конце декабря 1917 г. некоторые газеты публикуют «Воззвание ученых Петрограда», в котором социалистическая революция оценивалась как «великое бедствие», постигшее Россию, а большевики квалифицировались как «узурпаторы» законной власти. 28 ноября 1917 г. совет Московского университета принимает постановление, в котором говорилось: «Совет старейшего русского университета, оставаясь верен своему давнему и твердому убеждению в нежелательности внесения политической борьбы в стены высшей школы, тем не менее считает своим академическим и патриотическим долгом возвысить свой голос во дни величайших испытаний и потрясений, выпавших на долю нашего отечества... Совет Московского университета считает себя обязанным громко заявить о необходимости воссоздания национально-государственного

---

[1] Цит. по: *Козиков И. А.* Философские воззрения В. И. Вернадского. М., 1963, с. 23—24.

и культурного единства России, символом которого является Учредительное собрание в своем идеале»[1]. Правление «Общества русских врачей в память Н. И. Пирогова», в состав которого входили ученые-медики П. Диатроптов, Ф. Рейн, Д. Дорф и др., в конце 1917 г. опубликовало обращение к врачам, в котором призывало медиков «принять участие в борьбе с надвинувшейся реакцией». В нем, в частности, указывалось на то, что ныне «делаются попытки поколебать даже Учредительное собрание, являющееся единственным полноправным хозяином земли русской»[2]. В 1918 г. совет Томского технологического института подчеркивал, что с его стороны «отношение к Советской власти всегда было резко отрицательным...»[3]. Отрицательная реакция на социалистическую революцию была характерна не только для той части буржуазной интеллигенции, которая была представлена учеными, но и для более широких ее слоев — военных специалистов, литераторов, поэтов, артистов и т. д. Ученые не составляли исключения. Революция провела разграничительную черту не по профессиональному признаку, а по политическому.

Против народа и Советской власти развертывалась кампания клеветы со страниц «демократических» газет, журналов, книг, из стен Дома литераторов, Дома искусств, многочисленных обществ и организаций художественной интеллигенции. Многие из тех ее представителей, которые ранее не прочь были идти с народом (вроде поэта К. Бальмонта или писателя И. Бунина, поэтессы З. Гиппиус и др.), теперь отпрянули от него, испуганные движением народных масс. З. Гиппиус, например, писала: «Какому дьяволу, какому псу в угоду, каким кошмарным обуянный сном, народ, безмолвствуя, убил свою свободу, и даже не убил — засек кнутом! Смеются дьяволы и псы над рабьей свалкой. Смеются пушки, разевая рты... И скоро в старый хлев ты будешь загнан палкой, народ, не уважающий святынь»[4].

В первые месяцы после Октября не понимал значения свершившейся революции М. Горький. Сотрудничая в меньшевистской газете «Новая жизнь», он публиковал заметки, в которых защищал идею Учредительного собра-

---

[1] Врачебная газета, 1917, 3 и 10 декабря.

[2] Общественный врач, 1917, № 9—10 (ноябрь — декабрь), с. 79.

[3] Цит. по: *Соскин В. Л.* Очерки истории культуры Сибири в годы революции и гражданской войны. Новосибирск, 1965, с. 67.

[4] *Гиппиус З. И.* Последние стихи. Пг., 1918, с. 48.

ния и утверждал, что, поднимая пролетариат на вооруженное восстание, большевики производят «жестокий опыт, заранее обреченный на неудачу» [1]. В. Г. Короленко, открыто выступавший против самодержавия, в статье «Испытание», опубликованной в «Полтавском дне» 29 октября 1917 г., назвал вооруженное восстание в Петрограде «авантюрой».

В такой обстановке резко негативных оценок социалистической революции и действий Советского государства в стране развернулся массовый саботаж со стороны специалистов разных профессий. Газета «Известия», например, сообщала в декабре 1917 г. о бастующих врачах, которых поддержал ряд профессоров-медиков. Саботаж охватил городские учреждения и центральный аппарат управления, находившийся в руках буржуазно ориентированных специалистов (когда, например, уполномоченные Советским правительством руководить наукой и просвещением А. В. Луначарский, М. Н. Покровский и Н. К. Крупская явились в бывшее Министерство просвещения, то их встретил бойкот со стороны служащих этого учреждения, в том числе крупных специалистов-педагогов).

Буржуазная демократия раскрывала всю свою антидемократичность. Саботаж ударил прежде всего по трудовому народу, о благе которого не прочь были поговорить буржуазные интеллигенты. Прекращалась медицинская помощь населению (в условиях эпидемии это грозило тяжелыми последствиями). Нарушались экономические связи между отраслями народного хозяйства, что резко ухудшило снабжение населения товарами первой необходимости, продуктами питания. Наносился ущерб науке, причем в деле не только управления научными учреждениями, но и обеспечения лабораторий необходимой аппаратурой, реактивами и т. п.

В годы гражданской войны некоторые представители научной интеллигенции, имевшие буржуазную политическую ориентацию, приняли непосредственное участие в антисоветских акциях. Осенью 1919 г. в Петрограде, например, контрреволюционеры сформировали «правительство» во главе с профессором Технологического института кадетом А. Н. Быковым. В августе 1920 г. Революционный трибунал рассматривал дело «Тактического центра», намечавшего свержение Советской власти и уста-

---

[1] Новая жизнь, 1917, 10(23) ноября.

новление военной диктатуры (на скамье подсудимых были профессора В. М. Устинов, Н. К. Кольцов, С. А. Котляревский и др.). В середине 1921 г. был раскрыт заговор, участники которого подготавливали вооруженное восстание в Петрограде; во главе заговора стоял профессор-географ В. Н. Таганцев.

Контрреволюционные действия, связанные с участием в саботаже, в заговорах против Советской власти, с передачей секретных сведений белогвардейцам, активное содействие интервенционистским армиям, войскам Деникина, Колчака и т. п.— все это было, конечно, крайним проявлением враждебности со стороны части научной интеллигенции, как и интеллигенции вообще. Следует, однако, подчеркнуть, что в такого рода действиях была замешана лишь небольшая группа научной интеллигенции. Значительная ее часть, хотя и относилась враждебно к диктатуре пролетариата, не решалась на такие действия, либо считая их бесперспективными, либо полагаясь на неизбежное, как им казалось, «перерождение» новой власти.

Своеобразной была форма противодействия Советской власти в высших учебных заведениях. Как отмечал М. Н. Покровский в 1922 г., учебный саботаж «почти не имел места даже в наиболее тяжелые годы революции. Наши ученые вели свою научную и учебную работу в общем добросовестно и исправно» [1]. Один из первых советских ректоров Московского университета, В. П. Волгин, также подтверждает, что научные деятели в целом оказались в известном смысле в стороне от этой своеобразной волны протеста; ни в высших учебных заведениях, ни в научных учреждениях, за отдельными исключениями, саботаж не имел места [2]. Академия наук не переставала ни на один день работать и после Октябрьского восстания. Этот исторический факт неучастия вузов и Академии наук в саботаже (в смысле прямого отказа работать) иногда расценивается некоторыми нашими исследователями излишне упрощенно — как свидетельство их перехода к сотрудничеству с Советской властью и даже как изменение их политической ориентации. Но ситуация была гораздо сложнее. Одно дело — просто работать, как прежде, другое дело — работать по заданиям органов го-

---

[1] Известия, 1922, 19 октября.

[2] См.: *Волгин В. П.* Советская власть и научные работники за 10 лет.— Научный работник, 1927, № 11, с. 19—20.

сударственной власти, к чему в первые месяцы после революции руководители Академии наук еще только подходили. Что касается вузов, то работать вузы, как отмечалось, работали, но в то же время — не так, как того требовали декреты Советского государства. М. Н. Покровский в той же статье, в которой он отмечал добросовестную работу после революции вузовской профессуры (октябрь 1922 г.), далее говорит: «Но саботаж советских декретов держится чрезвычайно упорно и до сих пор. Профессора — большие формалисты и проявляют в этом отношении такую виртуозность, что, даже саботируя, опираются... на советские декреты» [1].

Политическая ориентация оставалась в первые месяцы и первые годы после Октябрьской революции у подавляющего большинства деятелей науки по-прежнему буржуазной. «Вы очень наивны, если думаете,— говорил В. И. Ленин,— что в день победы пролетариата — интеллигенция, средний класс, мелкая буржуазия станут коммунистическими» [2]. Буржуазные политические установки впитывались сознанием интеллигентов с первых дней их жизни, каждодневно укреплялись, превращались в логичную (для них) систему, служили ориентирующими вехами их общественной деятельности в течение многих лет, и, конечно, утопичным было бы надеяться на мгновенную перестройку всей этой системы принципов и убеждений. «Чего могли мы,— спрашивал А. В. Луначарский,— требовать от Академии? Чтобы она внезапно всем скопом превратилась в коммунистическую конференцию, чтобы она вдруг перекрестилась марксистски и, положив руку на «Капитал», поклялась, что она ортодоксальнейшая большевичка?.. Искренним подобное превращение быть не могло» [3].

Позиция Академии наук в политическом плане была в лучшем случае нейтральной, выжидательной. Для осуществления деловых контактов с органами Советской власти достаточно приемлемой была формула «наука и политика ничего общего не имеют», «деятели науки непартийны». Как отмечал В. П. Волгин, «формально отношение Академии наук к революции в первый период Советской власти определяется обычно словом «нейтралитет». Но если говорить о существе дела, то под нейтрали-

[1] Известия, 1922, 19 октября.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 258.

[3] *Луначарский А. В.* К юбилею Академии наук.— Народное просвещение, 1925, № 9, с. 12.

тетом зачастую скрывалось определенно враждебное отношение к октябрьскому перевороту» [1].

29 декабря 1917 г. проходило общее собрание Российской Академии наук. Заслушивался отчет одного из ее руководителей — С. Ф. Ольденбурга о деятельности академии в 1917 г. «Русский народ,— сказал он,— не выдержал великого исторического испытания и не устоял в великой мировой борьбе. Темные, невежественные массы поддались обманчивому соблазну легкомысленных и преступных обещаний и Россия стала на край гибели» [2].

Тревога за будущее отечества и науки пронизывала в те времена сознание многих ученых, имевших за плечами немалый опыт борьбы за науку и являвшихся глубокими патриотами страны. Им казалось, что происходит непоправимое. Л. А. Орбели пишет об академике И. П. Павлове: «Октябрьскую революцию Иван Петрович переживал очень тяжело, он считал, что Родина погибла, что воюющие державы раздерут ее на части.— Паршивый адвокатишка вырвал власть у других, сам не сумел справиться, теперь крышка.— Тяжело переживал он и отделение от России ряда вновь образованных самостоятельных республик» [3].

Академик В. И. Вернадский в письме к А. Е. Ферсману из Киева 9 февраля 1918 г. писал: «То, что Вы и Сергей Федорович (С. Ф. Ольденбург.— *П. А.*) пишете об Академии... Для меня ясно, однако, одно — надо употребить все силы, чтобы не прервалась и усилилась научная (и всякая культурная) работа в России... В конце концов я не сомневаюсь в конечном торжестве и отношусь спокойно к формам новых государственных строений: слишком велика *масса народа* и слишком много в ней талантливости. Надо употребить все силы, чтобы новое поколение отошло от своих отцов, равно прекрасным и в народной толще и в интеллигенции. И тут главная сила в научной работе...» [4] В этих словах В. И. Вернадского нет какой-либо враждебности к свершившейся социалистической революции. Он действительно относился «спокойно» к новому государственному устройству, хотя и не

---

[1] *Волгин В. П.* АН СССР к VII съезду Советов СССР.— VII Всесоюзному съезду Советов Академия наук СССР. М., 1935, с. 2.

[2] Отчет о деятельности Российской Академии наук за 1917 г. Пг., 1919, с. 5.

[3] *Орбели Л. А.* Воспоминания. М.— Л., 1966, с. 83—84.

[4] Александр Евгеньевич Ферсман. Жизнь и деятельность. М., 1965, с. 419—420.

понимал еще всего смысла событий. Спустя четверть века, в 1942 г., В. И. Вернадский скажет, оценивая свое отношение к Октябрьской революции, что он тогда «не сознавал глубины и исторически оказавшейся прочной победы большевиков и мирового значения происшедшей революции, величайшей в истории человечества» [1].

Сказанное В. И. Вернадским относительно своей позиции после Октября касалось, однако, не только его одного, но и С. Ф. Ольденбурга, И. П. Павлова, А. П. Карпинского, А. Н. Баха, А. Ф. Иоффе и многих других ученых. Выступая до 1917 г. против самодержавного строя, за социальные условия, благоприятные для научного творчества и прогресса науки, эти ученые, чей научный авторитет неоспорим, не смогли все-таки усмотреть в происходящих событиях главной тенденции, а именно — тенденции к коренной перестройке социальных отношений, ведущей к освобождению народа от угнетателей, к мощному развитию производительных сил и науки. Значительная часть научной интеллигенции не поняла, что коренные интересы науки полностью совпадают с коренными интересами свершившейся социалистической революции.

Причин этому было немало, и все они сплетались в единый узел.

Первой, самой главной причиной, интегрирующей другие так, что они оказываются ее конкретизацией, дополнением, является, конечно, буржуазность политической ориентации подавляющей части научной интеллигенции при капитализме. Эта буржуазность не только «теоретична», охватывая сферу идеологически осмысливаемых установок, но и «психологична»; она входит в кровь и плоть людей, действуя на социально-психологическом уровне как стереотип жизненной активности. И хотя у деятелей науки, как было отмечено выше, эта буржуазность весьма специфична, заключает в себе возможности для модификаций вплоть до коренного изменения, все же устойчивость и инерция их сознания были довольно-таки сильны. Нужно было время и собственный опыт, чтобы изменилось десятилетиями выработанное и давно сложившееся отношение к социальной действительности.

Второй причиной являлась буржуазная пропаганда, твердившая на каждом шагу о «варварстве» большевиков

---

[1] Цит. по: *Мочалов И. И.* Владимир Иванович Вернадский (1863—1945). М., 1982, с. 220.

в отношении людей науки, культурных и научных ценностей, прибегавшая к разным уловкам, чтобы запугать интеллигенцию, настроить ее враждебно к социалистическому государству. И буржуазные интеллигенты после Октября оказались в полном смятении перед той якобы правдивой (нередко «очевидцами» подтверждаемой) информацией, которая в избытке производилась и массированно воздействовала в те годы на их мышление.

Среди причин, объясняющих негативное отношение значительной части научной интеллигенции к Советской власти, было и то обстоятельство, что Россия первой из всех капиталистических стран встала на путь социализма, и, следовательно, интеллигенция не имела практического примера отношения коммунистов к науке, к людям науки; у нее не было уверенности, что при новом строе будет лучше, чем при капитализме, точнее, она не была способна в это поверить. Законы общественного развития ей были неведомы, программа большевиков и их политика в отношении науки не были известны широкому кругу ученых. А неопределенность будущего, неопределенность судьбы науки, обусловленная незнанием, отсутствием аналогичного примера в истории, порождала пессимизм, отрицательно воздействуя на сознание этой части интеллигенции.

Характерно, что многие деятели науки отождествили Октябрьскую революцию с «анархией», «вандализмом», «разрывом культур». В уже упоминавшемся постановлении совета Московского университета от 28 ноября 1917 г. записано, например, следующее: «Анархическая смута грозит самому существованию русской государственности и русской культуры... Полный разрыв с прошлым в духовной жизни является уничтожением самой возможности духовного строительства, возвращением вспять в глухие и темные дебри культурного обнищания» [1].

В письме президента Академии наук А. П. Карпинского А. В. Луначарскому от 24 марта 1918 г. содержатся, между прочим, и такие утверждения: «В течение первого полугодия после революции делались попытки широко сорганизовать и сплотить ученых, что было невозможно при старом порядке... К несчастью, скоро наступил один из тех разрывов, которые составляют несчастье русской жизни и мешают ей развить настоящую преемственность, какая одна может явиться надежным залогом жиз-

[1] Врачебная газета, 1917, 3 и 10 декабря.

ненного творчества. То глубоко ложное понимание труда квалифицированного как труда привилегированного, антидемократического, о котором я уже говорил, легло тяжелою гранью между массами и работниками мысли и науки. Настоятельным и неотложным является поэтому для всех, кто уже сознали пагубность этого отношения к научным работникам, бороться с ним и создать для русской науки более нормальные условия существования»[1]. В этом письме под «революцией» понимается февральская буржуазно-демократическая революция, а «разрыв» соотносится с понятием «социалистическая революция». А. П. Карпинский при этом не отвергал идею сотрудничества Академии наук с Советской властью, но приведенное высказывание свидетельствует о его неодобрении происшедших социальных изменений, о неадекватной оценке сложившейся ситуации. Однако высказанные А. П. Карпинским положения чрезвычайно важны в двух аспектах, касающихся будущего людей науки и самой науки.

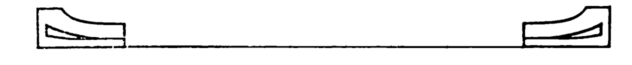
Во-первых, здесь ставится вопрос о необходимости решительной борьбы с анархизмом, со всяким левачеством в вопросах отношения к науке и к работникам науки; заметен мотив надежды, что эти явления не идут от органов Советской власти.

Во-вторых, высказанные президентом Академии наук мысли содержали в себе стремление ученых, начинавших работу в новых социальных условиях, разобраться, какова же истинная линия большевистской партии в вопросах науки. Иначе говоря, для самих ученых, для их подавляющего большинства назревшей потребностью стало получить от марксистов, от руководителей Советского государства и от органов Советской власти четкое разъяснение их политики в отношении науки и ученых.

---

[1] Организация науки в первые годы Советской власти (1917—1925). Л., 1968, с. 113, 114.

Глава II
ПОЛНОЕ НЕСХОДСТВО ИЛИ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ КУЛЬТУР?

1
«НАУКА — ВРАГ НАРОДА»

Социалистическая революция выдвинула на одно из первых мест проблему соотношения культур нового и старого общества, а вместе с ней — проблему отношения пролетариата к буржуазной интеллигенции. От того, как решалась эта проблема теоретически и на практике, зависела в значительной степени и мировоззренческая ориентация самой интеллигенции, ее отношение к революции.

В первые послеоктябрьские годы, в экстремальных условиях гражданской войны, когда основные усилия большевистской партии были направлены на организацию обороны страны, трудно было сразу разобраться в сложном переплетении социальных сил, так или иначе вовлеченных в революционные события, в различных подходах к вопросам культуры, в том числе и науки, отделить наносное, сопутствующее от подлинно социалистического.

Серьезной и реальной была в те годы опасность, исходившая и от отдельных групп в самой партии («левых коммунистов», «рабочей оппозиции»), и от пролеткультовцев, и от «внепартийных», «внегосударственных» анархистских союзов. Философской платформой их были самые разные концепции — вульгарный материализм, махизм, неокантианство, откровенный иррационализм и т. п.

Анархизм в своем отношении к науке не был однородным: в него входили концепции как признающие науку в качестве теоретической основы политического учения, так и начисто отрицающие какую-либо ее значимость.

Одним из ведущих направлений анархизма в первые годы Советской власти был анархо-коммунизм. Его теоретик П. А. Кропоткин выступал за немедленное уничтожение государства и для обоснования этой идеи стремился опереться на естественные науки. «Анархизм,— по его убеждению,— есть неизбежный результат того умственного движения в естественных науках, которое началось к

концу восемнадцатого века...»[1] В будущем обществе, полагал он, естествознание, уже сейчас «революционное» в своих выводах, освободится от пут классово-буржуазного интереса и станет единственным средством достижения анархического идеала.

Однако такого уважения к естествознанию, которое имелось у П. А. Кропоткина и которое чувствовалось при всем его несколько вольном обращении с естественнонаучными понятиями, не было у многих других теоретиков анархизма. Чаще всего к науке они относились с подозрением, а то и с ненавистью, ставя цель ее ликвидации (заодно с научной интеллигенцией). Так, радикально экстремистским было анархо-индивидуалистское (пананархистское) движение во главе с братьями Гордиными. Существо их позиции сводилось к утверждению: «...наука — враг народа...»[2]

По их мнению, наукой освящаются все преступления современного общества, всякого рода эксплуатация и угнетение. И таковы не только общественные, но и естественные науки. Закон всемирного тяготения Ньютона, к примеру, есть «космическая контрреволюция». В этом законе, считали Гордины, возведен в мировое начало консерватизм английского духа и английской общественной жизни, вследствие чего этот строй получает «небесное благословение». В физическом законе сохранения энергии воплотился дух реформизма: один вид энергии переходит в другой,— значит, можно изменить лишь «вид» управления (конституцию), но основной тон государственности должен сохраниться. Любые законы науки «обществоподобны», включают в себя понятия общественной жизни. «Научный закон освящает государственный закон. Всю силу, мощь и ореол свой государственный закон черпает в научном, в физическом законе. Насильственный характер государственного закона слишком явен, очевиден, чтобы против него не восставала свободная личность, если бы не та дымка освященности железной естественной необходимостью, которой его задергивает научный, физический закон. Научный закон — это моральная база его произвола...»[3] Любая наука является с этой точки зре-

---

[1] *Кропоткин П. А.* Современная наука и анархия. Пг.— М., 1920, с. 110.

[2] *Бр. Гордины.* Беседы с анархистом-философом. Пг., 1918, с. 39—40.

[3] Там же, с. 85.

ния буржуазно-угнетательской по своему существу, и, следовательно, вся она контрреволюционна [1].

В свете такой «философии науки» весьма неприглядной выглядит и роль научной интеллигенции в обществе. «Я, как анархист,— говорят Гордины устами анархиста-философа,— не верю ни в какую религию и ни в какую науку, а интеллигенцию, являющуюся одной своей частью представительницей религии (религиозные попы, ксендзы, папы и т. д.) и другой своей частью представительницей науки (научные попы: ученые, профессора, академики и т. д.), считаю самым реакционным классом...» [2] Вся научная интеллигенция продажна. Ученый даже более реакционен, чем сам буржуа. В этом положении, считают они,— ключ к пониманию того, почему ученые борются с народом даже сейчас. Саботаж интеллигенции, в том числе ученых,— прямое свидетельство ее реакционности.

Новое общество, по мнению Гординых, будет обществом анархии; в нем ликвидируется всякое принуждение, угнетение, а вместе с освобождением от угнетателей, в том числе от ученых, наступит эра свободы. В основе этого общества, по их утверждению, будет находиться техника, которая является антиподом науки. Она развивалась изобретателями, самими рабочими, а не учеными. Новое общество даст простор чувству изобретения, которое является движущей силой истории.

Мы видим, как тесно переплелись в концепции пананархизма вульгарно-материалистический социологизм и исторический идеализм, крайний эмпиризм и беспочвенное теоретизирование. Нигилизм в отношении к науке и научной интеллигенции оборачивался отнюдь не мнимой, а реальной реакционностью, призывом к феодальной «индивидуальности» с ее кустарным ремесленничеством.

Имелось и еще одно течение в анархизме — махаевское, названное так по имени его лидера В. К. Махайского (А. Вольского). Махайский признавал полезность науки для производства. Но наука, считал он, монополизирована армией «умственных рабочих» — привилегированным слоем общества. По его мнению, даже те, кто называет этот слой общества неимущим, образованным пролетариатом, не могут скрыть того факта, что интеллигенция по своему жизненному уровню приближается к

---

[1] См: *Бр. Гордины.* Беседы с анархистом-философом, с. 17, 77—81 (§ 23 так и назван: «Контрреволюционность науки»).

[2] Там же, с. 4.

буржуазии, что она так же, как и буржуазия, пользуется привилегированным доходом. Прибыль, получаемая капиталистами, обеспечивает паразитическое существование ученых. «Умственные рабочие» нападают вместе с пролетариатом на капитал, но по своим соображениям: за более «справедливое» распределение национальной прибыли между образованным обществом, против плутократии. Их социалистическим идеалом является переход средств производства в руки общества без нарушения всех остальных «священных» прав собственности. К такому идеалу, утверждали махаевцы, призывает и социал-демократия, вступая в союз с буржуазной интеллигенцией и сохраняя государство, которое в любой своей форме нуждается в наемниках — «умственных рабочих».

Противоположностью социализма «умственных рабочих», состоящего в обобществлении капитала, является, как подчеркивал В. К. Махайский, «пролетарский социализм» с его принципом дележа «поровну» всего дохода. Организация, служащая реальным интересам рабочего, может быть создана лишь тогда, писал он, когда из движения будет исключена обуздывающая его сила — интерес «умственного рабочего», когда пролетарское движение будет направлено против «господствующего образованного общества» [1], с тем чтобы вырвать у него наследие человечества и «обобществить знание». В чем же конкретно должно проявиться обобществление знания, В. К. Махайский не пояснял. Главным для него было ниспровержение государства как такового, основой которого является-де строй «образованного общества» с интеллигентским меньшинством во главе.

Нигилизм в отношении всей культуры старого общества, проявившийся еще задолго до Октябрьской революции, исходил, однако, не только от анархизма, но и от отдельных лиц, являвшихся членами Коммунистической партии и заражавших своими концепциями некоторые слои молодежи, в том числе вузовской и партийной. С 1920 г. среди таких течений стал выделяться енчменизм, получивший свое название по имени его «теоретика» — Э. Енчмена. Как писал впоследствии А. М. Деборин, радикализм и теоретический нигилизм идей Енчмена увлекли часть учащейся молодежи. В некоторых вузах образовались специальные кружки «тэ-энбистов» [2], в которых

[1] *Вольский А.* Умственный рабочий. Спб., 1906, ч. II, с. 110.
[2] «Т. н. б.» — сокращенно от «Теории новой биологии» Э. Енчмена.

усердно изучались его писания. «Не будет преувеличением сказать, что енчменизм угрожал самим основам марксизма» [1]. Даже если А. М. Деборин и несколько преувеличил опасность енчменизма в теоретическом плане, все же она была существенной для развития науки и для установления союза марксистов с научной интеллигенцией старой школы.

Э. Енчмен выступал как член партии коммунистов; его книга «Восемнадцать тезисов о «теории новой биологии» (1920) вышла под грифом «Российская Коммунистическая партия (большевиков)» с указанием издания — «Северо-Кавказский Революционный комитет». Привлекали и его заявления о приверженности марксизму, о его творческом развитии. На самом же деле концепция Э. Енчмена шла вразрез с марксизмом и была направлена против науки вообще.

Призывая к «низвержению культуры эксплуататоров», Енчмен заявлял, что при этом безвозвратно, полностью гибнут все теории логики, теории познания, научной методологии, все вообще теории социальные и социологические, фигурирующие еще под именем гуманитарных, все вообще старобиологические теории и т. д. Исключение составляют лишь физика и химия. Здесь Э. Енчмен противоречит самому себе; ведь он провозглашает «полное исчезновение» познания в коммунистическом будущем. «...Вслед за низвержением эксплуататорских классов,— пишет он,— начинается массовый процесс отмирания «разума», одновременно с... массовым процессом отмирания «знания», «познания»...» [2] Прекращение же познания, само собою разумеется, ведет к ликвидации любых наук, в том числе физики и химии [3]. Та же участь ожидает и философию марксизма как знание. Философское мировоззрение, именуемое диалектическим материализмом, говорил он, будет повержено в прах. У нас больше нет никакого мировоззрения. Мировоззрение — это эксплуататорская выдумка; с наступлением эпохи пролетарской

---

[1] *Деборин А. М.* Октябрьская революция и диалектический материализм.— Вестник Коммунистической академии, 1927, № 24, с. 17.

[2] *Енчмен Э.* Теория новой биологии и марксизм. Пг., 1923, с. 31.

[3] В рассматриваемых двух книгах Э. Енчмена прямо не указывалось, почему физика и химия не подлежали ликвидации. Однако в машинописных текстах Енчмена, распространявшихся в те годы и служивших также предметом критики в советских журналах, обосновывалось положение и об их упразднении.

диктатуры мы против мировоззрения [1]. Такое отношение к науке определяло и отношение к научной интеллигенции. Она объявлялась «идеологически низшей расой», «интеллектуально-угнетательской организацией эксплуататоров».

По Э. Енчмену, неверно рассматривать интеллигенцию как межклассовую прослойку, которая с победой пролетариата постепенно примкнет к нему. С низвержением эксплуатации интеллигенция, частью используемая в течение первого периода революции, затем «изолируется» и «низвергается» вслед за остальными эксплуататорскими классами. Должно произойти «настоящее, действительное, окончательное истребление, полное уничтожение буржуа, буржуазного «интеллигента»...» [2].

Нигилистическая трактовка науки как эксплуататорского обмана, а интеллигенции, в том числе и научной, как эксплуататорской базировалась на вульгарно-материалистическом понимании природы человека, на сведении духовного к вещественному и пространственному. Будущее коммунистическое общество рассматривалось Енчменом упрощенно-механистически: как эпоха подлинного уравнения всех человеческих организмов, к ней приведет так называемая «органическая» революция, революция «органического перерождения» людей, теоретической основой которой призвана быть предлагаемая Енчменом «теория новой биологии».

Значительно более мощным, чем енчменизм, по своему воздействию на духовную атмосферу первых послереволюционных лет было не столь экстравагантное по содержанию, но во многом сходное с ним по своим конечным следствиям течение, получившее название «пролеткультовщина».

Пролеткульт как объединение культурно-просветительных организаций пролетариата сформировался в сентябре 1917 г. В 1920 г. в него входило уже до 400 тысяч рабочих. В 1918—1923 гг. было более 30 пролеткультовских журналов. Ни одно из литературных объединений того времени не могло соперничать с ним в размахе издательской деятельности [3].

В пролетарском движении вырисовываются по мень-

---

[1] См.: *Енчмен Э.* Теория новой биологии и марксизм, с. 82.

[2] *Енчмен Э.* Восемнадцать тезисов о «теории новой биологии». Пятигорск, 1920, с. 43.

[3] См.: *Горбунов В. В.* В. И. Ленин и Пролеткульт. М., 1974, с. 125.

шей мере три основных направления: леворадикальное, полностью отрицающее научное наследство, затем — умеренно-левое, склонное ассимилировать определенную его часть, и, наконец, марксистское, нацеленное на максимально полное его сохранение. Порой в одном и том же номере журнала «Пролетарская культура» встречались статьи, в которых высказывалось разное отношение к прошлой культуре. Так или иначе, а зачисление всех пролеткультовцев в сторонники «левизны» не отражает адекватно реальности этого исторического явления. Не случайно В. И. Ленин сам неоднократно применял в выступлениях выражение «пролетарская культура» в позитивном смысле. «Левизну» же точнее связывать с термином «пролеткультовщина», относя сюда «леворадикальное» и «умеренно-левое» направления в Пролеткульте.

Программной установкой леворадикального направления было положение об отсутствии преемственности пролетарской культуры и культуры буржуазной. «Пролетарская культура,— писал П. Безсалько,— должна отвергать то, что буржуазная устанавливает. И никогда она не должна говорить «да» там, где говорит «да» буржуазная... Если кто обеспокоен тем, что пролетарские творцы не стараются заполнить пустоту, которая отделяет творчество новое от старого, мы скажем — тем лучше, не нужно преемственной связи» [1]. Другой пролеткультовец, Шляхов, требовал, например, ликвидации Академии наук, поскольку она «буржуазная». «В основу пролетарской культуры,— писал А. В. Луначарский,— предлагают положить полную противоположность ее старой культуре, и творцы этой культуры говорят, что главным признаком того, что они угадали правильный путь, будет полное несходство новой культуры со старой» [2]. Именно в этом «полном несходстве новой культуры со старой» усматривали леворадикалистски ориентированные пролеткультовцы сущность своего культурного творчества.

К умеренно-левому направлению относилась концепция А. А. Богданова. Являясь сначала одним из активных деятелей большевистской партии, он затем становится отзовистом-ультиматистом и исключается из ее рядов. В 1909—1911 гг. входил в группу «Вперед», выступавшую, помимо прочего, с обоснованием идеи «пролетарской

[1] *Безсалько П.* К вопросу о понимании пролетарской культуры.— Грядущее, 1918, № 3, с. 3.

[2] *Луначарский А. В.* Ленин и народное образование. М., 1960, с. 115.

культуры». С 1918 по 1921 г.— член ЦК Пролеткульта, в 1918—1926 гг.— член президиума Коммунистической академии, в 1926—1928 гг.— директор Института гематологии и переливания крови. Естественнонаучное образование А. А. Богданова (до III курса — естественный факультет Московского университета и четыре года медицинского факультета Харьковского университета), работа его врачом и деятельность в качестве ученого-медика уже говорят об определенном его отношении к научным знаниям, которое не могло быть абсолютно отрицательным. Философские, теоретические же его воззрения на эту проблему, нашедшие отражение в работах «Социализм науки. Научные задачи пролетариата» (1918) и «Элементы пролетарской культуры в развитии рабочего класса» (1920), оказались, однако, более нигилистскими, чем это можно было ожидать от него как от специалиста-естественника.

А. А. Богданов дифференцировал науку буржуазного общества на общественную, прежде всего представленную политэкономией,— и эта наука квалифицировалась им как целиком классовая, реакционная,— и науку естественную, которая, по его мнению, из-за своего известного отрыва от производства и коллективного труда людей оказалась односторонней. К их числу не относились прикладные, технические науки (технология, агрономия и пр.), которые благодаря их связи с трудом, организационно-трудовому содержанию не требовали существенного преобразования [1].

Общая же его установка в подходе к научному наследию выражалась в утверждении: «Если рабочему классу предстоит преобразовать весь строй социальной жизни и явиться наследником всего классового общества, то он, конечно, должен оказаться и наследником полного научного знания, т. е. трудового опыта общества в его целом» [2]. Как видим, здесь нет того голого отрицания культуры прошлого, какое было присуще леворадикальным пролеткультовцам, енчменизму, махаевщине и пананархизму. Вместе с тем эта позиция не была и марксистской.

Ее гносеологической основой служила релятивистская трактовка истины. С точки зрения А. А. Богданова, буржуазный мир порождает фетиш «чистой» истины. Но

---

[1] См.: *Богданов А.* Социализм науки. М., 1918, с. 21, 22.
[2] Там же, с. 14.

истина неотрывна от жизни, от практики. «... Истина — разная с точки зрения разных классов» [1]. Получалось, что отрицанию подлежали не только исходные ненаучные мировоззренческие установки и прежняя философская интерпретация естественнонаучных открытий, но в значительной мере и само содержание естественных наук. Ставя вопрос о том, одинакова ли судьба естественных наук с общественными, в частности с буржуазной политэкономией, А. А. Богданов отвечал: «Несомненно, да». Весь материал естественных, математических наук при новых способах мышления должен выступить, по его мнению, в ином свете и в иной связи. Неизбежно изменится многое, прежде всего в основном их понимании. Астрономия, например, как чистая истина о небесных телах, и астрономия как учение о способах точной ориентировки человеческого труда в пространстве и во времени — не одно и то же. Формулы законов могут остаться те же, пока не появится новый материал наблюдений; но изложение, группировка содержания, объяснение методов, разграничение более важного и менее важного изменятся, если только астрономические факты будут рассматриваться не как «абсолютные», не оторванно от общественно-трудовой практики, а в живом соотношении с нею. «То же относится,— подчеркивал А. А. Богданов,— и ко всякой другой науке» [2].

В этих утверждениях просматривается нигилизм в отношении, во-первых, тех сторон науки, которые непосредственно не связаны с физическим трудом; во-вторых, «старых понятий», «старой логики» освещения и изложения опытных данных. Это означает не что иное, как отрицание теоретического уровня «прошлой» науки с частичным отрицанием и эмпирического ее уровня. В процесс «преобразования» предполагалось включить, таким образом, значительную часть содержания естествознания, преемственность же культур намечалось осуществить лишь в очень узком канале информационной связи.

И тем не менее у А. А. Богданова отсутствовали вандалистский подход к научному наследству, позиция тотального отрицания прошлой культуры, выражаемая в формуле «не нужно никакой преемственной связи». Под

---

[1] *Богданов А.* Элементы пролетарской культуры в развитии рабочего класса. М., 1920, с. 66.

[2] *Богданов А.* Наука об общественном сознании. М., 1923, с. 287.

таким углом зрения можно, как нам представляется, несколько скорректировать довольно распространенную в нашей литературе оценку позиции Богданова как нигилиста в отношении к науке.

Ни одной науки, ни одной теории в естествознании не было (да и не могло быть) преобразовано им настолько, чтобы иметь образец, по которому можно было бы его последователям конструировать «пролетарско-классовые» естественные науки. Более того, в своих естественнонаучных работах по гематологии и геронтологии, выполненных в последние годы жизни, он осуществлял преемственную связь с прошлым в области теоретической медицины и биологии. Его тектологические идеи, несмотря на их связь с ошибочными философскими представлениями, оказались вписанными в научное направление, ведущее к общей теории систем и кибернетике.

Но неверным будет преуменьшать опасность идей и лозунгов, выдвигавшихся А. А. Богдановым и его сторонниками, для науки и духовной культуры того времени. Вот, к примеру, как преломлялась в политике его установка на «чисто» пролетарскую истину. В письме А. В. Луначарскому от 19 ноября 1917 г. он писал: «Существует такой тектологический закон: если система состоит из частей высшей и низшей организованности, то ее отношение к среде определяется *низшей* организованностью.— Например, прочность цепи определяется наиболее слабым звеном, скорость эскадры — наиболее тихоходным кораблем и пр. Позиция партии, составленной из разнородных классовых отрядов, определяется ее отсталым крылом. Партия рабоче-солдатская есть *объективно* — просто солдатская» [1]. Подобный механицизм, сведение высших уровней организованности систем к низшим уровням привел к выводу, что, поскольку Советская власть есть союз рабочего класса и крестьянства, постольку она — не «чисто» пролетарская, а крестьянская. Отсюда следовало также, что провозглашенный В. И. Лениным курс на привлечение буржуазных специалистов науки и техники к строительству нового общества, союз коммунистов с некоммунистами есть переход на позиции буржуазной интеллигенции, переход в лагерь правых. Богдановская «пролеткультовская» концепция по существу была направлена против союза марксистов с естественно-

---

[1] Центральный партийный архив, ф. 259, оп. 1, ед. хр. 57, л. 4.

научными материалистами, с огромной армией естествоиспытателей-некоммунистов.

Теория «пролетарской науки» Богданова, как мы видели, в сравнении с радикально-левым антисциентизмом в общем-то была умеренным вариантом «пролетарской культуры». Однако недостаточно четкие критерии отграничения двух культур на фоне его непрерывных и вполне ясных призывов к классовому «преобразованию» культуры прошлого обусловили тот факт, что указанная теория, независимо от субъективных стремлений ее создателя, стала мировоззренческой платформой также и леворадикальных пролеткультовцев.

Пролеткультовщина заключала в себе не только потенциальную, но и реальную угрозу для науки и для научной интеллигенции старой школы в первые послереволюционные годы. На страницах ряда журналов появились статьи, в которых говорилось о приближающемся конце «специализированной науки и спецов». На Украине на совещании по просвещению заявлялось: «Нужно провести полный разгром в ВУЗах и начать строить новые» [1]. Как свидетельствовал А. В. Луначарский, в своей практике он неоднократно сталкивался с людьми, ошибочно понимавшими задачи партии в отношении учреждений культуры: «Люди, полные революционным пылом (в лучшем случае, а иногда не менее почтенными страстями), много кричали о культурном октябре; они представляли себе, что в один прекрасный час какого-то прекрасного месяца, не менее прекрасного года, произойдет параллельно взятию Зимнего дворца взятие приступом Академии наук или Большого театра и водворение там новых людей, по возможности, пролетарского происхождения и, во всяком случае, любезно улыбающихся этому пролетариату» [2].

Считалось, что пролетарской партийности соответствуют только ученые, вышедшие из рабочих. Остальные заслуживают профессионального недоверия и изгнания из научной среды. Иные даже полагали, что и пролетарского происхождения мало для того, чтобы специалист-ученый («спец») оставался в рамках пролетарской науки и идеологии: необходимо еще, чтобы параллельно он продолжал в течение всей жизни заниматься физическим

---

[1] Студент революции. Харьков, 1922, № 1, с. 6.

[2] *Луначарский А. В.* Еще к вопросу о культуре.— Известия ВЦИК, 1922, 3 ноября.

трудом (например, был слесарем в железнодорожных мастерских) [1].

Некоторые из левых пролеткультовцев предлагали заменить учебные программы по математике, географии, другим естественным наукам «индустриально-пролетарскими» программами. Поясняя такую «новую» программу по математике, М. П. Жуковский заявлял, что необходимо «глубоко революционизировать эту науку», «стать на путь новаторства, на путь освобождения математики от буржуазной плесени». Одним из методов «революционизирования» ее должна была стать «самодеятельность учащихся». Учебники же по математике — «безусловный предрассудок». «Мы решительно отметаем всякие учебники» [2].

Таковы были основные направления нигилистического движения против всей культуры буржуазного общества, против осуществления преемственности нового общества с культурой и наукой прошлого.

2
«ВСЕ ТЕОРИИ ХОРОШИ, ЕСЛИ СООТВЕТСТВУЮТ ОБЪЕКТИВНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ»

Кардинальной теоретической проблемой, лежащей в основе левопролеткультовских воззрений на науку и аналогичных взглядов «левых» коммунистов, енчменистов, махаевцев и пананархистов, была, как уже говорилось, проблема соотношения знания, истины и классовости. Сколь бы специфичным ни было конкретное решение вопроса о степени отрицания старой культуры, о путях и средствах преобразования «буржуазной науки» (если считалось вообще возможным такое преобразование) — подобное отрицание всегда упиралось в однозначную связь, устанавливаемую между классовостью и истиной.

Выступая в рассматриваемый период с критикой нигилизма в отношении культуры буржуазного общества, марксисты всецело опирались на трактовку этого вопроса, содержавшуюся в произведениях К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина.

В 1920 г., в самый разгар борьбы с «левизной» в воп-

---

[1] См.: *Ивановский Вл. Н.* Методологическое введение в науку и философию. Минск, 1923, т. 1, с. XXXIV.

[2] *Жуковский М. П.* Курс математики.— Известия Московского пролетарского университета, 1918, № 1, с. 21.

росах научного наследия, вторым изданием выходит книга В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», содержащая критику богдановского понимания истины. А. А. Богданов, как показал Ленин, отказывался от материалистической трактовки объективной истины, становился на позиции релятивизма, субъективного идеализма.

В. И. Ленин подчеркивал, что нельзя игнорировать традиционное понятие «объективная истина». Объективная истина — это такое содержание человеческих представлений, которое «не зависит от субъекта, не зависит ни от человека, ни от человечества...» [1]. Это означало также, что объективная истина не зависит и от классов, от классовых интересов. Критерием истины является практика, отделяющая «для всех и каждого иллюзию от действительности...» [2]. «Если то́, что подтверждает наша практика,— писал Ленин,— есть единственная, последняя, объективная истина,— то отсюда вытекает признание единственным путем к этой истине пути науки, стоящей на материалистической точке зрения. Например, Богданов соглашается признать за теорией денежного обращения Маркса объективную истинность только «для нашего времени», называя «догматизмом» приписывание этой теории «надысторически-объективной» истинности... Это опять путаница. Соответствия этой теории с практикой не могут изменить никакие будущие обстоятельства...» [3] Таким образом, то, что установлено как истина в одной культуре (в одной эпохе), не может быть изменено в своей гносеологической сути в другой культуре (в другой эпохе).

Понятие истины однонаправленно: в нем выражается один тип отношения суждений к реальности, а именно адекватность суждений той реальности, которая познается, способность суждений (гипотез, теорий) правильно отражать эту реальность.

Классовость же, вопреки утверждению А. А. Богданова, непосредственно не совпадает с истиной. Она связана с истиной опосредствованно — через систему относительно достоверного знания. Партийность непосредственно воздействует именно на это посредствующее звено и через него оказывает то или иное влияние на процесс формирования истины.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 18, с. 123.
[2] Там же, с. 142.
[3] Там же, с. 146.

Ошибкой левых пролеткультовцев было то, что, справедливо обратив внимание на социально-классовую обусловленность естествознания, они, в отличие от марксистов, перенесли этот момент на само предметное содержание истин в естествознании.

Отсюда и противоположность в позициях левых пролеткультовцев и марксистов в отношении к научному наследию буржуазного общества: для первых это была позиция голого, зряшного отрицания, для вторых — позиция преемственности.

Главная методологическая установка В. И. Ленина в вопросе о соотношении науки двух обществ выражалась в положении: «Не голое отрицание, не зряшное отрицание... а отрицание как момент связи, как момент развития, с удержанием положительного...» [1] Под положительным применительно к естественнонаучному знанию понималась истина во всем ее конкретно-многообразном объеме. Истина — вот критерий положительного. «Все теории хороши, *если* соответствуют объективной действительности» [2]. Отсюда вытекало, что все истинностное содержание естествознания прошлого подлежало ассимилированию в культуре социалистического общества.

Пролетариат является классом, ориентированным на истину, которая диктуется его классовой целью: уничтожением классового общества и построением коммунистического. Пролетариат кровно заинтересован в радикальном преобразовании обстоятельств и самого себя. Эта заинтересованность в наиболее успешном изменении действительности, не только социальной, но и природной, рождает столь же глубокую заинтересованность в объективной истине. Только истинное знание может стать орудием успешного преобразования действительности. «Нам нужна *полная* и *правдивая* информация,— подчеркивал В. И. Ленин.—А правда не должна зависеть от того, кому она должна служить»[3]. Только эта объективность, вся полнота правды и может позволить пролетариату успешно преобразовывать общественные отношения и взаимодействовать с природой в его интересах, в интересах всего человечества. Всякие же искусственные ограничения пределов объективности в смысле сокращения объема относительных истин ведут к замедлению про-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 207.
[2] Там же, т. 50, с. 184.
[3] Там же, т. 54, с. 446.

цесса исторических преобразований, а при «ликвидации» науки — к бессмысленности самого коммунистического движения.

Предельно бережное отношение к истине, к научному знанию и ученым — таков принцип, которому была подчинена вся практическая деятельность нашей партии в отношении к научному наследию буржуазного общества.

Выступая на III съезде РКСМ, В. И. Ленин говорил, что для строительства коммунизма далеко еще недостаточно усвоить коммунистические лозунги и выводы коммунистической науки; необходимо усвоить ту сумму знаний, результатом которых является сам коммунизм. В качестве образца В. И. Ленин указывал на К. Маркса, который создал свое учение, опираясь на прочный фундамент человеческих знаний, завоеванных при капитализме. «Пролетарская культура не является выскочившей неизвестно откуда, не является выдумкой людей, которые называют себя специалистами по пролетарской культуре. Это все сплошной вздор. Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества» [1]. Таким образом, подчеркивалась преемственность в развитии науки, единство в самом содержании научных знаний капиталистического и строящегося социалистического общества.

В противовес левацкому анархистскому и пролеткультовскому злословию по поводу требования «учиться, учиться и учиться» В. И. Ленин еще раз обосновал твердую установку партии на изучение науки как важнейшей предпосылки активного участия в строительстве нового общества.

И одной из главных линий борьбы за научное наследие, за союз марксистской философии и естествознания, за идеологическое перевоспитание научной интеллигенции была линия на приобщение широких масс трудящихся к научным знаниям, курс на всеобщую грамотность населения, грамотность в смысле овладения основами научных знаний. Восприятие естествознания (в процессе первичного приобщения к культуре это означало приобщение просто к элементам научного знания) являлось лишь половиной дела. Вторая половина заключалась в преобразовании наук о природе. Такое преобразование,

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 304—305.

однако, в принципе отличалось от левопролеткультовского его понимания.

В дни работы I Всероссийского съезда Пролеткульта (октябрь 1920) В. И. Ленин подготовил проект резолюции съезда «О пролетарской культуре». В ней, в частности, указывалось: «Марксизм завоевал себе свое всемирно-историческое значение как идеологии революционного пролетариата тем, что марксизм отнюдь не отбросил ценнейших завоеваний буржуазной эпохи, а, напротив, усвоил и переработал все, что было ценного в более чем двухтысячелетнем развитии человеческой мысли и культуры. Только дальнейшая работа на этой основе и в этом же направлении... может быть признана развитием действительно пролетарской культуры» [1]. Был включен пункт, требующий осуждения «как теоретически неверные и практически вредные, всякие попытки выдумывать свою особую культуру...» [2]. Положение Ленина о том, что только миросозерцание марксизма является правильным выражением интересов, точки зрения и культуры революционного пролетариата, заключало в себе антипролеткультовский смысл, а применительно к нашей теме — утверждение, что пролетарской является только марксистская философия, но не естественные науки.

Анализируя взгляды В. И. Ленина по вопросам культуры, И. Луппол и А. Слепков отмечали в 1925 г. [3], что логически и социологически правильнее сопоставлять типы культур по типам общественно-экономических формаций: капиталистической и коммунистической; противопоставление «пролетарской культуры» — капиталистической (буржуазной) способно вызвать недоразумения и затемнить концепцию В. И. Ленина; в культурах обоих способов производства имеются принципиально общие секторы, так как задача взаимодействия с природой стоит и перед буржуазным, и перед социалистическим обществами, хотя хозяином культуры в первом случае является буржуазия, а во втором — пролетариат, трудящиеся. Это обусловливает преемственность, единство (в указанных границах) обоих типов культур. Но в культуре капиталистического общества имеются значительные идеологические наслоения, мешающие адекватному пред-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 337.

[2] Там же.

[3] *Луппол И.* Проблемы культуры в постановке В. И. Ленина.— Печать и революция, 1925, кн. 5—6, 7; *Слепков А.* Заметки читателя о литературных теоретиках.— Большевик, 1925, № 16.

ставлению о действительности. И здесь, в области мировоззренческой, в полную меру проявляется противоположность пролетариата и буржуазии.

Еще в 1913 г. в «Критических заметках по национальному вопросу» В. И. Ленин показал, что в каждой национальной культуре есть, хотя бы не развитые, элементы демократической и социалистической культуры. Они касаются мировоззрения и мироощущения трудящихся классов.

Левые пролеткультовцы не видели зарождения нового в старом, отмахиваясь от культуры капиталистической эпохи как от культуры буржуазной. В ходе социалистической революции специфическо-пролетарское становится ведущей, но не единственной стороной культуры. Другой ее стороной выступают результаты многовекового развития духовной культуры, ранее преподносимые как достижения рабовладельцев, феодалов и капиталистов, теперь же отделяемые от их классового оформления и предстающие в своем истинном содержании как общечеловеческое достояние.

«Не *выдумка* новой пролеткультуры, а *развитие* лучших образцов, традиций, результатов *существующей* культуры *с точки зрения* миросозерцания марксизма» [1],— подчеркивал В. И. Ленин. Единственное отличие культуры, в том числе науки, социалистического общества от культуры капиталистического общества заключено в мировоззренческом, общеметодологическом ее основании.

Задача заключалась в том, чтобы, овладев научным наследием, изучив науку (естествознание), переосмыслить ее результаты под углом зрения нового мировоззрения, т. е. освободиться от идеализма, агностицизма, механицистской методологии и развивать дальше эти результаты на базе принципов научного мировоззрения.

Таков смысл, вкладываемый в понятия «преобразование», «критическое осмысление» научного наследия. В отличие от теории левых пролеткультовцев, в том числе и А. А. Богданова, здесь четко обозначались контуры и глубина изменений, которые предстояло провести в естествознании того времени; но эти изменения не касались непосредственно предметного содержания естествознания. В отличие от богдановской точки зрения, преобразования мыслились лишь на философско-мировоззренческом уров-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 462.

не и связывались они с диалектико-материалистической философией, а не с тектологией, выдаваемой за философию; у А. А. Богданова же по сути дела речь шла о натуралистской форме мировоззрения и об общенаучном методе. Реализация его программы преобразований не могла бы вывести естествознание за рамки, в лучшем случае, естественнонаучного материализма, т. е. за рамки мировоззрения буржуазной эпохи.

Положение В. И. Ленина о том, что естествознание нового общества по своему философско-мировоззренческому, общеметодологическому основанию должно принципиально отличаться от естествознания старого общества, было несовместимо также с трактовкой его П. А. Кропоткиным. По убеждению этого теоретика анархо-коммунизма, ни о каком преобразовании мировоззренческих, общеметодологических оснований наук о природе не могло быть речи. Им отстаивались философские основания наук, соответствующие классово-антагонистическому обществу.

Ленинское же решение проблемы было кардинально иным. Здесь не было ни нейтралистского отношения к естествознанию прошлого, ни тем более апологетики всего того, с чем последнее было связано в сфере мировоззрения и методологии. Оно не было и левачески-экстремистским, грозившим гибелью науке. Более того, оно было масштабнее в своей общечеловеческой сути.

Научное наследие, которое должен принять и развить пролетариат, по В. И. Ленину, касалось не только того, что уже было в его руках, но и того, что пока находилось в государствах капиталистической системы. Другими словами, требовалось овладеть всеми естественнонаучными знаниями, добытыми в классово-антагонистических формациях, «черпать обеими руками хорошее из-за границы...» [1]. «...Перенять все действительно ценное из европейской и американской науки; — это наша первейшая и главнейшая задача» [2].

Система научного наследия складывалась по крайней мере из следующих компонентов: 1) научные знания; 2) специалисты науки; 3) научные учреждения и организации. В связи с этим культура социалистического общества требовала и новой рациональной системы обеспечения содержательной преемственности культур.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 550.
[2] Там же, т. 45, с. 206.

Формирование социалистической высшей школы, например, имело следующие направления: организацию управления университетами и вузами со стороны Советского государства; обеспечение идейно-политического влияния на преподавателей и студенчество; ориентацию высшей школы на подготовку специалистов, преданных идеалам коммунизма; предоставление широкой возможности для поступления в вузы молодежи из рабочих и крестьян; приближение высшей школы к потребностям народного хозяйства; расширение ее сети и улучшение материальной базы и др. Перестройка системы высшего образования была процессом, связанным с ломкой основы старой системы подготовки специалистов. Но это было преобразование, которое не исключало, а предполагало преемственную связь.

Еще до Октябрьской революции В. И. Ленин писал, что Коммунистическая партия не выдумывает, а берет «готовой у капитализма» организационную форму работы (и здесь он отмечал академии, опытные станции и т. п.) [1]. Как вспоминает А. В. Луначарский, В. И. Ленин в первые месяцы Советской власти беседовал с ним и «буквально предостерегал» его, чтобы кто-нибудь не «озорничал» вокруг Академии. На заверение А. В. Луначарского, что руководство Наркомпроса не допустит никаких «левацких» экспериментов, В. И. Ленин отвечал: «Нам сейчас вплотную Академией заняться некогда, а это важный общегосударственный вопрос. Тут нужна осторожность, такт и большие знания, а пока мы заняты более «проклятыми» вопросами. Найдется у вас какой-нибудь смельчак, наскочит на Академию и перебьет там столько посуды, что потом с вас придется строго взыскивать» [2].

В противовес левацким лозунгам, В. И. Ленин настаивал: «Ломайте поменьше!» Выдвигалось требование политически правильного отношения к научному наследию и, в частности, к тем учреждениям, где велась в том или ином объеме научно-исследовательская работа. Неуклонно проводя линию на реорганизацию институтов, выполняющих воспитательные функции и задачи по подготовке молодых специалистов, Коммунистическая партия предупреждала об опасности перегибов, советовала не увлекаться реорганизациями учреждений науки. Как отмечал

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 312.

[2] Ленин и Академия наук. М., 1969, с. 62, 63.

заместитель наркома просвещения М. Н. Покровский, лозунг «Ломайте поменьше!», конкретизированный и проводимый в жизнь партией под руководством В. И. Ленина, спас высшую школу от разгрома, когда этот разгром объективно был возможен, спас для пролетариата [1].

В результате в первые годы Советской власти удалось не только сохранить все важнейшие очаги научных исследований, но и создать много новых («новых» — не в пролеткультовском их понимании, а базирующихся на принципе преемственности с культурным наследием прошлого). О росте таких очагов науки свидетельствуют следующие данные: научных учреждений в 1918 г. было 21, в 1924 г.— 81; число университетов и институтов возросло с 91 в 1914/15 г. до 160 в 1924/25 г. [2]

Механизм организационного обеспечения преемственности культур включал в себя и развертывание критики альтернативных концепций в вопросах культурного наследства с целью их преодоления.

Упорной и тяжелой была эта борьба, но наша партия никогда не сдавала позиций нигилизму в вопросах отношения к культурному и научному наследству, постоянно боролась с левопролеткультовскими взглядами. Неоднократные заявления ее ЦК, выступления В. И. Ленина буквально с первых дней Советской власти не оставляли сомнения в их несовместимости с пролеткультовским антисциентизмом. VIII съезд РКП(б), состоявшийся в марте 1919 г., в своей резолюции указал, что «нет таких форм науки и искусства, которые не были бы связаны с великими идеями коммунизма и бесконечно разнообразной работой по созиданию коммунистического хозяйства» [3].

Антисциентизм леворадикальных и умеренно-левых пролеткультовцев был сопряжен с их стремлением к обособлению от партии, от руководства с ее стороны, с попытками быть независимыми от органов Советской власти. Теоретики левой пролеткультовщины пытались обосновать положение о том, что пролетариат осуществляет три формы борьбы: политическую, экономическую и культурную, каждая из которых имеет-де свою организацию и свой центр. Во главе политической борьбы стоит пар-

---

[1] См.: *Покровский М. Н.* Чем был Ленин для нашей высшей школы.— Правда, 1924, 27 января.

[2] См.: *Луначарский А. В.* Десять лет культурного строительства в стране рабочих и крестьян. М.— Л., 1927 (Приложение).

[3] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983, т. 2, с. 113.

тия, экономическое развитие направляет Советская власть, во главе же культурной революции должен стоять Пролеткульт.

Ведя борьбу против сепаратизма и нигилизма Пролеткульта, проявившихся в его руководстве в 1918—1920 гг., ЦК РКП(б) выступил с письмом «О Пролеткультах», опубликованном в «Правде» 1 декабря 1920 г. В письме отмечалось, в частности, что в связи с «независимостью» от Советской власти и по ряду других причин в пролеткульты нахлынули социально чуждые элементы, элементы мелкобуржуазные, которые иногда фактически захватывали руководство этими организациями в свои руки. Футуристы, сторонники враждебной марксизму идеалистической философии, выходцы из рядов буржуазной публицистики и, наконец, просто неудачники стали кое-где заправлять всеми делами в пролеткультах. Вместо того чтобы помогать пролетарской молодежи серьезно учиться, эти люди мешали ей, под видом пролетарской культуры навязывали рабочим свои собственные полубуржуазные философские «системы» и выдумки [1].

В декабре 1920 г. пленум Пролеткульта избрал новый состав Президиума, в который не вошли бывшие его лидеры — А. А. Богданов и П. И. Лебедев-Полянский. Однако в течение некоторого времени руководство этой организации продолжало проводить курс на «революцию культуры», на создание «классово-пролетарской» культуры и науки.

В ноябре 1921 г., перед открытием II съезда Пролеткульта, был распространен анонимный документ «Мы — коллективисты». «Коллективисты» отстаивали левопролеткультовскую линию в отношении культурного наследства, обвиняли ЦК партии в «отступлении» от принципов социализма, в осуществлении «сговора» с «технически-бюрократической интеллигенцией» за счет интересов рабочего класса.

Вопрос о Пролеткульте и о платформе «коллективистов» обсуждался в Политбюро ЦК РКП(б). Было принято постановление Политбюро «О Пролеткультах». Что касается позиции «коллективистов», то выдвинутая ими платформа была охарактеризована как платформа «богдановцев» [2].

Написанная в марте 1922 г. статья В. И. Ленина «О зна-

---

[1] См.: КПСС о культуре, просвещении и науке, с. 146—148.
[2] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 54, с. 561.

чении воинствующего материализма» была проникнута идеей преемственности естествознания буржуазного общества и естествознания социалистического общества.

Было опубликовано немало работ (В. И. Невского, А. В. Луначарского, А. М. Деборина, Вл. Н. Ивановского, К. Милонова, Н. Карева и др.)с критическим анализом мировоззренческих и культурологических установок А. А. Богданова. В них содержалась полемика по вопросам истины и знания, по соотношению тектологии и философии, по проблемам культурной революции.

В августе 1922 г. Политбюро ЦК РКП(б) принимает решение о развертывании на страницах «Правды» дискуссии о Пролеткульте и пролетарской культуре [1]. Публикуются статьи Н. К. Крупской, Я. А. Яковлева, В. Ф. Плетнева, И. И. Степанова и др.

Прочитав статью председателя ЦК Пролеткульта В. Ф. Плетнева «На идеологическом фронте», опубликованную 27 сентября, В. И. Ленин сделал на ней пометки [2]. В этой статье проводилась богдановская концепция, в частности, указывалось, что с буржуазной наукой социализм невозможен, что социализация науки охватывает и ее сущность, метод, форму и масштаб, что необходимо привести содержание, методы науки в соответствие с требованиями, какие предъявляет к ней социалистическое производство, и не только при данном состоянии производительных сил, но в их чрезвычайно далекой перспективе. К положению статьи о том, что «задача строительства пролетарской культуры может быть разрешена только силами самого пролетариата, учеными, художниками, инженерами и т. п., вышедшими из его среды» Ленин сделал пометку: «Архификция», чем еще раз выразил свое отношение к идеям левых пролеткультовцев. В. И. Ленин писал редактору «Правды» Н. И. Бухарину: «Посылаю Вам сегодняшнюю «Правду»... Отметил 2 глупости и поставил ряд знаков вопроса. Учиться надо автору не «пролетарской» науке, а просто учиться. Неужели редакция «Правды» не разъяснит автору его ошибки? Ведь это же *фальсификация* исторического материализма! Игра в исторический материализм!» [3]

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 54, с. 659.

[2] См.: Заметки В. И. Ленина, сделанные 27 сентября 1922 г. карандашом на полях газеты «Правда» (статья Плетнева «На идеологическом фронте»).— В кн.: В. И. Ленин о литературе и искусстве. М., 1979, с. 589.

[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 54, с. 291.

Аргументированная критика концепции левых пролеткультовцев привела к тому, что в 1921—1922 гг. руководство Пролеткульта перестало противопоставлять свою организацию партии, а примерно с весны 1923 г. стало отходить от богдановской теории пролетарской культуры; в феврале 1926 г. пленум ЦК Пролеткульта официально отмежевывается от концепции А. А. Богданова.

Еще ранее теоретическому развенчанию подверглись анархистские взгляды. Участие анархистов в контрреволюционных мятежах кладет конец этому политическому течению. Сходят со сцены и его идеологи, хотя анархистские настроения еще долго давали о себе знать.

В тот же период происходит и преодоление «левацких» конструкций Э. Енчмена. Критика «теории новой биологии» со стороны марксистов проходила, в основном, в 1922—1924 гг. Борьба в эти годы с пролеткультовщиной означала одновременно и борьбу с енчменизмом, имевшим многие точки соприкосновения с леворадикальным крылом Пролеткульта и с богдановской культурологической концепцией. В дополнение к работам, посвященным критике пролеткультовщины, вышли и материалы с разбором экстремистского антисциентизма, прямо направленные на разоблачение сущности енчменизма (выступления В. Сарабьянова, К. Грасиса, К. Корнилова, С. Гириниса и др.). Было показано, что «теория новой биологии» не имеет ничего общего с марксизмом, что оперирование Э. Енчменом терминами физиологии высшей нервной деятельности является жонглированием наукообразными понятиями в целях дискредитации науки, ликвидации ее вообще, что в его рассуждениях проявляется элементарное невежество, чрезмерная претенциозность. Э. Енчмен не преодолел своего эсеровского прошлого, мелкобуржуазной, мещанской революционности.

Одним из существенных моментов, отличающих марксизм от енчменизма и от левопролеткультовцев в вопросах отношения к научному наследию, была принципиально иная оценка роли научной интеллигенции в осуществлении преемственной связи культур. Для марксистов создавать культуру социалистического общества могли и должны были не только выходцы из рабочих, но и сами естествоиспытатели старой школы. Путь к науке, к философским основаниям естествознания открывался через людей науки, через их деятельность.

Глава III

ОТ КОНФРОНТАЦИИ К ПОЛИТИЧЕСКОМУ СБЛИЖЕНИЮ

1
ПРЕОБРАЗОВАНИЕ СТРУКТУР

Отношение нашей партии к ученым обусловливалось глубоким пониманием роли и значения науки в развитии общества, в жизни людей, признанием ее огромной социальной и культурной ценности.

Ставилась цель соединить науку и труд, сделать органичной связь науки и производства. «Без знания рабочие,— подчеркивал В. И. Ленин,— беззащитны, со знанием они — сила!» [1] Это положение имело не столько индивидуально-психологический, сколько социально-исторический смысл. Исключительно важная роль науки при социализме непосредственно вытекает из общественной собственности на средства производства и нового типа производственных отношений, из программной цели коммунистической партии — достижения коммунизма, ликвидации всех форм отчуждения.

Как уже отмечалось, для науки дореволюционной России были характерны чрезвычайно слабая организация и плохое материальное обеспечение. Усилия Советского государства по налаживанию механизма науки, предпринимаемые уже в первые месяцы его существования, могли дать о себе знать, естественно, не сразу. С. Ф. Ольденбург писал: «Наряду с пробудившимся, исключительно... важным интересом к истории науки, мы видим и пробуждение сознания необходимости радикального пересмотра организации научной работы. Наши потомки будут изумляться тому, как это мы еще могли достигать в науке того, чего мы достигли, при наличии нашей убогой организации научного труда и слабого сознания у тех, кто держит в руках своих государственные средства, того, какое громадное значение для всей жизни имеют успехи науки. Стоит только вспомнить, например, о том, как

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 80.

мало продуманы теоретически и технически научные экспедиции на Западе и у нас, как плохо координированы между собою различные экспедиции, чтобы увидать, какое громадное значение для науки будет иметь пробуждение теперь сознания того, что нельзя работать не организованно, что величайшие достижения и успехи великих умов обречены на смерть или почти полное бесплодие вследствие почти полного отсутствия у нас и на Западе организации научных занятий» [1]. Именно проблема новой организации науки в масштабах всего государства, отвечающей потребностям самой науки, экономики, всех сфер общественной жизни, встала перед нашей партией.

Прежде всего нуждалась в укреплении и значительном расширении система элементов, на которых она базировалась,— учреждения науки, а таковых было крайне мало. Даже с учетом созданных до осени 1918 г. всего научно-исследовательских учреждений, по данным Наркомпроса, было 132, большинство которых составляли небольшие лаборатории, клиники, музеи, приведомственные комитеты и комиссии. Крупных научных учреждений, в том числе лабораторий Академии наук и университетов, в 1918 г. было 21.

Старые формы организации перестали удовлетворять потребностям развития русской науки уже на рубеже XIX—XX вв.; еще меньше они соответствовали новым задачам, вставшим перед ней. Внимание все больше привлекали специализированные научные институты. Первые научно-исследовательские институты появились еще до Октябрьской революции, однако их образование тормозилось малоподвижным механизмом царской России. В послереволюционные годы, несмотря на тяжелые экономические условия, социалистическое государство изыскивало все возможности для создания таких институтов, представлявших собой принципиально новый тип научных учреждений.

В Программе РКП(б), принятой в 1919 г., указывалось, что «Советская власть уже приняла целый ряд мер, направленных к развитию науки и ее сближению с производством: создание целой сети новых научно-прикладных институтов, лабораторий, испытательных станций, опытных производств по проверке новых технических

---

[1] *Ольденбург С.* Направление научной работы в современной жизни на Западе и у нас.— В сб.: Парфенон, 1922, № 1, с. 8.

методов, усовершенствований и изобретений, учет и организация всех научных сил и средств и т. д. РКП, поддерживая все эти меры, стремится к дальнейшему их развитию и созданию наиболее благоприятных условий научной работы в ее связи с поднятием производительных сил страны» [1]. IX съезд партии, проходивший через год, записал в резолюции «Об очередных задачах хозяйственного строительства»: «...должны быть созданы и всемерно поддержаны институты для научных изысканий и изобретений» [2].

Следует отметить, что в тот период формировалось два типа институтов: один тип имел в подавляющем большинстве проблемный характер (такие институты создавались главным образом при наркоматах) и второй тип носил дисциплинарный характер (эти институты создавались при вузах). Так, при физико-математическом факультете МГУ в 1922—1923 гг. было 11 институтов (Математики, Механики, Физики, Ботаники, Антропологии и др.), нацеленных в основном на теоретическое изучение отдельных дисциплин.

Если научно-исследовательские институты при наркоматах были средством связи науки и промышленности, сельского хозяйства или медицины [3], то институты при вузах предназначались для осуществления связи научных исследований с педагогической деятельностью.

Правда, не все из образованных в те годы институтов удалось в дальнейшем сохранить. Слишком слаба была еще экономика страны, чтобы позволить осуществить все начинания того времени. Инфляция периода гражданской войны, неурожай 1920 г., поставивший на повестку дня вопрос спасения миллионов человеческих жизней, хозяйственная разруха — все это, как и многое другое, непосредственно затронуло науку, ее людей и систему учреждений.

---

[1] КПСС в резолюциях..., т. 2, с. 86.

[2] Там же, с. 242.

[3] К середине 20-х гг. был сделан следующий важный шаг, укрепляющий связь науки с производством,— создание заводских лабораторий. Как писал академик А. Ф. Иоффе, практика убедила ученых в том, что «для тесной связи науки с производством не хватало важного звена — заводской лаборатории. В 1925 году было проведено обследование ленинградских заводов и составлен план оборудования их 113 лабораториями. Не без трений этот план был проведен в основном в жизнь, а за ним последовало проведение такой же работы по всему Союзу» (*Иоффе А. Ф.* Моя жизнь и работа, с. 26).

И если, по данным заместителя наркома просвещения М. Н. Покровского, государство во второй половине 1918 г. выделяло на науку денежных средств в 14 раз больше, чем царское правительство [1], то в последующие годы ассигнования несколько снизились, хотя все же происходил рост расходов на науку. Показательны данные о проведенных научных экспедициях (кроме экспедиций гуманитарного характера): в 1923/24 г. их было 8, в 1924/25 г.— 19 с ассигнованием соответственно 14 450 и 24 000 рублей.

В составе ВСНХ к концу 1922 г. насчитывалось до 30 научных учреждений, причем половину из них составляли исследовательские институты. Наркомздрав в том же году объединял до 40 научных учреждений; ведущее место среди них также занимали исследовательские институты. Общее количество научно-исследовательских учреждений выросло в стране в течение 1917—1922 гг. почти втрое. Небольшое первоначальное ядро научных ячеек республики, число которых в 1917 г. едва доходило до 300, к концу 1922 г. развилось в большой и сложный организм, включавший свыше 1000 учреждений и организаций различного профиля и назначения. В целом за первые пять лет существования социалистической России было создано едва ли не больше исследовательских учреждений, чем за всю историю России капиталистической, т. е. за период с 1860 по 1917 г. [2]

В. И. Ленин высоко ценил работу научно-исследовательских учреждений, их вклад в восстановление и развитие народного хозяйства страны. По-видимому, сравнение реальных практических результатов деятельности научных институтов и лабораторий с результатами работы ряда советских учреждений, не освободившихся еще от недостатков старого государственного аппарата (бюрократизм, взяточничество, волокита и т. п.), и дало ему основание для высказывания: «Одна, хорошо работающая лаборатория, важнее десятка наших советских учреждений» [3]. В этих словах Ленина заключена мысль о большой роли науки в строительстве нового общества,

---

[1] См.: Народное просвещение, 1919, № 6—7.

[2] Данные о количественном составе научных учреждений приводятся по книге: *Бастракова М. С.* Становление советской системы организации науки (1917—1922), с. 222—224, 272.

[3] *Горбунов Н.* Ленин и научно-техническая работа.— Хочу все знать, 1924, № 1, с. 8.

содержится высокая оценка потенциальных возможностей науки в развитии всего человечества.

Знакомство с профилем научных учреждений, созданных в первые годы после революции, показывает, что преобладающим типом среди них были институты прикладного характера, имевшие целью решение проблем, непосредственно связанных с развитием промышленности и сельского хозяйства. Это было обусловлено необходимостью преодолеть значительный разрыв между теоретическими разработками и практикой, существовавшей в дореволюционной России, необходимостью получить от науки быструю практическую помощь.

Со стороны отдельных ученых, однако, раздавались голоса, в которых чувствовалась тревога за судьбу фундаментальных исследований. С. Ф. Ольденбург, например, присоединялся к мнению, в общем плане справедливому, что если дело чистой науки не будет продолжаться и вестись со все большей энергией, то достижения прикладной науки начнут убывать и вырождаться. Нам необходимо, писал он, «вовремя остановиться на пагубном пути предпочтения техники перед чистой наукой. Только государство может обеспечить чистой науке возможность плодотворного развития... Никакое самоснабжение немыслимо для науки... а чистая наука, давая сплошь и рядом громадные материальные выгоды почти непосредственно, в большинстве случаев не дает немедленно никаких выгод, а требует только расходов. Но было бы преступною близорукостью не учитывать основного и коренного значения чистой науки для человека, а значит, и для государства» [1].

Такое утверждение С. Ф. Ольденбурга, в принципе верное в качестве предупреждения односторонности в организации науки, все же не учитывает в полной мере специфики того периода, когда требовалось сконцентрировать все усилия на подъеме экономики, борьбе с болезнями, обеспечении трудящихся хотя бы минимумом продовольствия. В этом плане политика партии и Советского государства в области науки была более дальновидной, чем у некоторых руководителей Академии наук.

Мнение же о том, будто все денежные средства, отпускаемые на науку в первые послеоктябрьские годы, шли только на прикладные исследования, попросту неверно.

---

[1] *Ольденбург С.* Направление научной работы в современной жизни на Западе и у нас.— В сб.: Парфенон, 1922, № 1, с. 13.

Не говоря уже о 40 вузовских институтах, где преобладающими были исследования теоретического плана, во многих наркоматовских институтах и институтах ВСНХ разрабатывались теоретические проблемы. Пример тому — Рентгенологический и радиологический институт, Государственный оптический институт, Институт по изучению мозга и психической деятельности, Физико-технический институт и др.

В рассматриваемый период создавались крупные научно-исследовательские объединения, связывающие воедино работу представителей прикладного и теоретического естествознания. В составе Радиевой ассоциации, созданной при Академии наук (ее устав был утвержден в 1921 г.), находились радиевый отдел Рентгенологического и радиологического института, коллегия Русского радиевого завода, отдел радиоактивных минералов Минералогической лаборатории Российской Академии наук и Одесская радиологическая лаборатория. Среди научных работ, проводимых Ассоциацией, следует отметить: 1) работы по ускорению α-частицы в поле высокого напряжения для воздействия на ядро атома с целью расщепления ядер более тяжелых элементов, ядра которых не удалось еще расщепить, 2) получение непрерывных путей α-частицы по методу Вильсона, 3) работы по изотопам урана и т. д. В состав Совета ассоциации входили: В. И. Вернадский, А. Е. Ферсман, А. Ф. Иоффе и другие ученые. Наличие в руководящем ядре этой ассоциации выдающихся представителей теоретического естествознания свидетельствовало об отсутствии чисто прикладной ее направленности, что было характерно для всей системы созданных в те годы научно-исследовательских учреждений. Подтверждением этому служат также крупные успехи, достигнутые в области математики, теоретической физики, генетики, в других отраслях фундаментального естествознания в конце 20-х и в 30-х гг. и получившие всемирное признание. Установление оптимального (с точки зрения перспективы дальнейшего развития науки и техники) соотношения фундаментальных и прикладных исследований означало в то же время формирование более тесной связи науки, всей системы научного знания с производством.

Одной из характерных черт создаваемой науки была плановость. В той или иной мере планирование велось и в дореволюционное время, но охватывало оно отдельные лаборатории, не выходя на уровень научной дисципли-

ны в целом, а тем более на уровень науки в масштабах государства. В новых условиях планирование тематики годовой научно-исследовательской работы стало нормой, а с 1923 г. большинство научных учреждений составляло также планы научно-исследовательской работы на пятилетие. «Внесение планового начала в исследовательскую работу предполагает, при сохранении за научными сотрудниками полной свободы в целях и методах научного исследования, согласование соответствующих работ в интересах избежания излишнего их перекрытия, экономизации сил наличных научных работников, а равно и всякого рода материальных средств» [1].

Программа научных работ в области развития производительных сил страны, по сути дела первая советская государственная программа научного строительства, начала формироваться с весны 1918 г.; главными ее звеньями стали, с одной стороны, ленинский «Набросок плана научно-технических работ» и предложения советских органов, а с другой — планы КЕПС Академии наук. В «Наброске плана научно-технических работ» определялась роль науки и ученых в тот период, ставилась, в частности, задача, связанная с обеспечением нашей стране возможности самостоятельно снабдить себя всеми главнейшими видами сырья для промышленности; указывалось на необходимость экономического подъема России, электрификации промышленности и транспорта и т. п. Идея тесной связи науки (и ученых) с производством обретала в этом наброске плана свои конкретные формы.

Мысль о государственном планировании развития народного хозяйства и общего планирования науки высказывалась также в первые месяцы после Октября и Академией наук (например, в письме Академии наук в Наркомпрос от 24 марта 1918 г.).

В начале 1920 г. создается Государственная комиссия по электрификации России, разработавшая в 1920—1922 гг. план ГОЭЛРО. При Совете Труда и Обороны постановлением Совнаркома от 22 февраля 1921 г. образуется Государственная общеплановая комиссия, являвшаяся преемницей Комиссии ГОЭЛРО. Госплану поручалась разработка и осуществление единого плана эконо-

---

[1] Краткий отчет Госплана. 1921—1923. М., 1924, с. 194.

мического развития страны. Одним из направлений его деятельности была организация и координация научных исследований.

Потребность в централизованном, государственном руководстве наукой вытекала из природы нового строя, диктовалась потребностями дальнейшего развертывания научных исследований. Та система управления наукой, которая сложилась к середине 20-х гг., была результатом поиска, сопряженного порой с ошибками, «тупиковыми» решениями. В основе совершенствования управления лежал объективный фактор: быстрое умножение числа учреждений, усложнение взаимосвязей между ними, необходимость создания новых звеньев, все более компетентного координирования работы всех научных учреждений.

Сразу же после Октябрьского вооруженного восстания, в ноябре 1917 г. формируется Государственная комиссия по просвещению (Наркомпрос), в ведении которой находилась значительная часть научных учреждений республики, в том числе Академия наук. В составе комиссии выделялось специальное структурное подразделение для руководства наукой — Научный отдел. В январе 1918 г. при Научном отделе создается Подотдел мобилизации науки, или, как он иначе назывался, Отдел привлечения научных сил к делу государственного строительства.

Важность такого органа обусловливалась развернутым в тот период саботажем со стороны большой части специалистов, значительное количество которых не хотело работать в «советизированных» учреждениях и объявило бойкот представителям Советской власти. Необходимо было подавить саботаж и привлечь интеллигенцию, в том числе деятелей науки, к работе по заданиям новых органов власти. На Подотдел мобилизации науки как раз и возлагалась задача привлечения научных коллективов и отдельных лиц к этой работе.

Первоначально предполагалось, что Академия наук сможет вместе с Научным отделом Наркомпроса стать координационным центром деятельности научных и государственных учреждений. Однако, проводя довольно большую работу по изучению естественных богатств, Академия и ее учреждения в значительной степени были еще оторваны от производства, от непосредственных нужд промышленности и сельского хозяйства. В. И. Ленин, ознакомившись с положением дел, пришел к выводу, что А. П. Карпинский в общем правильно оценивает состоя-

ние академии и что поворот ее к нуждам народного хозяйства — процесс весьма длительный [1].

В первый же год Советской власти выяснилось, что успешно выполнять роль центрального органа по осуществлению связей науки с производством не может ни Наркомпрос, ни тогдашние структурные организации ВСНХ.

Летом 1918 г. обсуждается вопрос о создании народного комиссариата науки и техники. Научно-технический отдел ВСНХ, образованный в августе 1918 г., обладал многими из тех функций, которые намечались за комиссариатом науки. Этот организационный центр работал в непосредственном контакте с Академией наук, с Наркомпросом и другими научными и государственными органами. Научная комиссия, функционировавшая при НТО ВСНХ, сыграла «серьезную роль в смысле установления постоянной и планомерной связи между различными отраслями как чистых (точных и описательных), так и прикладных наук... Собирая на свои заседания наиболее видных московских ученых и организуя целый ряд научно-технических исследований, Комиссия явилась центром, в работе которого совершенно стерлось противоположение прикладного знания и чистого» [2].

В 1919 г. произошла организационная перестройка Наркомпроса. В нем создается Государственный Ученый совет (ГУС), председатель которого М. Н. Покровский писал впоследствии, что В. И. Ленин хотел видеть в нем «Госплан Наркомпроса», вырабатывающий начала политики в отношении научных учреждений и вузов. Несколько позже, в начале 1921 г., в Наркомпросе образуется Академический центр как орган общего теоретического и программного руководства, включавший в себя и управление научными учреждениями (Главнаука). Это были органы, на которые возлагалось проведение политики в области науки, организационное и идеологическое руководство сетью научных учреждений Наркомпроса, координация их деятельности с деятельностью аналогичных учреждений, находящихся в ведении других наркоматов.

В начале 1922 г. встал вопрос о создании особого государственного научно-организационного центра на вне-

---

[1] См.: *Городецкий Е. Н.* К истории ленинского плана научно-технических работ.— Из истории революционной и государственной деятельности В. И. Ленина. М., 1960, с. 228.

[2] *Новиков М.* Наука и техника.— Технико-экономический вестник, 1922, № 3, с. 263.

ведомственной основе. Инициатором постановки вопроса явилась Академия наук, ходатайствовавшая о создании такого центра, облеченного широкими полномочиями, с привлечением к работе ученых, задачей которого было бы содействие развитию науки в стране.

В июне 1922 г. Большой Совнарком принимает декрет об учреждении Особого временного комитета науки при СНК РСФСР. Комитет подготавливал и осуществлял мероприятия, обеспечивающие планомерное развитие и централизованное стимулирование научной деятельности. Позднее, в 1926 г., функции постоянного государственного органа по руководству наукой были возложены на Комиссию содействия научным работам при СНК СССР.

Таким образом, в первые послеоктябрьские годы возникла качественно новая система организации науки в стране. В основу этой системы были положены следующие принципы: 1) сближение науки с производством; 2) сбалансированное развитие теоретических и прикладных исследований; 3) организация коллективного исследования крупных научных проблем; 4) плановость и координированность исследований на всех уровнях организации, вплоть до общегосударственного; 5) централизованное регулирование научной деятельности.

Реальная практика свидетельствовала о том, насколько глубоко понимала Коммунистическая партия сущность и назначение науки, насколько высоко она ценила ее достижения, в отличие от левоанархистских и левопролеткультовских демагогических призывов к ликвидации «во имя революции» «буржуазного» научного наследства.

2
ПРИВЛЕЧЕНИЕ

Одновременно с формированием новой системы организации науки развертывалось привлечение специалистов науки к работе. Необходимость такого привлечения обусловливалась конкретной исторической обстановкой первых лет Советской власти. Как уже отмечалось, значительная часть специалистов (а среди них было немало и ученых) объявила Советской власти бойкот, не хотела работать под руководством или даже при участии ее представителей. Требовалось убедить и заставить ее работать. Причем речь шла не о работе вообще, а о работе по государственным заданиям, исходящим от советских учреждений, от лиц, уполномоченных на то советскими органами власти.

Привлечение специалистов, ранее служивших капиталистам и буржуазному государству, было связано с решением большого круга задач политического характера, с преодолением сопротивления с их стороны. Это послужило основанием В. И. Ленину расценивать этот процесс в качестве одной из новых форм классовой борьбы при переходе от капитализма к социализму.

Партия и Советское государство стремились к тому, чтобы привлечь к работе в интересах народного государства всех специалистов. В. И. Ленин неоднократно указывал на необходимость «воспользоваться всеми специалистами, какие есть...» [1]. Это значит, что речь шла не только о специалистах-коммунистах или специалистах, поддерживающих Советы, но и о нейтральных в политическом отношении специалистах и даже о враждебно относящихся к социализму.

Завоевав политическую власть и ведя борьбу за развитие социалистической революции, партия сразу же заявила о том, что будет привлекать специалистов науки и техники к хозяйственному и культурному строительству. Буквально на следующий день после вооруженного восстания В. И. Ленин в беседе с инженером-технологом П. А. Козьминым просил: «Тащите инженеров, тов. Козьмин, тащите в Смольный. Без инженеров, без специалистов мы пропадем... Кто придет работать, отнесемся к тем лучше, чем капиталисты. Потом они поймут, что делают великое дело» [2].

В полном соответствии с политикой партии газета «Известия» публикует в середине ноября 1917 г. обращение народного комиссара просвещения «Ко всем учащим», в котором буржуазные специалисты, в том числе и деятели науки, призывались вспомнить свои лучшие традиции служения народу, отказаться от политики бойкота и работать вместе с народом, «быть с народом во всех его переживаниях и даже блужданиях». В обращении подчеркивалось, что «союз науки и четвертого сословия» является вполне «естественной» вещью [3].

Наркомпрос и ВСНХ сформировали специальные центры по привлечению научных специалистов. В январе 1918 г. при Наркомпросе был создан Отдел привлечения

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 19.

[2] *Козьмин П. А.* В. И. Ленин и специалисты.— Советское мукомолье и хлебопечение, 1927, № 8, с. 481—483.

[3] См.: «Ко всем учащим».— Известия ЦИК и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, 1917, 15 ноября.

научных сил на службу крестьянской и рабочей России. В феврале 1918 г. в составе ВСНХ был учрежден Совет экспертов с задачей объединения научных сил России для содействия разрешению назревших хозяйственных задач.

Работая в марте 1918 г. над статьей «Очередные задачи Советской власти», В. И. Ленин констатировал, что теперь во всех областях хозяйственной и политической жизни мы имеем предложение услуг со стороны громадного числа буржуазной интеллигенции и что задача Советской власти состоит теперь в том, чтобы суметь воспользоваться ими.

На заседании ЦК РКП(б), состоявшемся 31 марта 1918 г., В. И. Ленин выступил с обоснованием нового курса на привлечение буржуазных специалистов.

VIII съезд РКП(б), состоявшийся в марте 1919 г., принял Программу партии, в которой было записано, что задача развития производительных сил требует немедленного, широкого и всестороннего использования оставленных нам в наследство капитализмом специалистов науки и техники. Было сформулировано также программное требование — «привлечение к преподавательской деятельности в высшей школе всех, могущих там учить...» [1]. Линия партии оставалась неизменной на протяжении всего рассматриваемого нами периода. Менялись лишь формы, методы решения проблемы в зависимости от конкретно-исторической обстановки, от конкретной ситуации.

Годы гражданской войны обусловили использование такой крайней формы привлечения, как трудовая повинность. 19 декабря 1918 г. был издан декрет Совнаркома «Об учете и мобилизации технических сил РСФСР». 25 января 1919 г. Совнарком принимает декрет «Об учете и мобилизации специалистов сельского хозяйства», согласно которому объявлялись призванными на действительную службу в сельском хозяйстве ряд категорий специалистов, в том числе занимающиеся научной и преподавательской деятельностью в качестве профессоров и преподавателей. 12 сентября 1919 г. было издано постановление Совета Рабочей и Крестьянской обороны «О порядке мобилизации профессоров и преподавателей высших учебных заведений».

Вскоре по декрету СНК от 23 декабря 1919 г. часть ученых — наиболее выдающиеся специалисты (500 че-

---

[1] КПСС в резолюциях..., т. 2, с. 82.

ловек) — была освобождена от трудовой повинности[1].

Все эти меры Советского правительства помогли более рационально распределить научные силы, благодаря чему было смягчено кризисное положение, в котором находилось народное хозяйство в тот период. К осени 1921 г. было признано возможным отказаться от чрезвычайных мер по привлечению специалистов. Было издано постановление Совета Труда и Обороны «О прекращении мобилизации отдельных категорий специалистов и профессий», которым прекращалось действие всех постановлений, касающихся мобилизации специалистов, кроме работников медицины.

Трудовая повинность охватила лишь часть крупных специалистов науки и техники. Другая ее часть, в том числе те, кто был объединен в рамках Академии наук и ряде научно-исследовательских институтов, вовлекались в работу по государственным заданиям иными средствами.

Установка на привлечение специалистов науки и техники реализовывалась также в форме постепенного и систематического налаживания деловых контактов с научными коллективами, а также с отдельными учеными. Предлагая исследовательским учреждениям конкретные задания, Наркомпрос стремился к постепенному расширению традиционной проблематики; выявлялись скрытые возможности их деятельности и таким путем оказывалось влияние на их работу. При этом учитывались характер и специфика данных учреждений, направление их деятельности в течение предшествующего периода.

В числе первых научных коллективов, с которыми устанавливался контакт, была Российская Академия наук. С января по апрель 1918 г. Наркомпрос при ближайшем участии В. И. Ленина, под его руководством, вел переговоры с Академией наук с целью установить с этим авторитетнейшим коллективом ученых отношения делового сотрудничества. Содержание и ход этих переговоров достаточно детально проанализированы советскими исследователями, и их материалы не раз публиковались в печати. Коснемся лишь одного момента — изменения позиции Академии наук в вопросе о возможности своего участия в разработке народнохозяйственных проблем.

Сначала академия отнеслась несколько скептически к предложению Наркомпроса относительно работы по го-

---

[1] См.: Декрет СНК об улучшении положения научных специалистов.— Ленин и Академия наук, с. 63—64.

сударственным заданиям. Решением общего собрания Академии наук от 6 февраля 1918 г. ее секретарь С. Ф. Ольденбург уполномочен был сообщить, что «ответ Академии может быть дан по каждому отдельному вопросу в зависимости от научной сущности вопроса, по пониманию Академии, и от наличности тех сил, которыми она располагает» [1]. Собрание академии от 19 февраля, обсудившее присланные Наркомпросом «Положения к проекту мобилизации науки», выражало готовность «по требованию жизни и государства, приняться за посильную научную и теоретическую разработку отдельных задач, выдвигаемых нуждами государственного строительства», но вместе с тем поручало секретарю сообщить Наркомпросу, что «в вопросах экономических Академия не может взять на себя в настоящее время инициативы, так как даже единственный ее специалист в этой области отсутствует в Петрограде» [2]. Здесь имелся в виду А. Е. Ферсман, который считал вполне осуществимым и весьма своевременным изучение природных производительных сил, но наряду с этим полагал, что технико-экономическое изучение народного хозяйства является «задачей, практически трудно осуществимой», так как она «по широте, сложности и соприкосновению с практическими сторонами жизни лежит вне круга широкой научной работы Академии» [3]. Как видим, для позиции Академии наук, в целом не отвергавшей в тот момент возможности сотрудничества с Советской властью, характерна была уклончивость в ряде конкретных вопросов.

В письме президенту Академии наук А. П. Карпинскому (5 марта 1918 г.) о задачах академии в области изучения народного хозяйства страны А. В. Луначарский не настаивал на ранее сформулированной Наркомпросом проблематике; самим ученым предоставлялась возможность определить формы и способ своего участия в общей работе. Луначарский отмечал: «Комиссариат, конечно, понимает те неизбежные затруднения, которые при этом должны были бы встретиться у Академии в связи с тем, что центр тяжести научного интереса Академии, как она ныне конструируется, лежит в области теоретических наук, в частности физико-математических и историко-филологических. От него не скрыто, что распространение

---

[1] Организация науки в первые годы Советской власти (1917—1925), с. 103.

[2] Там же, с. 107.

[3] Там же, с. 108.

организационной инициативы Академии на область наук социально-экономических потребовало бы значительного напряжения сил в создании организационной связи с дисциплинами, ныне мало представленными в Академии» [1]. Высказав уважение к Академии наук и понимание ее позиции, Луначарский вместе с тем тактично настаивал на изменении ее научной ориентации. Он обратился к деятельности Комиссии по изучению естественных производительных сил России, к сформулированным В. И. Вернадским задачам комиссии, к результатам ее работы; в письме были проанализированы издания академии последних лет, касающиеся народнохозяйственной проблематики. «Все это заставляет думать,— писал Луначарский,— что Академия в ходе своих работ уже сама близко подошла к границам народнохозяйственной области, причем не всегда оставляла эти границы неперейденными. Народный комиссариат по просвещению полагает поэтому, что отдаленность области настоящих работ Академии от задач экономического изучения России на деле меньше, чем это может показаться с первого взгляда, и что соответственно меньшими должны быть и трудности для Академии по пути организации специальной комиссии для этой задачи. Ранее же предпринятые Академией работы должны лишь облегчить ей разрешение этой новой задачи» [2]. Наркомпрос тактично и аргументированно пытался воздействовать на позицию Академии наук.

Усилия были направлены в основном на то, чтобы помочь академии развернуть работу в традиционной области — в области изучения природных ресурсов России. Однако задания, которые ей давались, выводили академию за пределы традиционных исследований, подводили ее к постановке общеэкономических проблем. В дальнейшем академия все больше эволюционировала в своей проблематике, оказывая существенную помощь народному государству в развитии производства. Путь, который проделала Академия наук в течение первого послереволюционного полугодия, прошли в то время многие научные учреждения и организации — обсерватории, исследовательские подразделения университетов, научные общества. Подобно Академии наук, они привлекались к решению народнохозяйственных задач настойчиво, но без всякого

---

[1] Организация науки в первые годы Советской власти (1917—1925), с. 109—110.
[2] Там же, с. 112.

нажима, и всей логикой событий втягивались в сферу общей созидательной работы[1]. Уже в июле 1918 г. Наркомпрос имел деловые контакты более чем со 100 исследовательскими учреждениями и организациями.

При формировании новых научно-исследовательских институтов в Наркомпросе рассматривались и обсуждались программы их работы, которые увязывались с проблемами прикладного знания, утверждались штаты сотрудников и определялись объемы денежных средств, необходимых для проведения соответствующих научно-исследовательских разработок.

В таких научных коллективах объединялись ведущие ученые в данной отрасли знания. Так, в атомной комиссии Государственного оптического института, созданной в январе 1920 г., над проблемой строения сложных атомов работали: Д. С. Рождественский, А. Ф. Иоффе, А. Н. Крылов, В. К. Фредерикс, В. Р. Бурсиан и др. Во главе лабораторий Петергофского института стояли А. А. Ухтомский, С. П. Костычев, В. А. Догель, Ю. А. Филипченко. Для изучения Курской магнитной аномалии в 1918 г. была создана комиссия под председательством П. П. Лазарева, в состав которой вошли А. Н. Крылов, Ю. М. Шокальский, А. И. Бачинский, Л. А. Чугаев, А. М. Ляпунов. Позднее при Горном совете ВСНХ создается Особая комиссия по изучению Курской магнитной аномалии, преобразованная в феврале 1921 г. в самостоятельное учреждение при Президиуме ВСНХ во главе с профессором И. М. Губкиным.

Большое количество ученых было привлечено к участию в работе народных комиссариатов. Так, в работе ученого совета Наркомздрава участвовал И. П. Павлов. Среди многих деятелей науки, работавших здесь, были В. М. Бехтерев, П. Н. Диатроптов, Д. К. Заболотный, П. П. Кащенко, М. И. Немёнов, Г. В. Хлопин, М. Н. Шатерников.

Разностороннюю помощь в работе Наркомзема оказывали ученые Д. Н. Прянишников, Д. Д. Арцыбашев, Н. М. Тулайков, Р. Э. Регель, Н. М. Книпович, Л. И. Прасолов и др.

Значительные научные силы сосредоточивались в Высшем совете народного хозяйства. В 1919 г. в различных секциях, отделениях и учреждениях научно-технического

---

[1] См.: *Бастракова М. С.* Становление советской системы организации науки (1917—1922), с. 133—134.

отдела ВСНХ и его главных отделениях (в Петрограде, Киеве, Харькове) уже работало в качестве постоянных сотрудников, членов советов, консультантов и экспертов свыше 250 профессоров, 300 инженеров и около 240 других специалистов (химиков, физиков, экономистов и др.), не считая большого числа ученых и специалистов, работающих в целом ряде лабораторий и научных учреждений, не состоящих при НТО ВСНХ, но выполняющих его задания[1]. В работе НТО ВСНХ участвовали Н. Е. Жуковский, А. Н. Крылов, Д. С. Рождественский, Н. Д. Зелинский, А. Д. Архангельский, И. А. Каблуков, А. Е. Фаворский, А. Н. Туполев и др. ученые. В Президиум Научной комиссии НТО входили П. П. Лазарев, И. М. Губкин, Н. М. Кулагин, В. А. Анри, А. Е. Ферсман. Первым заведующим НТО был Н. П. Горбунов — инженер-коммунист, рекомендованный на эту должность В. И. Лениным (в связи с назначением на эту работу он был освобожден от должности секретаря Совнаркома), привлекший к работе в ВСНХ многих специалистов науки.

Один из конкретных примеров привлечения к работе в ВСНХ ученых связан с личностью крупного ученого-химика А. Н. Баха.

В начале октября 1918 г. руководитель Отдела химической промышленности ВСНХ Л. Я. Карпов, по инициативе которого была организована Центральная химическая лаборатория, направил А. Н. Баху письмо: «Прилагая при сем выписку постановления Коллегии Отдела химической промышленности ВСНХ от 4 октября с. г., имею честь предложить Вам заведывание лабораторией, организуемой Отделом химической промышленности ВСНХ. В случае Вашего согласия, предлагаю Вам наметить Ваших ближайших сотрудников, также выработать проект положения о лаборатории и ее штате»[2]. А. Н. Бах стал во главе лаборатории; в состав сотрудников им были привлечены Б. И. Збарский, А. И. Опарин и др. Сама лаборатория переросла затем в Химический институт, открытие которого состоялось в декабре 1922 г. В качестве директора этого института и заместителя председателя Научно-технического совета по химической промышленности ВСНХ А. Н. Бах постоянно имел дело с ВСНХ и убедился в недостаточности размаха и целеустремленности научно-

[1] См.: Работа Научно-технических учреждений Республики. 1918—1919 г. М., 1919, с. 9.

[2] Цит. по: *Бах Л. А., Опарин А. И.* Алексей Николаевич Бах. Биографический очерк. М., 1957, с. 106—107.

организационной деятельности тогдашнего состава его Научно-технического отдела. В ответ на критику недостатков А. Н. Баху предложили занять пост заместителя председателя Научно-технического отдела, чтобы он лично помог поднять работу на необходимую высоту. А. Н. Бах принял это предложение [1].

Эта же ленинская линия на привлечение специалистов характерна для других государственных учреждений, в особенности, связанных с наукой.

Так, в Государственную комиссию по разработке плана электрификации России (ГОЭЛРО) вошло около 200 ученых. Эти специалисты, по характеристике В. И. Ленина, были почти все, без исключения, противники Советской власти, но работали с интересом [2].

Включение по инициативе В. И. Ленина большого числа беспартийных ученых в органы ВСНХ и Госплана, как говорил А. В. Луначарский, был «шаг, казавшийся в то время очень смелым» [3].

Особый временный комитет науки, возглавляемый заместителем председателя Совнаркома, включал в свой состав М. Н. Покровского, М. К. Владимирова, С. П. Середу, Л. Б. Красина, Ф. Э. Дзержинского, а от Академии наук — академиков В. А. Стеклова, П. П. Лазарева, А. Е. Ферсмана (заместителем председателя комитета являлся вице-президент Академии наук). Среди многих мероприятий, проведенных комитетом и содействовавших привлечению ученых, выделяется Всероссийская конференция по изучению естественных производительных сил страны. В состав оргбюро входили А. Е. Ферсман, В. А. Обручев, Н. С. Курнаков, Н. И. Вавилов, В. Г. Глушков, А. А. Ярилов, В. Е. Грум-Гржимайло.

Привлечение специалистов науки и техники, осуществляемое, как мы видим, в широких масштабах по всем направлениям государственной жизни, требовало определения условий такого привлечения.

В статье «Очередные задачи Советской власти», предварительно одобренной в виде тезисов на Пленуме ЦК РКП(б) 26 апреля 1918 г., В. И. Ленин отмечал, что крупнейшие специалисты могут быть использованы государством либо по-новому, по-пролетарски, т. е. созданием той обстановки организованности, всенародного уче-

---

[1] См.: *Бах Л. А., Опарин А. И.* Алексей Николаевич Бах. Биографический очерк, с. 123.

[2] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 51.

[3] *Луначарский А. В.* Ленин и народное образование, с. 125.

та и контроля снизу, которая неизбежно и сама собою подчинила и привлекала бы специалистов, либо по-старому, по-буржуазному, т. е. за высокую плату. Но так как трудящиеся пока еще не достигли такой степени организованности, учета и контроля, чтобы вызвать поголовное и добровольное участие «звезд» буржуазной интеллигенции в нашей работе, то приходится идти на высокую оплату «услуг» крупнейших из буржуазных специалистов, приходится платить им «дань». Ленин считал это шагом назад, компромиссом, отступлением от принципов Парижской коммуны. Он не определял сроков такого отступления, но указывал, что подобная «дань» — явление временное, зависящее от организованности рабочего класса и органов его власти [1].

Программа партии, принятая VIII съездом РКП(б), намечала общую стратегическую линию в этом вопросе: «Стремясь к равенству вознаграждения за всякий труд и к полному коммунизму, Советская власть не может ставить своей задачей немедленного осуществления этого равенства в данный момент, когда делаются лишь первые шаги к переходу от капитализма к коммунизму. Поэтому необходимо еще сохранить на известное время более высокое вознаграждение специалистов, чтобы они могли работать не хуже, а лучше, чем прежде...» [2]

Методом привлечения крупных специалистов науки — системой повышенных окладов Советская власть начала пользоваться еще с декабря 1917 г. Однако вскоре положение с оплатой труда научных работников изменилось. Военные и экономические условия того времени не позволили осуществить в течение нескольких лет намеченную линию на создание благоприятных материальных условий специалистам науки. Положение ученых становилось все более тяжелым, а затем и катастрофическим.

Биолог Б. Е. Райков так описывает положение населения Петрограда, этого академического центра России: «Выдача хлеба по карточкам снизилась до 200 граммов на человека, временами вместо хлеба выдавали немолотый овес. В столовых ничего нельзя было получить, кроме похлебки из неочищенного картофеля. Торговля совершенно прекратилась, лавки были пусты и заколочены. В домах не было ни света, ни воды, так как водопровод и канализация замерзли, а электростанции бездейство-

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 177—180.
[2] КПСС в резолюциях..., т. 2, с. 86.

вали... В городе свирепствовал сыпной тиф. Случаи голодной смерти получили массовый характер. Люди разбегались, стремясь попасть в более теплые и сытые места страны. Но уехать было крайне трудно, поезда ходили редко... Население Петрограда за три года сократилось с двух миллионов до 800 тысяч человек. Вот в какое положение поставили наш родной город соединенные усилия белогвардейцев и капиталистических держав, стремившихся во что бы то ни стало задушить коммунистическую Россию. Люди физически крепкие, привычные к ручному труду, энергичные и изворотливые кое-как перебивались. Но положение подавляющего большинства научных работников, мало приспособленных к таким житейским передрягам, было особенно тяжелым и угрожающим. Они стали вымирать с большой быстротой. Помню, что зимою 1919/20 г. на протяжении двух месяцев умерли в Петрограде: известный кристаллограф академик Е. С. Федоров, профессор ботаники Х. Я. Гоби (январь 1920 г.), геолог П. А. Казанский, зоолог В. Л. Бианки (январь 1920 г.), знаменитый геолог А. А. Иностранцев (январь 1920 г.)...»[1]

По свидетельству С. Ф. Ольденбурга, «ученые гибли один за другим, не выдерживая небывалого напряжения жизни и тяжелых лишений того исключительного времени... Голодали все, а удовлетворить в сколько-нибудь значительной мере можно было лишь немногих. Трудно было в такой обстановке производить выбор. Нужны были беспредельный авторитет Ленина и громадная популярность Горького, чтобы сделать возможным выдачу «ученого пайка». Ведь на глазах у голодных масс, поставивших себе задачей уничтожить все преимущества и привилегии, создан был этот исключительный паек. Многие близорукие люди, даже из ученых, не понимали тогда, что этот поход за науку... нужен был прежде всего для того, чтобы можно было накормить ученого, спасти его от смерти»[2].

Советская власть изыскивала все возможные в то время средства на материальную поддержку ученых. В октябре 1918 г. издается постановление (за подписью А. В. Луначарского) о мерах по улучшению их положения; весной 1919 г. при Академии наук организуется продовольственный отдел. Важное значение имел де-

---

[1] Горький и наука. Статьи, речи, письма, воспоминания. М., 1964, с. 253—254.

[2] Там же, с. 244.

крет Совнаркома от 23 декабря 1919 г. об улучшении положения научных специалистов. Для проведения его в жизнь Президиум Исполкома Петроградского Совета создал в январе 1920 г. Петроградскую комиссию по улучшению быта ученых; в августе 1921 г. учреждается Московская комиссия по улучшению быта ученых. В 1921 г. создается Центральная комиссия, важнейшее направление деятельности которой — распределение академического пайка (более высокого по калорийности, чем другие). Этот паек выдавался до октября 1923 г., а число ученых, получавших его, колебалось от 550 (на январь 1920 г.) до 22 000 с членами семей (конец 1922 г.) [1].

Напряженной, порой драматичной была борьба органов Советской власти за привлечение специалистов науки и техники в этих условиях. Но постепенно ситуация с материальным положением научных работников становилась более благоприятной. В 1923—1925 гг. предпринимаются меры, направленные на повышение заработной платы в вузах и научных учреждениях. Проведенное в середине 1925 г. выборочное изучение бюджета ученых показало, что реальный заработок научного работника составлял 100—140 червонных руб. в месяц (в сравнении: у рабочих он был в 1924—1925 гг. равен 45,2 руб., у служащих — 58,4 руб.) [2].

Привлекая специалистов науки и техники к работе по заданиям пролетарского государства, органы Советской власти на протяжении всего рассматриваемого периода проявляли постоянную заботу об улучшении материальной базы научно-исследовательской деятельности.

В 1919 г. издается декрет Совнаркома «О снабжении бактериологических институтов и лабораторий необходимым для их работы материалом и инвентарем». При непосредственной поддержке В. И. Ленина отпускаются необходимые средства Институту экспериментальной медицины, Институту труда и другим научным учреждениям. При утверждении сметы Наркомздрава (июнь 1922) Совет Народных Комиссаров предоставил ему право войти с дополнительным представлением на содержание научных учреждений. По ходатайству Особого временного комитета науки в августе 1922 г. Совет Труда и Обороны более чем вдвое увеличил отпуск средств для нужд науки, ассигновав дополнительно 300 тыс. руб. золотом

---

[1] См.: Научный работник, 1925, № 1, с. 175.
[2] См.: Научный работник, 1925, № 3.

для закупки за границей приборов, аппаратов и материалов для вузов и научных учреждений. Принимается декрет Совнаркома «О приобретении химической лаборатории профессора Баха, находящейся в Женеве, и о передаче ее Химическому институту имени Карпова».

Эти, как и многие другие, мероприятия являлись практическим воплощением в жизнь Программы РКП(б), провозгласившей, что партия стремится к «созданию наиболее благоприятных условий научной работы в ее связи с поднятием производительных сил страны» [1].

Большую помощь партии в этом отношении оказывал А. М. Горький [2], политическая позиция которого к тому времени была иной, чем сразу после вооруженного восстания в Петрограде. В мае 1918 г. он уже отвергал огульные обвинения большевиков в варварстве. Лучшие из большевиков, писал он, «превосходные люди, которыми со временем будет гордиться русская история, а ваши дети, внуки будут восхищаться их энергией... Я скажу, что, не зная, к каким результатам приведет нас, в конце концов, политическая деятельность их, психологически — большевики уже оказали русскому народу огромную услугу, сдвинув всю его массу с мертвой точки и возбудив во всей массе активное отношение к действительности, отношение, без которого наша страна погибла бы» [3]. Горький много сделал для проведения в жизнь политики партии в отношении научной и художественной интеллигенции, для оказания помощи ученым, литераторам. Он не только организовал Петроградскую комиссию по улучшению быта ученых, но и регулярно, ежедневно тратил много часов на нее: принимал десятки ученых, заседал в разных комиссиях, ездил в самые разнообразные учреждения Москвы и Петрограда по делам ученых, докладывал о ходе работы очень часто В. И. Ленину и т. д. Он был одним из ведущих руководителей такой крупной организации ученых, как «Свободная ассоциация для развития и распространения положительных наук», куда входили В. И. Вернадский, И. П. Павлов, Н. С. Курнаков, В. Л. Комаров и др.; возглавлял журнал «Наука и ее работники»; был организатором многих митингов интел-

---

[1] КПСС в резолюциях..., т. 2, с. 86.

[2] См.: *Юнович М.* М. Горький — пропагандист науки. М., 1961; Горький и наука. Статьи, речи, письма, воспоминания. М., 1964; В. И. Ленин и А. М. Горький. Письма, воспоминания, документы. М., 1969.

[3] Новая жизнь, 1918, 26 мая.

лигенции, на которых разъяснял политику Советской власти. Работа Горького содействовала привлечению к сотрудничеству с коммунистами в 1918—1919 гг. значительного числа высококвалифицированных деятелей науки (В. А. Стеклова, С. Ф. Ольденбурга, С. П. Федорова и др.).

Наряду с созданием соответствующей материальной базы важным условием привлечения специалистов науки и техники к работе было их сотрудничество с коммунистами.

Чрезвычайно ценными являются мысли В. И. Ленина, содержащиеся в его записках «О придании законодательных функций Госплану» (декабрь 1922). Госплан, по В. И. Ленину, представляет собой совокупность сведущих людей, экспертов, представителей науки и техники и обладает, в сущности, наибольшими данными для правильного суждения о делах. Во главе Госплана «должен стоять человек, с одной стороны, научно образованный, именно, по технической, либо агрономической линии, с большим, многими десятилетиями измеряемым, опытом практической работы... Такой человек должен обладать не столько администраторскими качествами, сколько широким опытом и способностью привлекать к себе людей... Руководитель государственного учреждения должен обладать в высшей степени способностью привлекать к себе людей и в достаточной степени солидными научными и техническими знаниями для проверки их работы. Это — как основное. Без него работа не может быть правильной. С другой стороны, очень важно, чтобы он умел администрировать и имел достойного помощника или помощников в этом деле. Соединение этих двух качеств в одном лице вряд ли будет встречаться и вряд ли будет необходимо»[1]. И далее, касаясь кадрового состава Госплана, В. И. Ленин писал, что подавляющее большинство этих ученых по неизбежности заражено буржуазными взглядами. «Проверка их с этой стороны должна составлять задачу нескольких лиц, которые могут образовывать президиум Госплана, которые должны состоять из коммунистов и следить изо дня в день во всем ходе работы за степенью преданности буржуазных ученых и за их отказом от буржуазных предрассудков, а также за их постепенным переходом на точку зрения социализма»[2].

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 350, 351.
[2] Там же, с. 352.

Аналогичные функции возлагались на коммунистов, работавших с буржуазными специалистами в других центральных органах Советского государства.

В Наркомпрос, согласно директивам ЦК РКП(б) [1], рекомендовалось систематическое привлечение специалистов (т. е. педагогов с теоретической и длительной практической подготовкой), обращение к ним за консультациями в случае необходимости. Но основное руководство, говорилось в директивах, должно оставаться в руках коммунистов, при которых специалисты, как правило, должны быть помощниками; исключения могут быть допущены лишь для специалистов с очень крупным стажем советской работы и вполне известных своей лояльностью руководителям Наркомпроса.

Одним из наиболее слабых мест в организации работы Наркомпроса первого периода его существования было отсутствие в его составе сколько-нибудь широкого актива из крупных ученых. Предстояла реорганизация Наркомпроса. Много внимания этому уделял В. И. Ленин. В письме А. В. Луначарскому 29 ноября 1920 г. он указывает, что Государственный Ученый совет должен иметь состав — «все члены коллегии + лучшие *спецы*, хотя бы буржуазные» [2]. Адресуя 6 декабря 1921 г. записку М. Н. Покровскому, В. И. Ленин замечает, что «*неправильно* отсутствие зама крупного *спеца* в Главпрофобре...» [3].

В. И. Ленин указывал на серьезный недостаток Наркомпроса — стремление его работников к «коммунистическому руководству», увлечение абстрактными лозунгами. Он писал в феврале 1921 г., что в комиссариате просвещения есть два товарища с заданиями исключительного свойства. Это — нарком, т. Луначарский, осуществляющий общее руководство, и заместитель, т. Покровский, осуществляющий руководство, во-первых, как заместитель наркома, во-вторых, как обязательный советник (и руководитель) по вопросам научным, по вопросам марксизма вообще. Оба они являются в указанных отношениях своего рода «спецами» в Наркомпросе. «Для всех остальных работников,— подчеркивал В. И. Ленин,— такой «*специальности*» быть не может. «Специальностью»

---

[1] См.: Директивы ЦК РКП коммунистам, работникам Наркомпроса в связи с реорганизацией комиссариата.— КПСС о культуре, просвещении и науке, с. 325—326.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 52, с. 22.

[3] Там же, т. 54, с. 66.

всех остальных работников должно быть уменье наладить дело привлечения к работе спецов-педагогов, осуществить правильную постановку их работы, использовать указания практического опыта систематически» [1].

И далее он отмечал, что успех работы коммуниста, действующего в области (и в учреждении) народного просвещения, должен измеряться в первую голову тем, как поставлено это дело привлечения спецов, уменье найти их, уменье использовать их, уменье осуществить сотрудничество спеца-педагога и коммуниста-руководителя, уменье проверить, что именно и насколько осуществляется в жизни, уменье двигаться вперед — пусть даже очень медленно, в очень скромных размерах, но только на деловой почве, на почве практического опыта. «Если же у нас,— писал В. И. Ленин,— будет и впредь в Наркомпросе обилие претендентов на «коммунистическое руководство» и пустота в практической области, недостаток или отсутствие спецов-практиков, неуменье их выдвинуть, их выслушать, их опыт учесть,— тогда дело не пойдет. Руководитель-коммунист тем и только тем должен доказать свое право на руководство, что он *находит* себе *многих*, все больше и больше, помощников из педагогов-практиков, что он *умеет им* помочь работать, *их* выдвинуть, *их* опыт показать и учесть» [2].

Активное участие В. И. Ленина в реорганизации Наркомпроса привело к созданию такой структуры, при которой все звенья его были нацелены на связь со специалистами-педагогами, а многие из них включали их в свой рабочий состав. Реализовывался совет Ленина — использовать специалистов также в самих штабах управления производством, культурой и наукой. При этом в разных подразделениях Наркомпроса был порой различный удельный вес привлекаемых специалистов. В Главнауке Академического центра, например, были сосредоточены, в основном, буржуазные специалисты, а в ГУСе — главным образом специалисты-марксисты. «Оставшись одна, Главнаука подверглась бы величайшей опасности обратиться в «спецовское» ведомство. Связанная с Академическим центром, она находится под надежным марксистским контролем. Именно такое соединение дает возможность использовать буржуазных специалистов, не давая

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 42, с. 324.
[2] Там же, с. 325.

им использовать нас самих, как это, по грехам, иногда бывает» [1].

К работе в Наркомпросе были привлечены крупные научные силы, в том числе Д. С. Рождественский, П. П. Блонский, Д. Н. Прянишников, И. Г. Александров и многие другие ученые.

Нелегким был вопрос использования специалистов в вузах. Воспитание студенчества, подготовка новых кадров по разным отраслям знания требовала классово-партийной, марксистской направленности преподавания общественных наук и материалистической трактовки научных достижений. В директивах ЦК РКП(б) указывалось, что содержание обучения, поскольку речь идет об общеобразовательных предметах, в особенности в философии, общественных науках и коммунистическом воспитании должно определяться только коммунистами [2]. Но по ряду причин, в первую очередь из-за острой нехватки специалистов-марксистов, приходилось использовать в вузах и немарксистские кадры в преподавании общественных наук, но, конечно, при соответствующих условиях контроля.

Необходимо было политически завоевать высшую школу, влиять непосредственным и решающим образом на выработку программы, учебных планов, на идейную направленность учебного процесса, осуществлять связь вузов с производством и т. п. В годы гражданской войны уже были проведены некоторые реформы высшей школы; здесь требовалась политическая гибкость и осторожность в проведении принципиальных, программных установок партии, строгое следование лозунгу, выдвинутому В. И. Лениным: «Ломайте поменьше».

---

[1] Пять лет Советской власти. М., 1922, с. 508. В. И. Ленин, по свидетельству А. В. Луначарского, говорил ему: «Если вы позволите произойти процессу рассасывания наших коммунистических начал, если вы растворитесь в беспартийной среде, это будет величайшее преступление. Но если вы замкнетесь в сектантскую группку, в какую-то касту завоевателей, возбудите к себе недоверие, антипатию среди больших масс, а потом будете ссылаться на то, что они-де мещане, что они чуждый элемент, классовые враги, то придется спросить с вас со всей строгостью революционного закона... Вы должны прекрасно понимать, что наше дело отвоевать из этого массива все больше и больше союзников,— и кто этого делать не умеет, тот за дело строительства браться не должен» (*Луначарский А. В.* Ленин и народное образование, с. 127).

[2] См.: Директивы ЦК РКП коммунистам, работникам Наркомпроса в связи с реорганизацией комиссариата.— КПСС о культуре, просвещении и науке, с. 326.

Но каждый шаг в намеченной программе реорганизации системы высшего образования был сопряжен с большими трудностями во взаимоотношениях со старой профессурой, в большинстве своем настроенной оппозиционно. Невозможность остановки учебного процесса, отстранения от работы специалистов, недопустимость самой мысли о закрытии всех старых вузов делали указанную проблему своеобразной и чрезвычайно сложной. Это была проблема использования и постепенного приобщения специалистов к такому заданию Советского государства, как подготовка советских кадров в соответствии с новыми учебными программами и в совершенно иных организационных рамках, чем это было раньше.

Большую роль в привлечении научной интеллигенции вузов, а также ученых других научных учреждений к сотрудничеству с Советской властью сыграл, как мы уже отмечали, выдающийся биолог К. А. Тимирязев.

Депутат Московского Совета и член Социалистической академии К. А. Тимирязев пропагандировал культурно-революционные идеалы рабочего класса среди ученых по линии Всероссийской ассоциации натуралистов, возникшей в конце 1918 г., и по линии Государственного Ученого совета Наркомпроса. Он развенчивал «свободу» науки при капитализме, показывал клеветнический характер измышлений в адрес Советской власти, разъяснял смысл реформ, проводимых в вузах. Активное его участие в работе Наркомпроса, в подготовке и проведении реформы высшей школы ускорило переход к сотрудничеству с органами Советской власти многих ученых-естествоиспытателей [1].

В 1921 и 1922 гг. процесс привлечения профессуры вузов, точнее, процесс проведения реформы высшей школы резко осложнился. В апреле 1921 г. враждебным элементам удалось использовать ошибки Наркомпроса, вызвать недовольство среди профессоров МВТУ и организовать профессорскую забастовку. Начальник Главного управления профессионального образования (Главпрофобра) Наркомпроса Е. А. Преображенский настаивал на применении самых суровых мер, вплоть до ареста, ко всей оппозиционной профессуре.

Политбюро ЦК РКП(б) приняло специальное поста-

---

[1] См.: *Павчинская Г. П.* Общественно-политическая деятельность К. А. Тимирязева (1917—1920 годы).— Из истории Московского университета (1917—1941). М., 1955, с. 37—80.

новление по этому вопросу, в котором говорилось о необходимости гибкого подхода к специалистам, разбора требований профессуры по существу. Рекомендовалось, не делая принципиальных политических уступок, достигать соглашения с ней. За быстрым и правильным разрешением данного конфликта внимательно следил В. И. Ленин [1]. В специальном письме ЦК РКП(б) и Наркомпроса, доведенном до сведения профессорско-преподавательского и студенческого состава МВТУ и всех других вузов, указывалось на недопустимость профессорской забастовки, объявлялся строгий выговор профессорам и делалось предупреждение, что продолжение или повторение забастовки вызовет немедленный арест виновных и предание их суду. Вместе с тем разъяснялось всем партийным ячейкам вузов, что их обязанности по отношению к студенчеству и профессуре учебных заведений понимаются ими «неправильно». «Вмешательство в учебную жизнь, своеобразная, во многих местах непрерывная борьба с профессурой, внесение острополитического момента во взаимоотношения высших учебных заведений является совершенно недопустимой». Рабоче-крестьянская республика, указывалось далее, вынуждена использовать знания профессоров и «старается установить с ними такие отношения, при которых ход учебной жизни и развитие науки в России не прерывались бы. В тех случаях, когда профессура сама совершает поступки, нарушающие учебную и научную жизнь, Советская власть в лице Наркомпроса и Главпрофобра сумеет призвать их к порядку» [2].

19 апреля 1921 г. В. И. Ленин пишет письмо Е. А. Преображенскому: «Из некоторых Ваших замечаний... было видно, что Вы считаете решение Политбюро насчет профессоров ошибкой. Боюсь, что есть тут недоразумение. Боюсь, что Вы толкуете решение не точно. Что Калинников (так, кажись) — реакционер, охотно допускаю. Есть там и злостные кадеты, бесспорно. Но их надо *иначе* изобличить. И изобличить по конкретным поводам... Изобличи на точном факте, поступке, заявлении. Тогда посадим на месяц, на год. Будет проучен. То же со злостным кадетом... Подготовить материал, проверить, изобличить и осудить *перед всеми*, примерно нака-

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 52, с. 147—148, 155.

[2] От Народного комиссариата по просвещению.— Правда, 1921, 19 апреля.

зать. Спеца военного ловят на измене. Но военспецы привлечены все и работают. Луначарский и Покровский не умеют *«ловить»* своих спецов и, сердясь на себя, срывают сердце на всех зря... Хуже всего в НКпросе отсутствие системы, выдержки; «распущены» у них и комячейки безобразно. А выработать *приемы* «ловли» спецов и *наказания* их, ловли и обучения комячеек в НКпросе до сих пор не умели» [1].

Из приведенных выше документов видно, как последовательно, с учетом конкретных условий подходила партия к практическому проведению в жизнь политики по отношению к специалистам, к их использованию.

1921/22 учебный год был, пожалуй, самым тяжелым для процесса привлечения профессуры вузов. Обостренная сама по себе борьба вокруг проводимого в жизнь нового устава высшей школы осложнялась тремя обстоятельствами. Во-первых, новая экономическая политика принесла с собой резкое усиление натиска буржуазной идеологии; буржуазная и мелкобуржуазная интеллигенция подалась несколько вправо в своих политических убеждениях; возродились надежды на скорую гибель Советов. Во-вторых, в силу объективных причин в этот период значительно ухудшилось финансовое положение государственных учреждений. Если в 1920 г. доля госбюджета на народное образование составляла 10,4 %, то в 1922 г. доля Наркомпроса в госбюджете упала до 3,5 % [2]. Значительно сократилось число вузов; в сети научных учреждений Главнауки в 1922 г. государство вынуждено было трижды проводить сокращение штатов, в некоторых вузах профессорско-преподавательскому составу несколько месяцев не выплачивали зарплату. В-третьих, Главным управлением профессионального образования Наркомпроса были допущены ошибки в результате левацкой линии Е. А. Преображенского, фактически подталкивавшего студенчество на путь огульной вражды к профессуре, на путь ее разгрома.

Все эти обстоятельства дали возможность контрреволюционным элементам спровоцировать ряд вузов на профессорские забастовки, апогей которых пришелся на февраль 1922 г.

ЦК РКП(б) принял срочные меры к прекращению забастовок. Была создана специальная комиссия во гла-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 52, с. 155.

[2] *Ходоровский И.* Народное просвещение на X съезде Советов.— Народное просвещение, 1923, № 2, с. 6.

ве с А. Д. Цюрупой для рассмотрения материального положения научных работников и вузов и принятия соответствующих мер. На XI съезде партии В. И. Ленин подверг критике принципиальные ошибки в отношении к специалистам: «Говорят, правильная линия была рабфаков и комячеек, а не тех, которые говорили: «Поосторожнее, поумереннее будьте с этими спецами». Что комячейки есть прекрасные комячейки и рабфаки есть прекрасные рабфаки,— это так, но они не застрахованы от ошибок, они не святые. Да, комячейки есть представители нашей партии, и рабфаки есть представители нашего класса, но что они делают ошибки и мы должны их исправлять, это — азбучная истина. Как тут поправлять, я не знаю, потому что лично в собраниях ЦК, где обсуждался этот вопрос, не участвовал. Но я знаю, что пересол у нас имеется в смысле линии рабфаков и комячеек против профессоров. Но когда ЦК, рассмотрев дело со всех сторон, увидел, что тут был пересол и что по отношению к этим профессорам, чужим, представителям не нашего класса, нужно взять линию поосторожней, тогда является Преображенский, вынимает программу и говорит: никаких политических уступок этому слою, иначе это — нарушение программы. Если так начать управлять партией, то это приведет нас, наверное, к гибели»[1].

Откровенное признание партией ошибок Наркомпроса и их исправление (в частности, Е. А. Преображенский был отстранен от должности начальника Главного управления профессионального образования Наркомпроса), искреннее стремление Центрального Комитета к установлению сотрудничества с профессурой, принятие важных мер к улучшению материальных условий работы в вузах и т. п. было важнейшим условием для выявления элементов, преследующих иные политические цели и заботящихся о сохранении своих привилегий в вузах. Урегулирование конфликта позволило установить деловой контакт с большей частью специалистов, не являвшихся коммунистами, и более успешно перестраивать организационную структуру высшего образования в стране.

1922—1924 гг. были периодом работы на основе нового Устава, причем периодом, характеризующимся постепенной стабилизацией обстановки в вузах, ликвидацией корпоративной обособленности их от новой жизни, от пролетарского государства.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 121.

Завершение в середине 20-х гг. процесса привлечения научной интеллигенции явилось историческим событием, имевшим важное значение для политического сознания деятелей науки старой формации, профессоров и преподавателей вузов, создались материальные и организационные предпосылки для трансформации, изменения их политических установок.

Во-первых, сам факт «вхождения» специалистов в государственные научные и учебно-научные структуры уже свидетельствует об изменениях в их мышлении. Это «вхождение» представляло собой шаг, показывающий отсутствие какой-либо врожденной, никогда якобы неспособной ни в чем измениться буржуазной ориентации. Этот шаг к работе в советских организациях, а не бегство из страны и не выступление с оружием в руках против народа говорит о наличии в психологии и политическом сознании научной интеллигенции России чувства гражданского долга, ответственности перед народом, перед отечественной наукой, т. е. чувства, всегда бывшего основой глубокой демократичности российской интеллигенции. Первый шаг к сотрудничеству с государством рабочих и крестьян, сделанный в эти годы, показывает пробуждение, а точнее, усиление, укрепление этого чувства, способного подавить (в тенденции) любую буржуазно-политическую установку, выработанную ранее при капитализме.

Во-вторых, «вхождение» научной интеллигенции (как и интеллигенции старой формации вообще) в государственную организационную систему, участие в работе по заданиям, планам, программам социалистического государства становилось важной предпосылкой для систематического воздействия на нее новой социальной действительности, в том числе идеологии трудящихся масс.

Конечно, если брать индивидуальный уровень, то многие деятели науки, идя на сотрудничество с пролетарским государством, могли, однако, остаться и оставались до конца своей жизни враждебно настроенными по отношению к пролетариату, Советской власти и социализму. Но для значительной части интеллигенции, в том числе для научной интеллигенции, в целом создавалась реальная возможность последующей политической и мировоззренческой переориентации.

Ведущим началом политической переориентации буржуазной интеллигенции, тесно связанным с начинавшимся сразу после революции процессом привлечения спе-

циалистов науки и техники, была тактика Коммунистической партии в отношении этих специалистов, разработка которой неразрывно связана с именем В. И. Ленина.

3
ТАКТИКА

Уже первые месяцы существования Советской власти выявили новый аспект проблемы преемственности двух культур: возможно ли практически соединить пролетарскую революцию с культурой, с наукой и техникой, доставшимися в наследство от капитализма? Ведь научные знания были в руках специалистов, которые состояли на службе у буржуазии и находились в массе своей под влиянием враждебных социализму идей. Жизнь вынуждала соединить в одной системе чуждые друг другу противоположности: «буржуазное» и «социалистическое». «Нам нужно,— указывал В. И. Ленин,— строить сейчас практически, и приходится руками наших врагов создавать коммунистическое общество. Это кажется противоречием, быть может, даже неразрешимым противоречием, но на самом деле только этим путем может быть разрешена задача коммунистического строительства» [1].

Для обыденного сознания, как и для одностороннеэмпирического подхода, сама постановка вопроса о соединении «социалистического» с «буржуазным» была невозможной, представлялась абсурдом. Для диалектического сознания эта проблема выступала как разрешаемая на более глубоком, сущностном уровне познания. Данный уровень позволял выявить ведущую сторону противоречия и увидеть всю систему в развитии, в процессе ее преобразования. Применительно к указанному конкретному вопросу это означало развитие двух названных противоположностей в направлении постепенного устранения «буржуазного» и создания единства на базе «социалистического». Необходимо, подчеркивал В. И. Ленин, привлечь буржуазных специалистов для такого перепахивания почвы, чтобы на ней вовсе не могла расти никакая буржуазия [2].

Немало нашлось таких людей, которые скептически, а то и крайне отрицательно отнеслись к идее использования труда буржуазных специалистов на промышленных предприятиях, в сельском хозяйстве, в воспитании моло-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 142.
[2] См. там же, т. 36, с. 178.

дежи, в развитии науки. В этом усматривалась «сделка» с буржуазией, недопустимая «сдача позиций».

Отвечая противникам привлечения специалистов старой формации, В. И. Ленин говорил: трудящиеся завоевали власть, раздавили капитализм, «но от раздавленного капитализма сыт не будешь. Нужно взять всю культуру, которую капитализм оставил, и из нее построить социализм. Нужно взять всю науку, технику, все знания, искусство. Без этого мы жизнь коммунистического общества построить не можем. А эта наука, техника, искусство — в руках специалистов и в их головах» [1]. Сами же специалисты науки и техники все насквозь проникнуты «буржуазным миросозерцанием». Они буржуазны вследствие того, что восприняли всю свою культуру от буржуазной обстановки и через нее. «А мы должны построить социализм из этой культуры. Другого материала у нас нет. Мы хотим строить социализм немедленно из того материала, который нам оставил капитализм со вчера на сегодня, теперь же, а не из тех людей, которые в парниках будут приготовлены, если забавляться этой побасенкой. У нас есть буржуазные специалисты, и больше ничего нет. У нас нет других кирпичей, нам строить не из чего... И если вы не построите коммунистического общества из этого материала, тогда вы пустые фразеры, болтуны. Вот как вопрос поставлен историческим наследием мирового капитализма!» [2]

Вовлечение буржуазной интеллигенции в хозяйственное и культурное строительство является теперь, указывал В. И. Ленин, «очередной, назревшей и необходимой задачей дня» [3]. Требовалось не просто принять услуги со стороны буржуазных специалистов, но убедить их работать в интересах пролетариата, завоевать их, в конце концов, и политически.

Если раньше в произведениях К. Маркса и Ф. Энгельса, да и в работах В. И. Ленина конца XIX — начала XX в. речь шла о специалистах науки и техники, перешедших (или переходивших) на политические позиции пролетариата, то теперь ставилась практическая задача привлечения деятелей науки и техники, еще не перешедших на сторону пролетариата и политически ему враждебных. Выдвигалась задача «привлечь всех до послед-

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 55.
[2] Там же, с. 54.
[3] Там же, т. 36, с. 159.

него (ибо их у нас невероятно мало) буржуазных, т. е. воспитавшихся в буржуазной обстановке и усвоивших плоды буржуазной культуры, специалистов...»[1] Отстаивая эту политику, В. И. Ленин подчеркивал: «Если все наши руководящие учреждения, т. е. и компартия, и Соввласть, и профсоюзы, не достигнут того, чтобы мы как зеницу ока берегли всякого спеца, работающего добросовестно, с знанием своего дела и с любовью к нему, хотя бы и совершенно чуждого коммунизму идейно, то ни о каких серьезных успехах в деле социалистического строительства не может быть и речи»[2].

Когда считают, будто политика партии на привлечение специалистов замыкалась на нейтральной (тем более лояльной) части интеллигенции, то этим сужают представление о широте и сложности стоявших перед ней задач, об исторической масштабности ее деятельности. Одно дело — попытаться привлечь к работе политически нейтрального специалиста, другое дело — идейно чуждого. Политическая нейтральность уже не представляла собой открытого отстаивания враждебной марксизму буржуазной политики, являлась отходом от нее, но еще и не принятием политики пролетарского государства. Открытая же враждебность требовала умения ужиться значительно большего, чем нейтральность, а отсюда большей терпеливости во взаимоотношениях, большей активности со стороны коммунистов, более аргументированной полемики и т. п. В сравнении с политической, идейной враждебностью нейтральность представлялась как относительно прогрессивное явление, как ближайшая цель коммунистов. Но за нейтральность старых специалистов еще предстояло бороться.

Заслуга В. И. Ленина состояла не только в ясной постановке вопроса о буржуазных специалистах, в обосновании положения о необходимости их привлечения, но и в разработке тактики партии в решении этого вопроса. Касаясь проблемы буржуазных специалистов, В. И. Ленин писал: «Я не помню, чтобы прежние учителя социализма, которые очень многое предвидели в грядущей социалистической революции и очень многое наметили в ней,— я не помню, чтобы они высказывались по этому вопросу. Он для них не существовал...»[3]

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 40, с. 143.
[2] Там же, т. 44, с. 350—351.
[3] Там же, т. 38, с. 139.

В сознании «левых коммунистов», как и махаевцев и им подобных, понятие «враждебность» отождествлялось с понятием «контрреволюционность». Считалось, что если кто-то высказывал взгляды, расходящиеся с политикой Советской власти, тем более — придерживался иного мировоззрения, то уже выступал как контрреволюционер, к которому немедленно нужно было применять репрессивные меры, дабы «обезопасить» себя и революционные преобразования.

Но для В. И. Ленина и Центрального Комитета партии эти понятия не были тождественными. Понятие «враждебность» отождествлялось с понятием «буржуазный», «партийно враждебный большевикам» [1]. Враждебность, конечно, близка к контрреволюционности, является ее питательной почвой, но в то время как первая есть система убеждений, система установок, ограниченная мышлением и эмоциями субъекта, вторая является системой активных действий, направленных против революции. Враждебность — это контрреволюционность в возможности, но она же заключает в себе также возможность нейтральности и даже «превращения» в свою противоположность — в коммунистическую революционность.

Остановимся, однако, на более подробном рассмотрении тактики партии в отношении буржуазных специалистов науки и техники. Эта тактика, следует сразу заметить, вырабатывалась не в отрыве от жизни, а в ходе классовой борьбы. Как и сама революционная практика, она была многогранной и гибкой, учитывающей сложность и тонкость конкретных ситуаций. Однако через все это неуклонно проводилась линия на подавление контрреволюции и использование специалистов науки и техники, даже враждебно настроенных. Необходимо, как указывал В. И. Ленин, *«контрреволюцию отсекать, культурно-буржуазный аппарат использовать»* [2].

Советская власть вынуждена была прибегнуть к насилию, применить репрессии, в том числе и к некоторым деятелям науки, притом независимо от их научной квалификации, не потому, что они были учеными, а в силу необходимости пресечь контрреволюционные акции.

Большой материальный ущерб приносил саботаж, в котором помимо инженерно-технических работников участвовали также представители других специальностей.

---

[1] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч, т. 38, с. 222.
[2] Там же, с. 168.

Среди них оказалась и некоторая часть ученых-естественников. Важную роль в его ломке сыграла Всероссийская Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК), усилиями которой к весне 1918 г. массовый саботаж был ликвидирован.

В период иностранной военной интервенции и гражданской войны буржуазные и мелкобуржуазные партии активизировали свою контрреволюционную деятельность, образовав вместе с иностранными империалистами единый антисоветский блок. Последовали террористические акты, диверсии, мятежи с целью свержения Советской власти.

В этой изменившейся политической обстановке, в период обострения классовой борьбы в стране Советская власть была вынуждена временно прибегнуть к крайнему методу защиты революции — к применению высшей меры наказания по отношению к контрреволюционерам. Среди них иногда оказывались и представители научной интеллигенции. В подобных случаях было бы комедией, говорил В. И. Ленин, «убеждать» и вообще «психологически влиять». Касаясь ареста химика М. М. Тихвинского, передававшего на Запад сведения о нефтяной промышленности, В. И. Ленин отмечал: «...химия и контрреволюция не исключают друг друга» [1].

В сложных условиях гражданской войны порой трудно было отличить враждебность от явной контрреволюционности. В связи с этим (а также и по другим причинам) в первые годы существования Советского государства имели место ошибки и недоразумения в отношении к некоторым ученым. Но центральные советские органы вели твердую линию на недопущение подобных эксцессов. В декабре 1918 г., например, Совет Рабочей и Крестьянской Обороны издал постановление «О порядке ареста ответственных служащих и специалистов», которым регулировались взаимоотношения ВЧК и местных органов власти при аресте специалистов с тем, чтобы избежать ошибочных решений [2]. В приказе Президиума ВЧК от 17 декабря 1919 г. разъяснялось, что к аресту специалиста надо прибегать лишь в том случае, если несомненно установлены его причастность к белогвардейским организациям либо его участие в спекуляции или саботаже. «Арестовать же его лишь за то, что он бывший

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 53, с. 169.
[2] См.: Из истории ВЧК. М., 1958, с. 347.

дворянин, что когда-то был работодателем и эксплуататором, нельзя, если он исправно работает»[1].

Метод насилия был необходим для подавления контрреволюционных действий. Но и в этих ситуациях репрессии в отношении буржуазных специалистов науки и техники применялись, во-первых, лишь в редких случаях и, во-вторых, осмотрительно и с учетом возможности их использования в народном хозяйстве.

Принимая во внимание большую ценность, которую представляли ученые для государства, органы Советской власти освободили из-под ареста ряд буржуазных специалистов. Так, в 1920 г. Верховный революционный трибунал ВЦИК, слушавший дело «Тактического центра», признал подсудимых виновными и определил меру наказания — расстрел; однако, учитывая чистосердечное раскаяние их, более или менее полное, искреннее желание работать с Советской властью и принять участие в восстановлении разрушенного хозяйства, а также решительное осуждение ими вооруженных белогвардейских выступлений и иностранной интервенции, трибунал постановил заменить расстрел условным тюремным заключением на 5 лет и освободил из-под стражи ряд специалистов[2]. Среди них был и генетик профессор Н. К. Кольцов.

Как свидетельствует А. В. Луначарский, он не раз слышал от В. И. Ленина совет: «Крупного ученого, большого специалиста в той или другой области надобно щадить до самой последней крайности, если даже он реакционер»[3]. Именно такой линии придерживалось Советское государство в отношении крупных специалистов науки и техники.

В. И. Ленин непосредственно содействовал освобождению от ареста многих видных ученых. В сентябре 1919 г., например, у него состоялась беседа с президентом (начальником) Военно-медицинской академии профессором В. Н. Тонковым. От имени академии и Объединенного совета научных учреждений и высших школ Петрограда В. Н. Тонков изложил ходатайство об освобождении ученых, арестованных в связи с раскрытием заговоров. В. И. Ленин обещал ускорить выяснение дел арестован-

---

[1] Из истории ВЧК, с. 346.

[2] См.: *Голинков Д. Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1986, кн. 2, с. 11—17.

[3] *Луначарский А. В.* Интеллигенция и ее место в социалистическом строительстве.— Революция и культура, 1927, № 1, с. 29.

ных. Вскоре была освобождена группа ученых, в частности С. Ф. Ольденбург.

Еще раньше В. И. Ленин направил руководству Петроградской партийной организации и отделу ВЧК телеграмму относительно ареста П. И. Пальчинского, бывшего в октябре 1917 г. фактическим руководителем обороны Зимнего дворца, в которой говорилось: «Если он ученый, писатель, нельзя ли ему — в случае наличности серьезных улик против него — предоставить условия особо льготные (например, домашний арест, лаборатория и т. п.)» [1].

Исторические факты убеждают нас в том, что в отношении к тем буржуазным специалистам, которые не принимали диктатуры пролетариата, Советская власть была гуманно-сурова: она не была всепрощающей, но и не питала слепой ненависти ко всему ей враждебному.

Привлечение к сотрудничеству враждебно настроенных специалистов было связано, естественно, с политическим недоверием к ним. Но как понимать это политическое недоверие? «Политическое недоверие приводит к тому, что нельзя давать несоветским людям *политически* ответственных постов. Оно приводит к тому, что чрезвычайки внимательно следят за представителями классов, слоев или групп, тяготеющих к белогвардейщине... Политическое недоверие к представителям буржуазного аппарата законно и необходимо. Отказ использовать их для дела управления и строительства есть величайшая глупость, несущая величайший вред коммунизму» [2]. Недоверие не должно превращаться в махаевщину, в «спецеедство».

В. И. Ленин предостерегал от попыток пересмотреть политику в отношении к буржуазным специалистам на основе того, что некоторые из них нам изменяют и переходят в лагерь контрреволюции. Он критиковал и отметал всякие радикалистские предложения на этот счет, в частности точку зрения Сталина, считавшего необходимым изменить политику по отношению к военным специалистам в результате заговора, имевшего целью сдачу Петрограда [3].

Безусловно, военные специалисты — это не естествоиспытатели, но поскольку они тоже являются носителя-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 50, с. 214—215.
[2] Там же, т. 37, с. 410.
[3] См. там же, т. 39, с. 56—58, 480 (прим. 15).

ми научного знания, то сформулированные в отношении к ним партией и В. И. Лениным принципы можно с известной поправкой на специфику их деятельности отнести и к специалистам науки и техники в целом. Говоря о военных специалистах, В. И. Ленин отмечал, что обострение внутриполитического положения в стране дает повышенный процент изменников. «Но было бы непоправимой ошибкой и непростительной бесхарактерностью,— указывал он,— возбуждать из-за этого вопрос о перемене основ нашей военной политики. Нам изменяют и будут изменять сотни и сотни военспецов, мы будем их вылавливать и расстреливать, но у нас работают систематически и подолгу тысячи и десятки тысяч военспецов, без коих не могла бы создаться та Красная Армия, которая выросла из проклятой памяти партизанщины и сумела одержать блестящие победы на востоке... Там, где строже всего проведена партийная политика насчет военспецов и насчет искоренения партизанщины, там, где тверже всего дисциплина, где наиболее заботливо проводится политработа в войсках и работа комиссаров,— там меньше всего, в общем и целом, является охотников изменять среди военспецов, там меньше всего возможности для таких охотников осуществить свое намерение, там нет расхлябанности в армии, там лучше ее строй и ее дух, там больше побед» [1]. В. И. Ленин указывал, что некоторые руководители «берут неверный тон» по отношению к специалистам, а в отдельных случаях «критика» военспецов вырождается в прямую помеху систематической и упорной работе по их использованию. Однако «партия исправляет тотчас и будет исправлять эти ошибки... Критика военспецов со стороны, попытки исправить дело «налетом» — вещь слишком легкая и потому безнадежная и вредная» [2].

Ограничивая сферу действия репрессивных мер по отношению к специалистам науки и техники «минимальнейшим минимумом» [3], органы Советской власти в то же время дополняли эти меры, разумеется, где это было возможно, методом убеждения. Это делалось и в отношении тех, кто участвовал в саботаже, и в отношении тех, кого, подобно Н. К. Кольцову, освобождали из-под ареста. Систематически разъяснялись сущность и цели социалисти-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 56.
[2] Там же, с. 58.
[3] См. там же, с. 355.

ческого государства, совпадение коренных интересов трудящихся и интересов развития науки. Разоблачалась природа буржуазной демократии, ее псевдонародность, лжепатриотизм.

Если репрессии преследовали цель отсечь контрреволюцию, подавить выступления контрреволюционных сил, то метод убеждения в применении к враждебно настроенным ученым был связан прежде всего с их нейтрализацией.

Нейтрализация как форма классовой борьбы в эпоху диктатуры пролетариата полностью не исключает моментов насилия; но на первом плане здесь — убеждение, пример, обучение опытом (в том числе опытом жизни, опытом истории). «Нейтрализация» и «нейтральность» — не синонимы. Нейтрализация есть процесс, нейтральность — его результат.

Под нейтрализацией понималось не только обезвреживание контрреволюционеров, но прежде всего отрыв буржуазных, т. е. враждебно настроенных, социальных слоев и отдельных лиц от буржуазных же политических установок. Такой отрыв возможен под воздействием как объективных, так и субъективных факторов, в плане изменения как всей системы буржуазных установок, так и их части.

Нейтральность есть определенная социальная позиция, определенное состояние сознания. Поскольку при нейтральности позиция еще не социалистическая, постольку в этом отношении она еще враждебна интересам пролетариата, а поскольку она целиком или частично уже не есть буржуазная, постольку в той или иной степени перестает быть враждебной интересам пролетариата. Нейтральность в своем сложном переплетении «небуржуазного» и «несоциалистического» отражает реальную диалектику перехода от буржуазного к социалистическому.

Нейтральность может, конечно, в каждом конкретном случае и не быть переходом на позиции социализма; политическая эволюция от явной буржуазности могла завершиться на самой нейтральности, но иногда, наоборот, от нейтральности могла вновь повернуть к враждебности. История первых послереволюционных лет дает немало тому примеров.

Так, 29 октября 1918 г. в газете «Крестьянские и рабочие думы» — органе Северо-Двинского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармей-

ских депутатов — было опубликовано «Письмо в редакцию» приват-доцента Петроградского университета и Психоневрологического института Питирима Сорокина. В нем говорилось, что его автор доводит до сведения граждан-избирателей Вологодской и Северо-Двинской губерний и членов партии эсеров, что он отказывается от звания члена Учредительного собрания и всех прав и обязанностей, связанных с этим званием и выходит из состава партии социалистов-революционеров [1]. Однако впоследствии П. Сорокин повернул не к марксизму, а к буржуазно-контрреволюционной платформе, стал активным пропагандистом антисоветских взглядов, за что был выслан в 1922 г. за границу.

Иная судьба была у профессора А. Н. Баха, который, как и П. Сорокин, в прошлом был активным деятелем партии эсеров. Участие этой партии в вооруженной борьбе с Советской властью побудило его окончательно порвать с нею. В дальнейшем А. Н. Бах эволюционирует к марксизму.

Таковы две различные перспективы нейтральности в политическом плане, намеченные позицией П. Сорокина и А. Н. Баха в первый период гражданской войны.

В. И. Ленин сделал важные для политики нашей партии выводы из факта разрыва П. Сорокина с эсерами и сложения с себя звания члена Учредительного собрания, указывая, что это — «не случайность, это признак поворота целого класса, всей мелкобуржуазной демократии. Раскол среди нее неизбежен: часть перейдет на нашу сторону, часть останется нейтральной, часть сознательно присоединится к монархистам-кадетам, продающим Россию англо-американскому капиталу, стремящимся удушить революцию чужеземными штыками. Суметь учесть и использовать этот поворот среди меньшевистской и эсеровской демократии от враждебности большевизму сначала к нейтральности, потом к поддержке его, есть одна из насущных задач текущего момента» [2]. И тут же давалось исключительной важности указание всем действительным революционерам: «Недостаточно того, чтобы поддержать этот поворот, чтобы встретить поворачивающих к нам дружелюбно. Политик, сознающий свои задачи, должен научиться *вызывать* этот поворот в отдельных

---

[1] *Сорокин П.* Письмо в редакцию.— Крестьянские и рабочие думы. Северо-Двинск, 1918, 29 октября, № 75.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 193.

слоях и группах широкой мелкобуржуазной демократической массы, если он убедился, что для такого поворота имеются серьезные и глубокие исторические причины» [1]. По сути дела, выдвигался и проводился в жизнь принцип: «Кто против буржуазии, тот с нами» и отвергался лозунг «левых» доктринеров: «Кто не с нами, тот против нас».

В. И. Ленин указывал, что средний слой, стоящий между рабочим и капиталистом, будет колебаться всегда; мы управляем теперь всей Россией, и враг нам только тот, кто живет чужим трудом; остальные нам не враги; они только колеблющиеся; но колеблющиеся еще не враги [2]. Колебания непролетарских трудящихся масс, констатировал он в конце 1919 г., неизбежны; неизбежен их собственный практический опыт, позволяющий сравнить руководство буржуазии и руководство пролетариата. Лишь в долгой и жестокой борьбе тяжелый опыт приводит к выводу, что диктатура пролетариата лучше диктатуры капиталистов. Именно собственный опыт и приведет неминуемо интеллигенцию окончательно в наши ряды [3].

В отличие от позиции «левых» коммунистов ленинская позиция была спокойной, уверенной, оптимистичной; его не страшила нейтральность, как и враждебность отдельных лиц. Наличие нейтрально настроенных лиц не должно пугать и заставлять применять к ним какие-то репрессивные меры. «Мы достаточно сильны теперь, чтобы не бояться никого. Мы всех переварим. Они вот нас не переварят» [4].

Нейтрализация необходимым образом должна была дополняться «воспитанием новой дисциплины», что, по В. И. Ленину, тоже квалифицировалось как форма классовой борьбы в переходный период. Эта форма являлась, пожалуй, самой тонкой и сложной, поскольку требовала преодоления и идейного, и психологического барьера между буржуазными и мелкобуржуазными деятелями науки и пролетариатом. Коммунистической партии приходилось сосредоточивать усилия как на перевоспитании старых кадров специалистов, так и на устранении недоверия и враждебного отношения к «спецам» со стороны некоторой части пролетариата.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 194.
[2] См. там же, с. 381—382.
[3] См. там же, т. 40, с. 16, 17, 20; т. 38, с. 225.
[4] Там же, т. 37, с. 381.

Требовалось покончить с обоюдной враждебностью людей умственного и физического труда, создать между ними товарищеские, уважительные отношения, способствовать взаимному пониманию и сближению работников физического и умственного труда.

Наша партия решительно боролась с таким позорным явлением, как «спецеедство». Приведем следующий факт. В декабре 1921 г. покончил жизнь самоубийством подвергшийся травле инженер В. В. Ольденборгер. Это дело расследовала специальная комиссия, был опубликован материал в «Правде». Однако результаты расследования оказались недостаточными, что потребовало вмешательства В. И. Ленина. В своей записке в Политбюро ЦК РКП(б) он предложил предать суду всех указанных в заключении комиссии лиц, а также всю комячейку предприятия, для чего поручить Оргбюро ЦК РКП(б) создать особый партсуд. «Часть исключить из партии навсегда или на срок, части объявить строгий выговор, смотря по мере вины»; «Суд провести внушительно, гласно»; «Обо всех случаях убийства инженеров (и спецов) на советских предприятиях докладывать в Политбюро с итогами расследований...» В конце записки была сделана приписка: «P. S. Дело возмутительное: надо бить в большие колокола» [1]. Спустя несколько дней, 12 января 1922 г., Политбюро ЦК РКП(б) приняло соответствующее постановление. Дело о самоубийстве В. В. Ольденборгера разбиралось Верховным революционным трибуналом при ВЦИК, который приговорил виновников травли этого специалиста к различным видам наказания.

С другой стороны, партия не уставала призывать интеллигенцию, в том числе специалистов науки и техники, к изменению их отношения к рабочим, к людям физического труда. В открытом письме профессору Воронежского сельскохозяйственного института М. П. Дукельскому, опубликованном в газете «Правда», В. И. Ленин указывал, что не коммунисты оттолкнули от себя интеллигенцию, а интеллигенция, начавшая саботаж, неизбежно вызывала озлобление рабочих и крестьян. «Если бы мы «натравливали» на «интеллигенцию», нас следовало бы за это повесить. Но мы не только не натравливали народ на нее, а проповедовали от имени партии и от имени власти необходимость предоставления интеллигенции лучших условий работы... Автор требует,— говорилось

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 354—355.

далее в письме В. И. Ленина,— товарищеского отношения к интеллигентам. Это правильно. Этого требуем и мы. В программе нашей партии как раз такое требование выставлено ясно, прямо, точно. Если, с другой стороны, группы беспартийных интеллигентов или партийно враждебных большевикам так же ясно изложат свои требования к своим сторонникам: относитесь товарищески к измученным солдатам, к переутомленным рабочим, озлобленным веками эксплуатации, тогда дело сближения работников физического и умственного труда пойдет вперед гигантскими шагами» [1].

Интеллигенция рассматриваемого нами периода не была «объектом перевоспитания» в том смысле, чтобы ее перевоспитывали принудительно, применяя метод насилия. Выступления В. И. Ленина и решения Центрального Комитета партии ориентировали членов партии, рабочих и крестьян на устранение всех препятствий, мешающих интеллигенции сблизиться с народом и на собственном опыте убедиться в необходимости работать вместе с народом, а не против него. Типичным было, к примеру, следующее требование: «...представитель пролетариата обязан относиться к *таким* колебаниям (речь шла о политических колебаниях мелкобуржуазной демократии.— *П. А.*) с величайшей осторожностью и терпимостью, обязан предоставить *самим* непролетарским трудящимся массам *изжить* эти колебания на собственном опыте» [2]. Все искусство состояло в том— и в этом несомненная заслуга нашей партии и В. И. Ленина,— чтобы увидеть эти конкретные препятствия и своевременно убрать их с пути движения интеллигенции в сторону пролетариата.

Такая стратегия нисколько не умаляла руководящую роль самой партии, коммунистов, работающих вместе со специалистами науки и техники. Наоборот, она свидетельствовала о научности и дальновидности партийного руководства.

Большое значение придавалось тому, как относились члены партии, выдвинутые на руководящие должности, к работе этих специалистов. В. И. Ленин советовал коммунистам самим глубоко изучать дело, результаты научных исследований специалистов и исправлять эти результаты на основании указаний практического опыта и более детального изучения вопроса. Иначе это будет не руко-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 220, 222.
[2] Там же, т. 40, с. 20.

водство, а «самодурство», «игра в администрирование», «коммунистическое чванство». Задача коммунистов — «поменьше командовать, вернее вовсе не командовать, а подходить к специалистам науки и техники («они в большинстве случаев неизбежно пропитаны буржуазными миросозерцанием и навыками», как говорит программа РКП) чрезвычайно осторожно и умело, учась у них и помогая им расширять свой кругозор, исходя из завоеваний и данных соответственной науки... Коммунист, не доказавший своего умения объединять и скромно направлять работу специалистов, входя в суть дела, изучая его детально, такой коммунист часто вреден. Таких коммунистов у нас много, и я бы их отдал дюжинами за одного добросовестно изучающего свое дело и знающего буржуазного спеца» [1].

Даже к вопросу учебы у специалиста коммунист должен подходить с политической точки зрения. Учись и делай лучше, чем специалист! Показывая пример в работе, твори, создавай, вовлекай в общее дело окружающих! В. И. Ленин придавал большое значение практическим результатам учебы коммунистов, их умению усвоить необходимый опыт специалистов и применить его самостоятельно в своей практической борьбе за социализм; по мере роста успехов социалистического строительства самым верным и неотразимым средством убеждения специалиста, преданного своему делу, является то, что его опыт и знания впервые так глубоко ценятся, становятся достоянием многих и многих тысяч людей и самым полноценным и плодотворным образом прилагаются к жизни [2]. Руководитель-коммунист является представителем партии и марксизма, а потому творческое сотрудничество и соревнование на деловой почве, применение опыта и знаний специалистов в социалистическом строительстве являются важнейшим фактором в деле их морального завоевания и политического перевоспитания.

Единство марксистов и естествоиспытателей-некоммунистов должно выковываться прежде всего в живом деле. В практике социалистического строительства, в совместной работе нужно перековать психологию и убеждения специалистов, добиться того, чтобы они стали энтузиа-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 42, с. 346.

[2] См.: *Горохов Ф.* Ленин и исторический материализм. М., 1958, с. 166.

стами дела, чтобы они мыслили и действовали, как коммунисты.

Таковы были установки В. И. Ленина и ЦК партии по рассматриваемому вопросу. Они творчески воспринимались всеми партийными и советскими органами, систематически разъяснялись в партийной печати. Примером этого может служить статья, опубликованная в Саратове в журнале губкома РКП(б) «Коммунистический путь». Обращаясь к членам партии, автор статьи писал: «...чтобы приблизить к себе честные и добропорядочные элементы интеллигенции, уже недостаточно прельщать ее одними материальными выгодами. Нужно заставить ее питать к партии нравственное уважение, подействовать на нее своею собственной культурностью... Внутрипартийная чистота, безжалостное преследование и изгнание из партии всяких шкурников, внешняя простота в быту и привычках, любовное и бережное отношение каждого партийца к своему делу и, наконец, общая культурность. Культурность, выражающаяся не только в постоянной учебе, но и... в отсутствии бюрократизма и чиновничьей сухости... И тогда, не щучьим веленьем и не комиссарским приказом проникнет наше культурное влияние в интеллигентскую среду... И тогда тот долгожданный Октябрь, который постепенно наступал для самых различных групп и классов России, придет, наконец, и для русской интеллигенции!» [1]

Проблема формирования новых взаимоотношений между интеллигенцией и рабочим классом, трудящимися, как видим, была не односторонней, касавшейся только интеллигенции, но двуединой, связанной также с решением задач воспитания у членов партии, у рабочих и крестьян уважительного отношения к специалистам науки и ориентирования их на лучшие стороны культуры прошлого, на истину, справедливость и гуманность. Требования к членам партии в этом плане, можно сказать, были более высокими в сравнении с требованиями, предъявлявшимися к беспартийным.

Историческое и логическое развертывание всех форм классовой борьбы при диктатуре пролетариата шло от «подавления сопротивления эксплуататоров» (пресечения контрреволюции) через «нейтрализацию средних элементов» и «использование специалистов» к «воспитанию но-

---

[1] *Разумовский И.* Октябрь и интеллигенция.— Коммунистический путь (Саратов), 1923, № 9, с. 40.

вой дисциплины», к созданию политического единства специалистов науки с пролетариатом, с трудящимися классами. Сущность этого процесса перехода и составляет то, что можно охарактеризовать как «союз науки и рабочих».

Союз науки и рабочих (или, что то же самое, «союз науки и подлинной демократии»), рождение и укрепление этого союза в нашей стране — один из ярких примеров правильного соединения противоположностей в практике социалистического строительства. Причем речь идет не о примирении противоположностей, а об их преобразовании и взаимопроникновении в ходе классовой борьбы пролетариата. Целью партии было вовлечение специалистов науки и техники в социалистическое строительство, изменение их политической ориентации, формирование новых взаимоотношений между работниками физического и умственного труда.

Сама по себе линия В. И. Ленина на привлечение деятелей науки к строительству нового общества, равно как и тактика на подавление контрреволюционных действий, на политический отрыв ученых от буржуазии, на их нейтрализацию и затем на выработку у них социалистической ориентации не могли бы дать реальных позитивных результатов, если бы эта тактика не выступала в системе с рядом объективных и субъективных факторов. Она была, можно сказать, ведущим, направляющим, интегрирующим фактором, но не единственным. Без использования самых различных факторов она осталась бы неэффективной субъективной конструкцией.

4
ФАКТОРЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Решающим объективным фактором, положившим начало процессу духовной эволюции ученых, а затем все более интенсивно воздействующим на их политическое сознание в позитивном мировоззренческом плане, явилась победа Октябрьской социалистической революции. Революция экономически оторвала старую интеллигенцию от прежней государственной системы, сломала ее зависимость от капиталистов и поставила ее в экономическую зависимость от пролетариата, трудящихся масс и выражающего их коренные интересы социалистического государства, а также создала необходимые условия для широкого воздействия на ее политические позиции других объективных и субъективных, вне- и внутринаучных факторов.

Первая в истории социалистическая революция совершилась под руководством Коммунистической партии, возглавляемой В. И. Лениным. Революция, партия и Ленин неотделимы друг от друга. Однако при анализе как конкретных изменений в политическом мышлении отдельных ученых, так и общей их тенденции, с известной долей условности, возможно самостоятельное рассмотрение воздействия, которое оказывала личность В. И. Ленина на деятелей науки.

В его деятельности соединялись воедино глубокая научность и коммунистическая партийность, революционность и гуманизм. Отсюда — его революционно-гуманистическое отношение к людям науки, несовместимое ни со слепым преклонением перед званием «ученый», ни с третированием «буржуазных» специалистов.

В. И. Ленин, по словам А. В. Луначарского, «никогда не был человеком рабочего класса в том смысле, что он хотел защищать интересы группы, он чувствовал себя человеком рабочего класса потому, что рабочий класс должен освободить все человечество» [1]. В этом плане решался им и вопрос о деятелях науки. «К точным наукам,— свидетельствует А. В. Луначарский,— он относился с огромным интересом и уважением. Здесь он уже не говорил о кабинетности. Эта работа ему не казалась оторванной от революционной деятельности... Владимир Ильич сознавал, что хорошо было бы, если бы мы наши социальные проблемы могли ставить так же четко, как химик ставит свои в лаборатории. В этом отношении его уважение к точной мысли было огромное... Но внесение метафизических и полуметафизических идей в эту лабораторию работ по обследованию действительности Владимир Ильич считал презренным, позорным и объяснял чисто социально: ну что же делать, что ученый? Ученый — это хорошо, это для него звучало, как пролетарий. Но буржуазный ученый — вот беда...» [2]

Отношение к естествознанию как к революционизирующей действительность силе, а к естествоиспытателям как преобразователям природы, родственным по духу революционерам, проходило через все мысли и дела В. И. Ленина. Оно не могло не оказать влияние на ученых, вначале оппозиционно настроенных к Советскому

[1] *Луначарский А. В.* Самый человечный.— Советы депутатов трудящихся, 1965, № 4, с. 24.

[2] *Луначарский А. В.* Ленин как ученый и публицист. М., 1924, с. 16—17.

правительству. В этом плане показательна оценка личности В. И. Ленина одним из руководителей Академии наук, бывшим членом ЦК кадетской партии С. Ф. Ольденбургом. «Через всю нашу жизнь,— писал он в 1924 г.,— прошел великий человек, и поэтому в сознании каждого из нас жизнь представилась и богаче, и ярче, и сильней, ибо та жизнь, которая создает таких великих людей, есть действительно сильная, могучая и прекрасная жизнь. Но если, благодаря этому великому человеку, наша жизнь стала богаче, сильнее и ярче, то вместе с тем это накладывает на нас и обязательства. Мы ведь теперь знаем, что он погиб, пожертвовал собою. Этот великий пример для нас обязателен, и каждый из нас в своем маленьком деле должен неуклонно жертвовать всем. Я думаю, что мы это сделаем. Это будет лучшая память, которую мы сохраним о Владимире Ильиче» [1]. В этих словах С. Ф. Ольденбурга заключена и признательность великому вождю революции, и в то же время выражена готовность следовать в жизни его примеру. Если в первое время после Октября С. Ф. Ольденбург не понимал, как и многие его коллеги, происшедших событий, то в середине 20-х гг. его позиция под влиянием многих причин, в том числе под влиянием личных встреч с В. И. Лениным, изменилась и выражалась в положении, которое было высказано им на II Всесоюзном съезде научных работников в 1927 г. и в правильности которого он не сомневался: «Мы люди того поколения, которое 10 лет тому назад провозгласило, что «мы новый мир построим».

Приведем еще одно признание, принадлежащее А. П. Карпинскому. «Ленин был,— отмечает он,— большим человеком, одним из тех больших людей, с именами которых связаны целые исторические эпохи... В качестве президента Академии я обращался к Владимиру Ильичу в служебном порядке, а в некоторых случаях писал ему личные, вполне откровенные письма, где не стеснялся отмечать и те стороны нового, тогда еще только создававшегося строя, которые казались мне неправильными. Из всех решений и распоряжений Владимира Ильича, которые являлись результатом этих сношений и писем, я мог вынести одно твердое убеждение: человеку, который был поставлен во главе правительства громадной страны в эпоху величайшей в мире революции, были особенно

---

[1] *Ольденбург С.* В. И. Ленин и научные работники.— Хочу все знать, 1924, № 2, с. 3.

близки и дороги интересы науки и культуры... Дело, конечно, не только в сохранении ряда научных учреждений и в поддержке научных работников. Великий смысл этой помощи — в глубокой вере в силу научного знания и в то значение, какое оно должно иметь для государственного строительства» [1].

Влияние личности В. И. Ленина на ученых было огромно. Такое воздействие осуществлялось как непосредственно (при встречах с В. И. Лениным, знакомстве с его устными и печатными выступлениями), так и через действия органов Советской власти, его соратников и т. п. Направляющая сила ленинской мысли присутствовала во всех факторах политической переориентации ученых.

Из вненаучных факторов, воздействовавших в 1921—1925 гг. на политическое сознание ученых, к наиболее существенным следует отнести укрепление военно-политического положения нового государства: создание боеспособной армии, успешная организация обороны страны, а затем наступления на фронтах гражданской войны, изгнание из страны интервентов, раскрытие контрреволюционных заговоров, подавление мятежей и т. п. В зависимости от того, как складывалось соотношение сил в тот или иной момент, в зависимости от успехов или неудач в военно-политической области, а также из-за непонимания тех или иных событий происходили и политические колебания интеллигенции, в том числе научной интеллигенции (вспомним, к примеру, случай с Питиримом Сорокиным).

Каждое такое колебание не означало возврат к исходному состоянию: при каждом из таких поворотов от мелкобуржуазной демократии откалывались, с одной стороны, склонные к белогвардейщине, с другой — переходившие на политические позиции пролетариата. Можно отметить, что увеличение числа сторонников нового государства среди интеллигенции было прямо пропорциональным степени укрепления военного и политического положения Советской власти.

К факторам, оказывавшим глубокое воздействие на политические установки интеллигенции, относится также эффективность внешней политики социалистического государства, выражавшаяся в действительном стремлении к миру, в невмешательстве в дела других стран, в отказе от аннексии каких-либо территорий, в заключении выгодных для страны международных договоров и т. п.

[1] Ленин и Академия наук, с. 242—243.

Заключение Брестского мира (его ратификация съездом Советов состоялась в марте 1918 г.) казалось мелкобуржуазной демократии предательством национальных интересов. Как писал В. И. Ленин, «патриотизм — одно из наиболее глубоких чувств, закрепленных веками и тысячелетиями обособленных отечеств. К числу особенно больших, можно сказать, исключительных трудностей нашей пролетарской революции принадлежало то обстоятельство, что ей пришлось пройти полосу самого резкого расхождения с патриотизмом, полосу Брестского мира. Горечь, озлобление, бешеное негодование, вызванные этим миром, понятны, и само собою разумеется, что мы, марксисты, могли ждать только от сознательного авангарда пролетариата понимания той истины, что мы приносим и должны принести величайшие национальные жертвы ради высшего интереса всемирной пролетарской революции» [1]. Другие этого понять не смогли: «В лучшем случае наша тактика казалась им фантастикой, фанатизмом, авантюрой, принесением в жертву очевиднейших реальных интересов сотен миллионов народа отвлеченной, утопической или сомнительной надежде на то, что будет в других странах» [2]. Через короткий срок, в ноябре развернулась революция в Германии. ВЦИК объявил Брестский договор аннулированным. «...*Вышло так, как мы говорили.* Германский империализм, который казался единственным врагом, рухнул... Русским патриотам, ничего не желавшим знать, кроме непосредственных (и по-старому понимаемых) выгод своего отечества, факты мировой истории показали, что превращение нашей, русской, революции в социалистическую было не авантюрой, а необходимостью... Миновали те объективные условия,— констатирует В. И. Ленин,— которые особенно резко оттолкнули от нас таких демократов-патриотов. Наступили такие мировые объективные условия, которые *заставляют* их повернуть в нашу сторону» [3].

На примере с заключением, а затем аннулированием Брестского договора можно видеть, помимо прочего, условность разделения двух очерченных только что факторов на самостоятельные в плане «международного» и «внутреннего»: в первом случае борьба с интервенцией, ее разгром были также и международным событием, во вто-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 190.
[2] Там же.
[3] Там же, с. 191.

ром — международная акция оказывалась также и внутренней.

Следующая группа факторов, тесно связанная с первой, касается организации промышленного и сельскохозяйственного производства и выражается в способности новой политической надстройки не только удержать производство на прежнем уровне, но и, реорганизовав его, добиться лучших экономических показателей, непрерывного роста производственно-экономического потенциала страны, повышения материальной обеспеченности населения, в том числе и научной интеллигенции.

Нельзя было ожидать, конечно, от буржуазных и мелкобуржуазных специалистов объективной оценки тех процессов, которые происходили тогда на национализированных предприятиях. Некоторым национализация казалась актом разгрома заводов и фабрик. Подобные взгляды высказывались, например, в сборнике «Год русской революции (1917—1918)», изданном «Землей и Волей». В статье А. Н. Баха говорилось: «До обобществления средств производства и труда, обобществления, являющегося необходимым условием социалистического строя, нам, как до звезды небесной, далеко. При таких обстоятельствах декреты рабочего и крестьянского правительства о передаче фабрик и заводов рабочим, к тому же в большинстве случаев санкционирующие уже фактически совершившийся захват, не только не ведут к организации общественного производства, а, наоборот, надолго разрушают уже имеющиеся у нас слабые зачатки его» [1]. «Ни в техническом, ни в культурном отношении,— писал он далее,— наша трудовая масса не подготовлена к тому, чтобы создать и вести собственными силами общественное производство и распределение» [2].

Это высказывание отражает точку зрения многих, а не одного только А. Н. Баха. Национализацию считали причиной многих трудностей того времени: ухудшения продовольственного снабжения, сокращения продажи промтоваров, нехватки топлива и многого другого. Во всем виделась дезорганизация производства большевиками, разрушение ими и «антиобщественными» элементами с их «первобытными» инстинктами машин, станков, заводов.

---

[1] *Бах А.* Революция и социализм.— Год русской революции (1917—1918). М., 1918, с. 12—13.

[2] Там же, с. 15—16.

Бесспорно, обострение продовольственной проблемы, как и другие трудности первого послереволюционного пятилетия, были отрицательным, а не позитивным фактором в деле установления деловых контактов Советской власти со специалистами науки и техники. Часть этих трудностей была вызвана субъективными причинами, и они быстро преодолевались. Трудности же с продовольствием и топливом в годы гражданской войны объяснялись главным образом тем, что центральные области России были отрезаны интервентами и белогвардейскими армиями от традиционных их источников — Сибири, Украины, Кубани, Донбасса.

Постепенная нормализация экономической жизни страны и заметный подъем промышленного и сельскохозяйственного производства к 1923—1925 гг. вынуждали многих скептически настроенных интеллигентов изменять свои представления об организации производства в стране, о возможностях социалистической экономики и под влиянием этого менять свою политическую ориентацию.

К числу факторов, воздействующих на политическое сознание научной интеллигенции, не в последнюю очередь надо отнести глубокую заинтересованность партии и государства в развитии науки. Сюда относилось: сохранение всего научного наследия прошлого; привлечение самих ученых к управлению наукой; создание новых научных учреждений; активное содействие развитию разных научных направлений; помощь в организации научных съездов; материальное обеспечение лабораторий, институтов; расширение возможностей в публикации научных трудов; оказание содействия в творческих командировках за границу.

Привлечение ученых к управлению наукой происходило в широких масштабах, о чем красноречиво свидетельствует, как уже отмечалось, состав Научно-технического отдела ВСНХ, Государственного Ученого совета Наркомпроса, Госплана, Особого временного комитета науки при СНК, Ученого медицинского совета Наркомздрава, Сельскохозяйственного Ученого комитета Наркомзема, других наркоматов. Участие деятелей науки в работе этих и многих других организаций иного уровня втягивало их «в сферу широких общегосударственных интересов, делало их ответственными не только за судьбу своей отрасли науки или даже всей научной деятельности в целом, но и за судьбу того общественного орга-

низма, который создавался у них на глазах и с их непосредственной помощью. Таким образом, система руководства наукой в Стране Советов стала своего рода инструментом вовлечения старой научно-технической интеллигенции в социалистическое строительство. Она выступала как действенное средство политического и психологического перевоспитания ученых, делала их активными и сознательными творцами новой жизни» [1].

Аналогичную роль играло привлечение ученых к созданию по их же предложениям и планам новых научных институтов. Так, только в 1918 г. создаются: по инициативе М. И. Немёнова — Рентгенологический и радиологический институт, Д. С. Рождественского — Государственный оптический институт, В. М. Бехтерева — Институт по изучению мозга и психической деятельности, Н. А. Морозова — Научный институт им. П. Ф. Лесгафта, Н. Е. Жуковского — Центральный аэрогидродинамический институт, Л. А. Чугаева — Институт прикладной химии и др. И это — только небольшая часть тех проектов и предложений, которые выдвигались учеными и которые были реализованы Советской властью. Академик А. П. Карпинский впоследствии отмечал, что количественный рост учреждений и институтов Академии наук, их усовершенствование происходили при широком содействии и поощрении со стороны В. И. Ленина [2].

Советская власть охотно пошла навстречу пожеланиям ученых в организации съездов и научных конференций. Инициатива ученых и здесь совпала с политикой Коммунистической партии. Съезды и конференции способствовали росту научного творчества, развитию исследований, укреплению связей науки с производством. Один из первых съездов — съезд физиков в Петрограде в начале 1919 г.— если все-таки и мог состояться, как признавал позднее видный физик О. Д. Хвольсон, то лишь благодаря представителям Советской власти и Наркомпроса. При их же активной поддержке были созданы Российская ассоциация физиков, которая провела в течение 1920—1926 гг. пять Всероссийских съездов физиков, целый ряд исследовательских физических институтов. Вот тот «столь ценный подарок», подчеркивал

---

[1] *Бастракова М. С.* Становление советской системы организации науки (1917—1922), с. 276.

[2] См.: Неопубликованная статья А. П. Карпинского о Ленине.— Вестник АН СССР, 1962, № 4, с. 108.

О. Д. Хвольсон, «что Октябрь дал русской физике»[1].

Не было ни одного сколько-нибудь крупного начинания в области организации науки, где бы не чувствовалась глубокая заинтересованность партии и государства в развитии науки, где бы активно не участвовали сами ученые. Это касалось и создания новых вузов, университетов, разработки нового устава высшей школы, и организации, и гармоничного сочетания прикладных и фундаментальных исследований, планирования науки, о чем, как мы помним, писал академик С. Ф. Ольденбург. Не случайно Н. Я. Марр уже в сентябре 1918 г. заметил: «Большевики взяли все идеи, созревшие в среде академической и всегда защищавшиеся нами».

Деятели науки все больше и больше убеждались, что цели Коммунистической партии и социалистического государства совпадают с коренными интересами ученых, с интересами научного прогресса. Постепенное осознание этого положения вело к трансформации их политического сознания.

Важную роль в этом процессе играл и такой фактор, как сохранение научных кадров, искренняя забота о деятелях науки дореволюционной школы.

Вся многогранная деятельность партии, связанная с обеспечением условий работы ученых, имела, как правило, позитивный политический эффект. В первые послереволюционные годы государство оказывало большую поддержку И. П. Павлову, К. Э. Циолковскому, П. П. Лазареву, Д. Н. Прянишникову, Н. Е. Жуковскому, А. Н. Северцову, М. И. Немёнову, Н. К. Кольцову, Н. Н. Лузину, О. Д. Хвольсону, К. А. Кругу и многим другим ученым. И такая поддержка не была нейтральной в классово-политическом плане ни для самих этих ученых, ни для окружающих их коллег.

Один из конкретных примеров — отношение к И. П. Павлову.

В 1919 г. белогвардейцы и интервенты все теснее сжимали блокадное кольцо вокруг небольшой территории Советов; к Петербургу вплотную подошла армия Юденича. Буржуазная пропаганда пыталась «обработать» ряд видных ученых, в том числе академика И. П. Павлова, пользуясь его тяжелым материальным и моральным состоянием (один сын Павлова скончался от сыпняка, дру-

---

[1] *Хвольсон О. Д.* Что дал Октябрь русской физике.— Научный работник, 1927, № 12, с. 23.

гой находился за границей). А. М. Горький писал о том периоде: «И. П. Павлов, мне кажется, спорил с советской властью по недоразумению, потому что не имел времени серьезно подумать о значении ее работы и потому еще, что около него были враги советской власти, люди, которые отравляли его ложью, сплетнями, клеветой»[1]. Вдобавок шведский Красный Крест настойчиво добивался выезда ученого в Швецию. В этой обстановке в 1919 г. И. П. Павлов написал в управление делами Совнаркома письмо с просьбой разрешить ему выехать за границу. В. И. Ленин, ознакомившись с письмом, указал Петроградскому исполкому и лицам, стоявшим во главе его, что они сами не догадываются, что нужно сделать по отношению к ученому миру. Было отдано распоряжение немедленно обеспечить И. П. Павлова, лабораторию, его помощников и животных «всем, что он только найдет нужным, чтобы он мог работать, совершенно не замечая окружающей нужды»[2]. К вопросу о материальной обеспеченности И. П. Павлова В. И. Ленин возвращается в июне 1920 г. в специальном письме председателю Петроградского исполкома (здесь же излагались некоторые соображения против отъезда ученого). 24 января 1921 г. Совнарком принимает декрет «Об условиях, обеспечивающих научную работу академика И. П. Павлова и его сотрудников». Для лаборатории Павлова было закуплено за границей оборудование, хорошо изданы его труды, приняты меры к обеспечению семьи питанием.

В послании Центральному комитету Правления шведского Красного Креста В. И. Ленин привел веские аргументы, объясняющие нежелательность выезда И. П. Павлова за границу. «...К своему сожалению,— писал он,— Российское Советское правительство вынуждено отклонить просьбу Центрального комитета шведского Красного Креста относительно переезда профессора Павлова для научной работы в Швецию, так как в настоящее время Советская Республика вступила в период интенсивного хозяйственного строительства, что требует напряжения всех духовных и творческих сил страны и делает необходимым эффективное содействие и сотрудничество таких выдающихся ученых, как профессор Павлов. Советское правительство, постоянно стремившееся создать макси-

---

[1] *Горький М.* Из воспоминаний о И. П. Павлове.— Собр. соч. В 30 т. М., 1952, т. 17, с. 469.

[2] *Бонч-Бруевич В. Д.* В. И. Ленин и мир литераторов и ученых.— На литературном посту, 1927, № 20, с. 36.

мально благоприятные условия для научно-исследовательской работы в России, было ограничено в своих возможностях в этой области в результате блокады и войны, которую вели против России в открытой или скрытой форме почти все западноевропейские державы... Теперь, когда военные нападения всех врагов России отбиты и взаимные связи со странами Западной Европы вновь постепенно, но неуклонно устанавливаются, существует надежда, что для развития и применения русской науки будут созданы необходимые условия» [1].

Благоприятная обстановка, созданная И. П. Павлову (здесь имеется в виду не только материальная сторона научной работы), позволила ученому, помимо прочего, объективно и спокойно подумать об исторических событиях. Со временем он увидел, пишет П. К. Анохин, «что революция осуществляет чаяния народа и что она не только не пошла вразрез с наукой, чего он опасался, а, наоборот, стала строить новое государство целиком на основе научных достижений, и именно поэтому даже в самое тяжелое время экономической разрухи Советское правительство взяло все научные учреждения, которые были ценны для развития Советской страны. Это целиком соответствовало настроению И. П. Павлова. Он сам стал указывать на успехи советского строительства и принял участие в работе Ученого медицинского совета Комиссариата здравоохранения... Особенное влияние на него оказала встреча с А. М. Горьким, который раскрыл перед ним истинные задачи советского строя и перспективы развития его любимой родины. Он убедился, что его дело — физиология высшей нервной деятельности — очень высоко оценивается советским государством и его организатором В. И. Лениным» [2].

Как видим, забота об ученых порой оказывалась сопряженной с решением проблем политического характера, а если говорить о политическом сознании самих деятелей науки, то они все больше убеждались в том, что Советская власть ценит научных работников, а следовательно, и науку, что она выражает интересы людей науки.

Непосредственное участие деятелей науки в подъеме экономики, в развитии культуры и образования в стране, в общественной жизни, привлечение специалистов к рабо-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 52, с. 303.

[2] *Анохин П. К.* Иван Петрович Павлов. Жизнь, деятельность и научная школа. М., 1949, с. 265.

те по заданиям социалистического государства, о чем говорилось выше, было связано с их идейным включением в сферу производственных интересов республики. В резолюции IX съезда РКП(б) «Об очередных задачах хозяйственного строительства» говорилось, что съезд «в самой категорической форме напоминает всем членам партии о задаче идейного вовлечения специалистов в сферу производственных интересов Советской республики...» [1]. Это означало необходимость разъяснения целей и результатов их работы для народа, для нового государства.

Важную роль в идейном вовлечении специалистов в сферу интересов страны имело распространение их специального опыта, претворение в жизнь их практических рекомендаций. «Поскольку они видят,— писал В. И. Ленин,— что рабочий класс выдвигает организованные передовые слои, которые не только ценят культуру, но и помогают проводить ее в массах, они меняют свое отношение к нам. Когда врач видит, что в борьбе с эпидемиями пролетариат поднимает самодеятельность трудящихся, он относится к нам уже совершенно иначе. У нас есть большой слой этих буржуазных врачей, инженеров, агрономов, кооператоров, и, когда они увидят на практике, что пролетариат вовлекает в это дело все более широкие массы, они будут побеждены *морально,* а не только политически отсечены от буржуазии. Тогда наша задача станет легче. Тогда они будут сами собой вовлечены в наш аппарат, сделаются его частью» [2].

В числе ученых, в первые годы Советской власти ставших «частью нашего аппарата», был микробиолог Д. К. Заболотный, возглавлявший Санитарно-эпидемиологическую комиссию в Наркомздраве. Весной 1918 г., когда в Петрограде началась эпидемия холеры, косившая людей, он выступил на пленуме Петроградского Совета рабочих, солдатских и матросских депутатов, заявив, что предоставляет себя и руководимый им Институт экспериментальной медицины в распоряжение Совета. О том, как это было воспринято в то время некоторыми его коллегами, свидетельствует направленное ему письмо, в котором некий адъюнкт-профессор писал: «...позволю себе лично обратиться к Вам с просьбой, не признаете ли Вы возможным дать необходимые разъяснения не только мне лично, но и другим, уважающим Вас лицам, через посред-

---

[1] КПСС в резолюциях..., т. 2, с. 249.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 167.

ство того или другого общественного собрания, перед которым Вы могли бы объяснить свое неожиданное выступление в Совдепе. Полагаю, что это необходимо в интересах поддержания авторитета той, действительно настоящей науки, одним из известных представителей которой Вы всегда были» [1].

Но интересы «действительно настоящей науки» оказались неотделимыми от интересов народа и представлявшего его Совета депутатов. Д. К. Заболотный сплотил вокруг себя молодых врачей, студентов, всех тех, кому, как он говорил, «политические предрассудки не мешают бороться с народным несчастьем». Эпидемия была остановлена. Д. К. Заболотный признавал, что энергичные чрезвычайные меры, намеченные Петроградским Советом, были проведены с суровой настойчивостью и быстротой при содействии самого населения. Проведенные мероприятия способствовали «быстрой ликвидации эпидемии, на удивление нашим западноевропейским соседям, оценившим в прессе целесообразность и успешность наших мероприятий, для организации которых Советской властью были привлечены научные силы» [2]. В дальнейшем Д. К. Заболотный становится видным организатором советской науки. В 1928 г. он был избран президентом Академии наук Украинской ССР. Н. А. Семашко писал: «Став на советскую дорогу, Даниил Кириллович твердо, без шатаний и колебаний, пошел потом по ней. Его credo при выборах во Всесоюзную академию наук было откровенно политическим. Это его заявление вложило в его избирательную урну немало черных шаров из рук реакционных академиков, но зато оно же дало ему поддержку прогрессистов... Значительно проще и нормальнее прошли его выборы президентом Всеукраинской академии наук. Эти выборы проходили также на чисто политической платформе» [3].

Научные экспедиции, в ходе которых ученые имели встречи с рабочими, крестьянами, также плодотворно воздействовали на их политическое сознание. Так, А. Е. Ферсман переживал после революции смятение, говорил о «безнадежных днях русской деятельности» и пытался «уйти в мир прекрасного камня» (в 1917—1918 гг. он работал над историей камня в России). Но в ходе экспе-

---

[1] *Билай В. И.* Жизнь, отданная людям. Киев, 1966, с. 20.
[2] Там же, с. 18, 19.
[3] Там же, с. 61.

диции 1923—1926 гг. на Кольский полуостров прошел, как он признавал, «университет социалистического самосознания» в процессе общения с рабочими коллективами.

И многие другие ученые разных специальностей, работавшие в институтах и лабораториях, тысячами нитей связанных с заводами и с сельским хозяйством, многочисленный коллектив Комиссии по изучению естественных производительных сил страны, участники научных экспедиций, естествоиспытатели сотен научных и краеведческих обществ постепенно освобождались от политических установок прошлого.

В Академии наук все чаще проводились встречи, собрания ученых, на которых поднимались вопросы, связанные с ролью науки в новом государстве, с практическим использованием ее в интересах трудящихся. Возникавшие при этом диспуты приводили к углублению понимания непосредственной связи науки и социалистического строя.

Участие в любых формах работы, сталкивавших ученых с новой действительностью, с рабочими, красноармейцами, с трудовыми слоями населения вообще, оказывало на них позитивное воздействие. Такое воздействие имело и чтение публичных лекций для народа. В 1918—1925 гг., например, с бесплатными лекциями на заводах и фабриках Москвы, других городов выступали ученые Московского университета Н. Е. Жуковский, Д. Н. Анучин, Н. Д. Зелинский, А. П. Павлов, А. Н. Северцов. Так, с самого начала империалистической войны А. Н. Северцов был морально очень угнетен, подавлен мыслью, что ни эволюционная морфология, ни теоретическая наука вообще, ни он лично сейчас не ко времени, т. е. никому и ни на что не нужны. Но вот летом 1920 г., пишет Л. Б. Северцова, случилось одно маленькое происшествие, которое, однако, оказало огромное влияние на всю дальнейшую его судьбу. По просьбе местных организаций Подольской губернии ученый прочитал несколько лекций по биологии для красноармейцев. «И трудно сказать, кто кому больше дал в результате этих лекций: Алексей ли Николаевич своим слушателям, или слушатели ему? Думается, что слушатели ему. Взволнованный, сосредоточенный, молчаливый, в глубокой задумчивости возвращался он домой после окончания первой лекции. Вероятно, он тогда впервые воочию убедился в том, какая страстная, непобедимая жажда знания пробудилась во всей народной толще. И он не мог не видеть, какие огромные усилия, несмотря на продолжавшуюся войну, на голод

и разруху, кладут у нас партия и правительство на то, чтобы возможно полней и возможно лучше утолить проснувшуюся в массах рабочих и крестьян потребность все понять и все осмыслить. А что может быть дороже этого уму и сердцу подлинного ученого?! Вскоре после этого памятного вечера Алексей Николаевич как-то сразу воспрянул духом; в нем снова пробудилась вера в себя, в то, что и он нужен своему народу, что и его труд не только в будущем, но уже и сейчас не пропадает даром»[1].

Этот факт ценен не только в плане духовной, мировоззренческой эволюции А. Н. Северцова. Не менее важен он также для общей характеристики отношения трудящихся масс к науке в послереволюционные годы. Никакие явления «спецеедства» и «левизны», о которых говорилось выше и которые конечно же имели корни и в невежественных, недостаточно образованных слоях населения, не могут перечеркнуть того сильного тяготения к ней трудового народа, которое всегда имелось в нем и которое пробуждается, растет после свершения социалистической революции. Такая тяга к научному знанию свидетельствует о понимании массами значения науки для своего социального освобождения.

В составе факторов, влиявших на политические взгляды интеллигенции, важное место занимало и создание товарищеской атмосферы в коллективах, в которых работали ученые. Такими коллективами были академические, научно-исследовательские организации, научные общества, вузы, производственные коллективы (например, химические заводы), сельскохозяйственные опытные станции и т. п.

Труд ученых обретал новые черты. Совершался переход от преимущественно индивидуальной к преимущественно коллективной работе, что содействовало выработке психологии коллективизма. Тесная увязка научных проблем с заданиями государства и введение стабильной системы планирования, неотрывной от планового начала во всей организации государства, постепенно включала работников науки в сферу государственных интересов, формировала у них чувство гражданственности, общности с трудовым народом. Вырабатывался подлинный коллективизм, а не машинизированно-примитивная коллективность левых пролеткультовцев. Нравственным

---

[1] *Северцова Л. Б.* Алексей Николаевич Северцов. М.— Л., 1946, с. 242.

ядром этого коллективизма было коммунистическое товарищество, идущее от работавших рядом коммунистов.

В Программе партии подчеркивалась необходимость «ставить буржуазных специалистов в обстановку товарищеского общего труда, рука об руку с массой рядовых рабочих, руководимых сознательными коммунистами, и тем способствовать взаимному пониманию и сближению разъединенных капитализмом работников физического и умственного труда» [1].

Важнейшими чертами коммуниста—организатора науки, способного объединять ученых, устанавливать дух товарищества в работе, являлись компетентность и тактичность. «...Чтобы управлять,— подчеркивал В. И. Ленин,— нужно быть компетентным, нужно полностью и до точности знать все условия производства, нужно знать технику этого производства на ее современной высоте, нужно иметь известное научное образование. Вот те условия, которым мы должны удовлетворять во что бы то ни стало» [2]. Компетентность свидетельствовала, помимо прочего, о действительном, не на словах, а на деле, уважении к науке, о серьезности подхода к ее организации и объединению ученых.

В этом плане интересны признания крупнейших ученых того времени об отдельных коммунистах — организаторах науки.

Как отмечает А. П. Карпинский, в глазах научной интеллигенции народный комиссар просвещения А. В. Луначарский был «обаятельнейшим человеком, за каждым словом которого стояла огромная культура и в выступлении которого звучала искренняя любовь к знанию, к науке, к человечеству» [3]. После выступления А. В. Луначарского на одном из заседаний коллегии Наркомпроса по вопросу развития Академии наук академик В. А. Стеклов говорил: «Знаете, товарищи, я слушал Анатолия Васильевича и разводил руками: я — специалист-математик, а должен сознаться, что ряд новейших математических трудов, на которые ссылался Анатолий Васильевич, я еще не читал. Как этот человек, загруженный огромной политической, творческой работой, работой по руководству наркоматом и т. д., как он успевает изучать груду

---

[1] КПСС в резолюциях..., т. 2, с. 86.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 40, с. 215.

[3] Литературное наследство. А. В. Луначарский. Неизданные материалы. М., 1970, т. 82, с. 118.

научных, при том сугубо специальных книг,— для меня это прямо-таки загадка!» [1]

Бесспорно, у разных коммунистов-организаторов была разная степень компетентности, разная глубина научной эрудиции. Но неожиданным для специалистов, привыкших считать их «разрушителями» культуры, был сам факт «спеца-коммуниста», знающего и любящего науку; эта «неожиданность» содействовала установлению доверия и отношения товарищества с учеными-некоммунистами.

Драгоценным качеством коммунистов — организаторов науки оказывалась тактичность в их отношениях с учеными-некоммунистами. «Вы должны быть,— писал В. И. Ленин Г. М. Кржижановскому по вопросу об Общеплановой комиссии,— «душой» дела и руководителем *идейным* (в особенности отшибать, отгонять *нетактичных* коммунистов, способных разогнать спецов)...» [2] Будучи сам глубоко интеллигентным, тактичным, Г. М. Кржижановский способствовал формированию атмосферы взаимопонимания и уважения как в ГОЭЛРО, Госплане, так и в учреждениях, с которыми он непосредственно был связан. А. В. Луначарский писал В. И. Ленину в апреле 1921 г., после забастовки профессоров в МВТУ, что не продуманные административные меры Главпрофобра нарушили те добрые отношения, которые начали было устанавливаться, благодаря Кржижановскому, между Наркомпросом и профессурой. Коснувшись альтернативы в рассматриваемом вопросе, А. В. Луначарский заявил, что сам он является сторонником «мягкой, культурной политики», а «путь, по которому мы шли до вмешательства т. Кржижановского и Вашего,— чрезвычайно опасный, более опасный, чем путь соглашения, тоже, конечно, усеянный опасностями... т. Кржижановский, которого Вы, как будто, одобряете,— пишет далее А. В. Луначарский,— весьма определенно подчеркивал в беседах со мной необходимость именно любовного сговора с профессурой. И так как моя-то душа именно к этому лежит, так как я считаю, что *мне* это в полной мере удалось бы без всякого ущерба, то я и ставлю этот вопрос перед Вами» [3]. Проведение такой политики привело, как уже отмечалось выше, к прекращению профессорской забастовки в МВТУ.

---

[1] Памяти А. В. Луначарского. М., 1935, с. 31.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 52, с. 81.

[3] Литературное наследство. В. И. Ленин и А. В. Луначарский. Переписка, доклады, документы. М., 1971, т. 80, с. 274.

В сложном переплетении сталкивающихся интересов у некоторых коммунистов-руководителей порой проявлялась склонность к волюнтаристским решениям и игнорированию мнения ученых, что имело своим следствием разлад во взаимоотношениях с научными специалистами. Так, первый ректор-коммунист Московского университета экономист Д. П. Боголепов, например, провел много ценных мероприятий по демократизации управления университетом, по выработке нового учебного плана факультета общественных наук и т. п., но при этом руководствовался неверной установкой на смену всего старого профессорско-преподавательского состава университета. Недоверие к «старым» профессорам выразилось, в частности, в создании им малого Президиума университета из трех лиц, который должен был подменить сам Президиум. Его склонность «к единоличному решению вопросов, ориентация на узкий актив без учета настроений всей массы преподавательского персонала университета дали возможность активизироваться реакционной профессуре, особенно на физико-математическом факультете» [1].

С конца мая 1921 г. по 1925 г. Президиум Московского университета возглавлял ректор В. П. Волгин, специалист по истории утопического социализма, вступивший в ряды партии в 1920 г. Он широко привлекал наиболее прогрессивную часть профессуры и соответствующие представительные факультетские органы к решению важнейших вопросов жизни университета, сумел завоевать авторитет у профессорско-преподавательского состава и способствовал росту политического сознания определенной части профессуры. В. П. Волгина ценили за такт, внимательное отношение к интересам и нуждам педагогического персонала, за огромную работу, проведенную под его руководством по реорганизации всей университетской жизни на основе нового устава высшей школы.

Одним из тех коммунистов, кто внес существенный вклад в консолидацию ученых, в формирование атмосферы товарищества во взаимоотношениях с деятелями науки, был минералог, ученик В. И. Вернадского и Е. А. Ферсмана Н. М. Федоровский. Член РСДРП с 1904 г., он был председателем Нижегородской партийной организации во время установления и укрепления Советской власти в

---

[1] *Сафразьян Н. Л.* Из истории Московского университета в первые годы восстановительного периода (1921—1922 годы).— Из истории Московского университета. 1917—1941, с. 91.

Нижнем Новгороде, а с весны 1918 г. стал председателем Горного совета ВСНХ. Н. М. Федоровский активно помогал формированию крупных научных коллективов, среди которых — Московская горная академия.

В январе 1921 г. произошла встреча профессора Н. М. Федоровского с А. Эйнштейном, передавшим через него следующее письмо в Россию:

«Русским товарищам

От наших товарищей я узнал, что русские товарищи даже при настоящих условиях заняты усиленной научной работой.

Я вполне убежден, что пойти навстречу русским коллегам — приятный и святой долг всех ученых, поставленных в более благоприятные условия, и что последними будет сделано все, что в их силах, чтобы восстановить международную связь.

Приветствую сердечно русских товарищей и обещаю сделать все от меня зависящее для организации и сохранения связи между здешними и русскими работниками науки. *А. Эйнштейн»* [1].

На прощание А. Эйнштейн сказал Н. М. Федоровскому: «Передайте от меня привет Ленину» [2].

В систему факторов, содействующих сближению научной интеллигенции с Советской властью, входила и борьба марксистов-ленинцев, с одной стороны, против правого оппортунизма, с другой — против леводоктринерского антисциентизма.

Правый уклон выражался в стремлении оградить мировоззрение специалистов науки (а это мировоззрение, как уже отмечалось, в целом было буржуазным либо мелкобуржуазным) от воздействия коммунистической идеологии. Идеологическое невмешательство открыто не связывалось при этом с защитой буржуазной идеологии, так как признать данную связь означало бы исключение из членов партии, а прикрывалось интересами строительства социализма, стремлением не «отпугнуть» специалистов от новой власти. Правый уклон проявлялся в слепом преклонении перед личностью специалиста, перед авторитетом знания, в недооценке того, на что это знание могло быть обращено и в чьих интересах могло быть использовано.

Если «правые» вели дело к сохранению конфронтации,

---

[1] *Львов Вл.* Жизнь Альберта Эйнштейна. М., 1958, с. 145.
[2] Там же, с. 146.

отстаивая «стихийность» развития, то «левые» отталкивали от коммунистов даже тех, кто начинал поворачиваться к ним.

Так, члены ЦК партии Г. Зиновьев, В. Володарский, М. Лашевич на страницах «Петроградской правды» заявили, будто мы используем буржуазных специалистов «в роли наших денщиков» и что через некоторое время они будут выброшены как «выжатый и ненужный лимон» [1]. На заседании ВЦИК Н. И. Бухарин заявил, что специалистов, получающих 4000 рублей, надо ставить к стенке.

«Левые» требовали изменения партийной линии и привлечения специалистов, в том числе специалистов науки и техники, при помощи репрессий как главного метода воздействия на них со стороны органов диктатуры пролетариата.

Выступая на том же заседании ВЦИК, В. И. Ленин показал, что такая позиция— это психология дикарей, отрицающих цивилизацию и надеящихся построить новое общество без выучки у буржуазии. В вопросах использования специалистов науки и техники, подчеркивал он, «поминать винтовки есть величайшая глупость» [2].

«Скажут: вместо насилия Ленин рекомендует моральное влияние! Но глупо воображать, что одним насилием можно решить вопрос организации новой науки и техники в деле строительства коммунистического общества. Вздор! Мы, как партия, как люди, научившиеся кое-чему за этот год советской работы, в эту глупость не впадем и от нее массы будем предостерегать. Использовать весь аппарат буржуазного, капиталистического общества — такая задача,— указывал В. И. Ленин,— требует не только победоносного насилия, она требует, сверх того, организации, дисциплины, товарищеской дисциплины среди масс, организации пролетарского воздействия на все остальное население, создания новой массовой обстановки, при которой буржуазный специалист видит, что ему нет выхода, что к старому обществу вернуться нельзя, а что он свое дело может делать только с коммунистами, которые... идут к тому, чтобы плоды буржуазной науки, техники, плоды тысячелетнего развития цивилизации не доставались кучке людей, пользующихся этим для того, чтобы

---

[1] Петроградская правда, 1918, 21, 22 апреля.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 273.

выделяться и обогащаться, а доставались поголовно всем трудящимся»[1].

В работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» В. И. Ленин дал обобщенную оценку левого доктринерства, и эта характеристика включает в себя также проблемы отношения к буржуазным специалистам науки и техники. Было показано, что, прикрываясь громкими фразами о революции, пролетариате, марксизме, «левые» фактически действуют против марксизма. Они требуют, чтобы специалисты немедленно стали «советскими» по убеждениям, чтобы тут же приняли мировоззрение марксизма; лишь такие специалисты, с их точки зрения, могут быть привлечены к строительству социализма, остальные же обречены на «добивание». Левые доктринеры чрезмерно торопят исторические процессы, не учитывают всех условий движения вперед и в погоне за количественными внешними показателями наносят часто труднопоправимый ущерб всему движению. Они неспособны трезво оценить соотношение классовых сил, проявлять гибкость, терпеливо и медленно строить, как неспособны победить в себе мелкобуржуазную распущенность. «Беда этих горе-революционеров состоит в том, что даже у тех из них, кто руководится лучшими в мире побуждениями и отличается безусловной преданностью делу социализма... недостает выдержки в трудные минуты трудного перехода»[2]. Левые доктринеры отгораживаются от отстающих масс выдуманными ребячески-«левыми» лозунгами, а нужно не отрываться от масс, а уметь убедить, уметь работать среди них. «Большего неразумия, большего вреда для революции, приносимого «левыми» революционерами,— говорил Ленин,— нельзя себе и представить!»[3]

Создавая союз науки и демократии, В. И. Ленин предостерегал коммунистов от торопливости, от злоупотребления властью в этом важнейшем историческом деле, учил проявлять терпение и настойчивость в установлении политического союза марксистов с естествоиспытателями. Глубоко проникая в сущность этого союза, он видел серьезные трудности, объективно не дающие возможности идейно-политической переориентации старых кадров специалистов в короткие сроки; указывал, что эта задача будет решаться в течение всего переходного периода от

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 56—57.
[2] Там же, т. 36, с. 207.
[3] Там же, т. 41, с. 37.

капитализма к социализму. По истечении этого периода общество становится монолитным в идейно-политическом отношении. В 1919 г. Ленин указывал, что задача использования буржуазных специалистов — это задача «громадной трудности, на которую, чтобы полностью решить ее, надо положить десятки лет!»[1]

«Декретирование» этого процесса, поспешность, понукание ученых, применение к ним идеологического насилия могут лишь отрицательно сказаться на естественно-необходимом процессе их движения к марксистской теории.

Такова была глубоко продуманная ленинская стратегия, единственно верная, революционная и гуманистическая программа преобразования политического сознания интеллигенции, рассчитанная на целую историческую эпоху. Эта стратегия была несовместима ни с правым оппортунизмом, ни с леводоктринерским антисциентизмом.

Важным фактором, содействующим идейному сближению людей науки с пролетарской властью, было открытое признание партией ошибок, допущенных теми или иными советскими органами, теми или иными партийными организациями или отдельными руководителями, и исправление этих ошибок. «Отношение политической партии к ее ошибкам,— говорил В. И. Ленин,— есть один из важнейших и вернейших критериев серьезности партии и исполнения ею *на деле* ее обязанностей к своему *классу* и к трудящимся *массам.* Открыто признать ошибку, вскрыть ее причины, проанализировать обстановку, ее породившую, обсудить внимательно средства исправить ошибку — вот это признак серьезной партии, вот это исполнение ею своих обязанностей, вот это — воспитание и обучение *класса,* а затем и *массы*»; иначе это будет «не *партия класса,* а кружок...»[2]

Примером такой принципиальной позиции было признание В. И. Лениным ошибок Народного комиссариата просвещения в 1921—1922 гг. и исправление этих ошибок[3]. На деятелей науки это производило сильное впечатление. Не являясь марксистами, они привыкли считать, что всякая партия склонна к сокрытию своих неудач, дабы усилить веру в правильность ее линии. Но в таком случае партийность противостояла поиску истины, всегда сопряженной с моментами заблуждения и отдельными неу-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 57.
[2] Там же, т. 41, с. 40—41.
[3] См. там же, т. 42, с. 324; т. 45, с. 121.

дачами. С этим противоречием приходилось как-то мириться ученым, входившим в состав буржуазных партий. Но оказывается, что есть такая партия — коммунистическая, строй мыслей которой аналогичен научному: ради объективности не замазывать, а раскрывать ошибки.

Научный, самокритичный подход партии к своим действиям не мог не привлекать деятелей науки. А. П. Карпинский отмечал, что «Владимир Ильич обладал редким положительным качеством — он умел сознавать свои ошибки, совершенно неизбежные при задуманном им громадном и сложном предприятии, и решительно исправлял промахи, допущенные местными органами при его осуществлении, если мероприятия последних не отвечали истинным намерениям Ленина» [1]. Как признавал в 1924 г. С. Ф. Ольденбург, В. И. Ленин обладал «пониманием того, что не надо замалчивать своих ошибок... И тот, кто имеет мужество сознаваться в своих ошибках, тот может действительно идти вперед» [2].

Соблюдение нравственной чистоты в рядах партии также являлось одним из необходимых факторов сближения ученых старой школы с Коммунистической партией.

Среди многих уродливых явлений антагонистического общества далеко не на последнем месте стоят подкуп, взяточничество, расхищение государственных средств. Они всегда сопровождали капитализм, морально разлагая лиц, непосредственно или косвенно решающих вопросы общественной жизни. Социалистическая революция впервые в истории создает реальные возможности для их искоренения, как и для ликвидации бюрократизма. Вместе с тем ряды партии не застрахованы от проникновения в них людей чуждой морали.

В. И. Ленин указывал в 1921 г., что три главных врага, которые стоят сейчас перед коммунистом, следующие: первый враг — коммунистическое чванство, второй — безграмотность и третий — взятка [3].

В своем письме в ЦК РКП(б) от 4 мая 1918 г. он ставил вопрос об исключении из партии тех ее членов, которые, будучи судьями по делу четырех сотрудников Московской следственной комиссии, уличенных во взяточничестве и шантаже, вынесли им легкую меру наказания

---

[1] Неопубликованная статья А. П. Карпинского о Ленине.— Вестник АН СССР, 1962, № 4, с. 108.

[2] Из речи академика С. Ф. Ольденбурга на II Всесоюзном съезде Советов.— Ленин и Академия наук, с. 228.

[3] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 173.

(полгода тюрьмы). «Вместо расстрела взяточников,— писал В. И. Ленин,— выносить такие издевательски слабые и мягкие приговоры есть поступок *позорный* для коммуниста и революционера. Подобных товарищей надо *преследовать* судом общественного мнения и *исключать из партии...*»[1] Одновременно с письмом в ЦК В. И. Ленин направил народному комиссару юстиции Д. И. Курскому записку, в которой потребовал тотчас, с демонстративной быстротой, внести законопроект, что наказание за взятку, подкуп, всякую прикосновенность к взяточничеству должно быть не ниже десяти лет тюрьмы и, сверх того, десять лет принудительных работ[2]. В том же месяце был принят «Декрет о взяточничестве».

Не меньшее влияние на политическую переориентацию научной интеллигенции оказывала и борьба с буржуазной идеологией.

Чрезвычайно важным для естествоиспытателей было получение информации о классовой структуре общества, о социальном положении интеллигенции и ее функциях в нем, о науке как сфере общественного сознания и ее социальной обусловленности, о причинах классового неравенства и истоках социалистической революции. Вся эта и другая информация по кардинальным вопросам мировоззрения передавалась в среду интеллигенции по многим каналам: газетам, книгам, радио, посредством митингов, бесед, диспутов с участием коммунистов и т. п. Критика буржуазной идеологии по важнейшим мировоззренческим проблемам содействовала уяснению ошибочности их идеалистических трактовок и привлекала внимание к научно-философскому, марксистскому их решению.

Описанная выше совокупность факторов дает представление о том, в какой конкретно-исторической обстановке совершался в нашей стране процесс идейно-политической переориентации научной интеллигенции, ее эволюция в сторону интересов пролетариата и социалистического государства.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 282.
[2] См. там же, с. 605 (прим. 117).

Глава IV

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ФИЛОСОФСКОЙ ОРИЕНТАЦИЙ

1
ИДЕАЛИЗМ И ПОЛИТИКА

Одним из важнейших факторов, воздействовавших на политическую эволюцию ученых старой формации, явилось развертывание критики идеализма и перекрытие основных каналов его воздействия на представителей интеллигенции. До революции философы-идеалисты провозглашали свою «внепартийность», с тем чтобы расширять свое влияние среди научной интеллигенции, укреплять свои позиции в обществе. Вместе с тем они, по существу, занимались дискредитированием материалистического мировоззрения. Многие из них стремились извратить концепцию социализма, связав искаженное представление о нем с вульгарным материализмом. Тем самым преследовалась цель не допустить распространения подлинных социалистических идей в среде интеллигенции.

Вот одно из типичных для предреволюционного периода положений: «Чем глубже будут овладевать сознанием идеалистические мотивы, тем быстрее будет разрушение социализма» [1]. Иными словами, идеализм и социализм несовместимы, они взаимоисключают друг друга. И, заметим, говорится это не марксистом, а самим идеалистом, на что следует сразу обратить внимание, ибо в дальнейшем философы-идеалисты, оказавшиеся за границей, да и многие современные буржуазные «советологи», стали выступать с нападками на Советскую власть, возмущаясь тем, что она якобы поставила перед «беспартийными» идеалистами дилемму «либо социализм, либо идеализм». Но факты, как видим, говорят о другом.

Линию на взаимоисключение идеализма и социализма проводили буржуазные идеологи и до и после Октябрьской социалистической революции, причем на протяжении

---

[1] *Франк С. Л.* Философия жизни. Этюды и наброски по философии. Спб., 1910, с. 353.

всех пяти лет своей легальной деятельности в социалистическом государстве.

Один из теоретиков религиозно-идеалистической философии дореволюционной России профессор Е. Н. Трубецкой писал в 1918 г.: «...Россия лежит в развалинах; она стала очагом мирового пожара, угрожающего гибелью всемирной культуре» [1]. Причиной революции, считал Е. Н. Трубецкой, явился духовный кризис, выразившийся в проявлении «крайнего практического безбожия», в ослаблении «религиозных связей». Свою негативную оценку социалистической революции он «подкрепил» борьбой с Советской властью в рядах так называемой добровольческой армии.

Тесная связь идеализма с социальной реакционностью видна и в сборнике «Из глубины», подготовленном в 1918 г. и переизданном в Париже в 1967 г. В нем участвовали Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, П. Б. Струве, С. Л. Франк, С. А. Аскольдов, С. А. Котляревский и др. Причину революции авторы сборника усматривали в своеобразном складе и характере души русского народа. Революция победила якобы потому, что большевики стали прививать народу западноевропейские отрицательные начала в форме материализма, атеизма, социализма и этим заглушили в нем «благочестие», или «святое начало», развив «греховное», «дьявольское», анархическое. Русский народ изменил своему христианскому призванию, в результате чего вместо вселенского соборного всечеловечества явились пролетарский интернационал и социалистическая республика [2]. Октябрьская революция носила-де антинациональный характер, сбила Россию с правильной дороги, заставила ее блуждать в потемках, превратила в «бездыханный труп». Диктатура пролетариата — это «деспотизм», возврат к бесправию, «нарушение принципов свободы, равенства и братства». Революции приписывался нигилизм в отношении ко всему историческому прошлому, ко всем достижениям и культурным ценностям. Что касается будущего, то, например, Н. А. Бердяев и С. Н. Булгаков выдвигали положение о необходимости религиозно-мистической революции в сознании интеллигенции и народа.

По основным своим идеям с этим сборником статей перекликался другой сборник — «Освальд Шпенглер и

---

[1] *Трубецкой Е. Н.* Смысл жизни. М., 1918, с. III.

[2] См.: Из глубины. Париж, 1967, с. 114.

закат Европы», изданный в Москве в 1922 г. Его авторы — Ф. А. Степун, С. Л. Франк, Н. А. Бердяев, Я. М. Букшпан. Н. А. Бердяев для «обоснования» своей враждебной социализму позиции обратился здесь к данным естествознания. «Мир погибнет,— утверждал он,— в равномерном распределении тепловой энергии во вселенной, энергии, необратимой в другие формы энергии. Энергии творческие, создающие многообразие космоса, идут на убыль. Мир погибнет от неотвратимого и непреодолимого стремления к физическому равенству. И не есть ли стремление к равенству в мире социальном та же энтропия, та же гибель социального космоса и культуры в равномерном распределении тепловой энергии, необратимой в энергию, творящую культуру» [1]. Выход Н. А. Бердяев видел в капитализме как «антиэнтропийном факторе», а средством его достижения (т. е. возврата к нему), с его точки зрения, должна была стать экзистенциальная философия, перестройка на ее основе внутреннего мира индивидов. На этом примере видно, как буржуазные идеологи пытались использовать в целях борьбы с материализмом и социализмом данные естественных наук: возводимые на их базе необоснованные гипотезы, противоречащие к тому же более широким результатам исследований, включались ими в состав аргументов, дабы придать своим философско-политическим построениям вид научных концепций.

Определенное влияние на буржуазную интеллигенцию после революции оказывало сменовеховское движение, стремившееся соединить социализм с религией или разными системами идеалистического мировоззрения. Сущность сменовеховского движения, как известно, состояла в попытке части враждебно настроенной интеллигенции включиться в сотрудничество с Советской властью, но в процессе такой работы содействовать перерождению нового государства в типично буржуазное общество [2].

Со сменовеховством, например, смыкалась позиция крупнейшего представителя русского неокантианства профессора А. И. Введенского, нашедшая отражение в его статье «Судьба веры в бога в борьбе с атеизмом». По его мнению, Маркс, выработав социально-экономическое

---

[1] Освальд Шпенглер и закат Европы. М., 1922, с. 70—71.

[2] См.: *Федюкин С. А.* Борьба с буржуазной идеологией в условиях перехода к нэпу. М., 1977; *Кошарный В. П.* Из истории борьбы с буржуазно-реставраторской социологией сменовеховства в первые годы нэпа.— Актуальные проблемы истории философии народов СССР, вып. 4. М., 1977.

учение, соединил его с атеизмом, «в чем не было никакой логической неизбежности, и что объясняется чисто психологически, биографией Маркса»[1]. Из приведенного рассуждения не следует, будто А. И. Введенский проникся идеями социально-экономической и политической концепции К. Маркса. Он враждебно относился к марксистскому учению. Объективно здесь налицо тенденции отделить от социализма материализм, предостеречь от материалистической философии тех, кто, не являясь ее сторонником, начал политически ориентироваться на сотрудничество с социалистическим государством.

В плане сменовеховских установок концепция А. И. Введенского и ему подобных может быть расценена как тактический шаг: признать на какое-то время социализм с тем, чтобы затем держать курс на трансформацию общественных отношений, на восстановление дореволюционных социальных порядков. Иначе говоря, в этом случае опять же действовала стратегическая установка на взаимосвязь религии и идеализма с политической буржуазностью. В соединении идеализма с контрреволюционностью было тем больше опасности, чем шире развертывалась активность философов-идеалистов.

1921—1922 гг. явились началом новой экономической политики партии. Нэп давал простор частной инициативе в экономической области и представлял известную уступку капитализму; это было отступление, но такое, при котором, во-первых, не прекращалось социалистическое строительство и, во-вторых, создавались экономические условия для индустриализации страны, коллективизации сельского хозяйства, для полной победы социализма. С осени 1921 г. и до весны 1922 г. прокатывается волна так называемой «нэпмановской» горячки, оживившей буржуазные и мелкобуржуазные экономические отношения и соответствующие им идеологические настроения. Потерпев поражение на политическом и военном фронтах, буржуазные элементы вынашивали мысль о реванше на экономическом и идеологическом фронтах, пытались вернуть идеалистической философии господствующее положение в обществе, восстановить утраченное прямое влияние на интеллигенцию.

Эти годы были периодом наиболее острого столкновения идеологий и решающим для самого существования

---

[1] *Введенский А. И.* Судьба веры в бога в борьбе с атеизмом.— Мысль, 1922, № 2, с. 19—20.

идеализма в нашей стране. От того, какова была перспектива идеалистической философии, насколько могла она обеспечить в новых условиях свои позиции среди интеллигенции, в том числе среди естествоиспытателей, в немалой степени зависела мировоззренческая и политическая ориентация старых научных кадров.

Посмотрим, какова была ситуация в области философии перед социалистической революцией.

Безраздельно господствующими в вузах были религиозно-мистические и идеалистические философские системы. Религиозно-мистическое направление было представлено Л. М. Лопатиным, С. Н. Трубецким, Е. Н. Трубецким, П. А. Флоренским и др. К нему примыкали философско-идеалистические школы неогегельянства (наиболее видным представителем которого являлся И. А. Ильин), экзистенциализма (Н. А. Бердяев, Л. И. Шестов), неокантианства (А. И. Введенский, Г. И. Челпанов, И. И. Лапшин), интуитивизма (Н. О. Лосский, С. Л. Франк), гуссерлианства (Г. Г. Шпет) и т. п. Для распространения религиозных и идеалистических идей имелась солидная материальная база. Они разрабатывались в пяти духовных академиях (из которых каждая имела свой печатный орган), в университетах Москвы, Петербурга и Киева. При Петербургском университете функционировало Философское общество, а при Московском университете — Московское психологическое общество. В этих обществах, помимо богословов и философов, немало было и естествоиспытателей.

По данным В. П. Егоршина, проанализировавшего статьи, помещенные в журнале Московского психологического общества «Вопросы философии и психологии» более чем за 30 лет его существования (вплоть до 1918 г.), из 66 статей по проблемам естествознания 65 принадлежали сторонникам религиозной и идеалистической философии и только в одной статье биолога М. А. Мензбира отражалась материалистическая гносеология. Статьи философов-идеалистов при этом задавали тон статьям естественников: «...философы здесь выступают в качестве попечителей, опекунов, наставников для естествоиспытателей, от них исходят общие, генеральные *директивы*, которые естествоиспытатели в своих более узких работах разменивают на мелкую монету» [1]. Безусловно, указанный

[1] *Егоршин В. П.* Естествознание, философия и марксизм. М., 1930, с. 55.

журнал не отражал адекватно соотношения основных философских лагерей в естествознании России (среди рассмотренных статей нет, например, ни одной, написанной К. А. Тимирязевым, хотя тот и состоял долгое время действительным членом Московского психологического общества). Точно так же характер всей деятельности этого общества не позволяет делать вывод, будто в целом русское естествознание развивалось под влиянием идеалистической и религиозно-мистической философии. Среди его действительных членов находились естествоиспытатели: биолог В. А. Вагнер, минералог В. И. Вернадский, физиолог В. Я. Данилевский, механик Н. Е. Жуковский, анатом Д. Н. Зернов, биолог А. Н. Северцов, математик А. В. Васильев и др. Многие из них были естественнонаучными материалистами, и их вхождение в данное общество свидетельствует скорее об их тяге к философии вообще, чем о приверженности к богословам и философам-идеалистам. И тем не менее существование таких обществ, поддерживаемых органами власти, говорит о стремлении добиться союза с естествоиспытателями, повлиять на их политическую и общемировоззренческую позицию, привлечь их на сторону буржуазии и идеалистической философии.

Переход к нэпу возродил и усилил надежды буржуазных идеологов на возврат к прежнему положению в сфере философии. Резко увеличилось число частных издательств. Оживило свою деятельность Московское психологическое общество. С февраля 1921 г. возобновило работу Петроградское философское общество (были предприняты усилия по вовлечению в него Л. С. Берга, В. М. Бехтерева и других естествоиспытателей). В январе 1922 г. учреждается Костромское философское общество, в 1921 г.— философское общество при Донском университете и т. д.

С сентября 1921 г. в Москве начал работу Институт научной философии при 1 МГУ. Во главе его стоял Г. Г. Шпет, среди действительных членов были С. Л. Франк, А. А. Богданов, И. А. Ильин и др., а вся работа института до марта 1923 г. (т. е. до момента его преобразования) была проникнута идеалистическим духом.

Ведущими центрами пропаганды идеализма и антисоветизма в Петрограде, где работала значительная часть ученых, были наряду с Петроградским философским обществом Вольная философская ассоциация, Русское техническое общество и Дом ученых.

На заседаниях Русского технического общества в 1922 г. было заслушано и обсуждено более тридцати докладов по экономическим и социологическим проблемам. С докладами выступали П. А. Сорокин («Голод и идеология общества»), К. В. Крафф-Корбут («Евгеническое значение войны и революция») и др. Печатным органом этого общества был журнал «Экономист», защищавший «принцип хозяйственной свободы». Один из его авторов — Б. Д. Бруцкус призывал российскую интеллигенцию не поддаваться чарам «так называемого научного социализма» о «земном рае» коммунистического общества; рабоче-крестьянское государство, по его словам, в отличие от буржуазно-демократического и даже монархического, «есть тот Левиафан Гоббса, который без остатка поглощает личность» [1].

В 1921 г. активизировала свою деятельность Вольная философская ассоциация Петрограда («Вольфила»), основанная в 1919 г. Среди ее учредителей были философы Л. И. Шестов, Г. Г. Шпет, Н. О. Лосский, историк общественной мысли Р. В. Иванов-Разумник, поэт Андрей Белый и др. «Вольфила» организовывала доклады («Религия и мистика», «Три искупления. Христианство и социализм» и т. д.), циклы лекций («Трансцендентальный метод и метафизика», «Логические учения» и др.), кружки («Философия метафизики», «Основные вопросы метафизики» и т. п.), широко отмечала памятные даты и юбилеи (Платона, Ф. Ницше, П. Л. Лаврова, В. С. Соловьева, Л. Н. Толстого и др.). Значительная часть этих торжественных собраний связывалась с «углублением» понимания идеализма, критикой марксистской идеологии, с прямыми нападками на социальный порядок, установленный революцией. Такая «злободневность» служила своеобразным магнитом, стягивавшим к себе многих представителей художественной и научной интеллигенции, имевших буржуазную ориентацию; деятельность «Вольфилы» оказывала влияние на студенческую молодежь Петрограда.

Идеалистическая философия и религиозные взгляды вместе с антисоветскими установками пропагандировались в петроградском Доме ученых. Здесь читались лекции Л. И. Федорова «Конфликт науки и религии», Л. П. Карсавина «Учение о конечном преобразовании мира», А. И. Введенского «Сущность религиозного сознания» и многие другие.

---

[1] Экономист, 1922, № 3, с. 60.

В университетах и других высших учебных заведениях страны содержание лекций по философии и социологии определялось в основном идеалистами.

Среди многочисленных книг и статей, появившихся в начале нэпа, было немало таких, в которых, как и в дореволюционное время, настойчиво внедрялась мысль о необходимости для естествоиспытателей союза с религией или идеализмом. Так, в книге С. Л. Франка «Введение в философию в сжатом изложении» естественник мог найти много верных как будто бы положений: что попытка построить философию на выводах одной частной науки ложна из-за своей односторонности, что ошибочно направление мыслей (позитивизм), лишающее философию самостоятельного предмета исследования, и т. д. Но дальше читателя приводили к мысли, что философия, хоть и «связанная» с развитием науки, не опирается на выводы наук, а очищает и придает им якобы «подлинно точную» форму и в конечном счете соединяет их с религией.

Секретарь Петроградского философского общества А. А. Франковский (он же — переводчик книги А. Бергсона «Длительность и одновременность», 1923 г.) опубликовал статью в журнале «Мысль», где признавал «несомненным» факт все более живого тяготения к философии различных областей естествознания. «Философские предпосылки,— утверждал он,— есть во всех естественных науках, но они большею частью скрыты. Представляется весьма важной задачей развить скрытую имманентную философию, присущую естествознанию вообще и отдельным естественнонаучным дисциплинам в частности, и обосновать ее на общих систематических принципах философии» [1]. Какова же эта философия? А. А. Франковский присоединяется к мнению, что теория относительности, да и другие естественнонаучные теории, не должна непременно связываться с каким-нибудь определенным мировоззрением, она совместима как с позитивизмом и реализмом, так и с идеализмом, т. е. со всем, чем угодно, только не с философским материализмом. Сам же А. А. Франковский предлагал «систематическую», т. е. религиозно-идеалистическую, философию.

В условиях своего легального существования буржуазная идеология использовала все средства для того, чтобы воспрепятствовать установлению отношений взаимопонимания между Советской властью и научной интеллиген-

[1] *Франковский А. А.* Обзор немецкой философской литературы 1914—1921 гг.— Мысль, 1922, № 2, с. 153.

цией, помешать сближению естествознания с диалектико-материалистической философией.

Одним из способов достижения этой цели было умаление научной значимости философии марксизма, попытка лишить диалектико-материалистическую теорию познания самостоятельности путем сведения ее к махизму, вульгарному материализму и т. п. [1]

В широком потоке идеологической реакции слились воедино идеалистические доктрины, как открыто враждебные науке, так и псевдонаучные, маскирующиеся под естествознание. Естествоиспытателям рекомендовались теософия, «универсальный витализм», бергсонианство и многие другие нематериалистические концепции. Использовались даже такие достижения науки, как теория относительности А. Эйнштейна. На книжном рынке можно было встретить немало работ, посвященных философскому истолкованию этой теории, причем подготовленных не только в России, но и в других странах. Был издан, например, в русском переводе труд неокантианца Э. Кассирера, ставивший целью обосновать гносеологический субъективизм и агностицизм на основе принципа относительности [2]. «Мне хотелось знать, в какой мере моя концепция длительности может быть согласована с взглядами Эйнштейна на время»,— заявлял другой крупнейший буржуазный философ А. Бергсон в предисловии к работе, также изданной на русском языке и посвященной теории относительности [3].

В духе своего миропонимания стремились интерпретировать теорию относительности и русские теологи, идеалисты. Одна из этих попыток представлена крупным религиозным философом и математиком П. А. Флоренским. В своем истолковании теории относительности он исходил из абсолютизации обыденных представлений людей о соотношении Земли и Солнца, сближая теорию относительности с теорией Птолемея. В птолемеевской системе, считал П. А. Флоренский, все явления должны происходить так же, как и в системе Коперника, но с преимуществом здравого смысла и верности земле, земному, подлинно достоверному опыту, с соответствием философскому

---

[1] См.: *Радлов Э. Л.* Очерк истории русской философии. Пг., 1921, с. 27, 28.

[2] См.: *Кассирер Э.* Теория относительности Эйнштейна. Пг., 1922.

[3] См.: *Бергсон А.* Длительность и одновременность (по поводу теории Эйнштейна). Пг., 1923.

разуму и геометрии. Однако было бы большой ошибкой объявлять коперниковскую и птолемеевскую системы равноправными способами понимания: они таковы только в плоскости отвлеченно-механической, но по совокупности данных истинной оказывается последняя, а первая — ложной. Специальный принцип относительности, по мнению П. А. Флоренского, утверждает, что «никаким физическим опытом убедиться в предполагаемом движении Земли невозможно. Иначе говоря, Эйнштейн объявляет систему Коперника чистой метафизикой, в самом порицательном смысле слова»[1]. Флоренский пытался так интерпретировать теорию А. Эйнштейна, что получалось, будто, например, тело утрачивает свою протяженность, переходит в вечность.

О субъективно-идеалистической, махистской трактовке теории относительности наиболее полное представление давал сборник «Теория относительности Эйнштейна и ее философское истолкование», выпущенный в свет в 1923 г. П. С. Юшкевич пытался обосновать в этом сборнике «интимную», по его мнению, связь учения Эйнштейна и махизма. Хотя теория относительности и выросла на почве частных вопросов из области электродинамики, но еще более значительную роль в возникновении ее, считал Юшкевич, играли истины общефилософского, т. е. махистского, характера. Этим самым махизм, по мысли автора, завоевывает в глазах точного знания свое право на существование.

Философы-идеалисты, как видим, пытались дополнить своими мировоззренческими выводами открытия естествоиспытателей, дать пример философских интерпретаций гипотез науки. После выхода в свет книги В. И. Вернадского «Начало и вечность жизни» Э. Л. Радлов, например, в своей рецензии подчеркивал, будто вся история естествознания постепенно суживала понятие абиогенеза, заменяла его биогенезом и приводила к признанию вечности жизни; более того, он заявлял, что вопрос о происхождении жизни целесообразно разрешать не на почве точной науки, а философским (т. е. идеалистическим) умозрением[2].

Н. О. Лосский, опираясь на работы биолога-виталиста Г. Дриша, пытался опровергнуть материалистическое

---

[1] *Флоренский П.* Мнимости в геометрии (расширение области двухмерных образов геометрии). М., 1922, с. 48—49.

[2] См.: Мысль, 1922, № 3, с. 154—156.

(не механистическое, а в целом материалистическое) понимание жизни и неорганической природы. В его книге «Современный витализм» приводились примеры реституций (регенераций) организмов, факты из области эмбриологии, физиологии, психологии, которые якобы доказывали наличие в организмах нематериального фактора. Отмечая «величайшую трудность для витализма» — невозможность доказать непосредственную связь нематериального фактора (энтелехии) с материальным, Н. О. Лосский «показывал», как успехи биологии помогают витализму разрешить эту проблему, ссылаясь при этом на работы Э. Гартмана, на его «динамистическое учение» о материи, которое позволяло развить взгляд на природу и роль нематериального фактора в явлениях жизни в духе «органического учения» о всей природе. Выступая «за монизм материальной и душевной субстанции», Н. О. Лосский выдвигал учение об интуиции, которая-де позволяла общаться «сверхпространственным субстанциям». Он витализировал всю природу, в том числе и неорганическую, провозглашая «универсальный витализм» [1].

Публиковались также статьи, в которых философы-идеалисты довольно бесцеремонно «поправляли» сторонников естественнонаучного материализма в их мировоззренческих позициях, прямо толкая их к идеализму. В 1922 г., например, вышла в свет работа биолога С. П. Костычева «Натурфилософия и точные науки». В поисках подлинно научного мировоззрения он предлагал создать особую «теоретическую науку» в виде системы основных выводов теоретического естествознания. В рецензии на его труд И. Колубовский писал, что Костычев «пребывает, по-видимому, в полном неведении о существовании такой философии точного знания, каким, например, являются исследования Марбургской школы» [2].

Как видим, философы-идеалисты сосредоточили большое внимание на естествознании и на естествоиспытателях, на борьбе с материализмом в области теоретического естествознания. И нельзя сказать, чтобы их натиск на естествоиспытателей был совсем уж безрезультатным. Одним из тех, чьи мировоззренческие позиции в эти годы оказались неустойчивыми, был биолог Л. С. Берг, трактовавший некоторые мировоззренческие проблемы с оттенком агностицизма и идеализма. «Жизнь, воля, душа,

---

[1] См.: *Лосский Н.* Современный витализм. Пг., 1922, с. 9—43, 89.

[2] Мысль, 1922, № 3, с. 160.

абсолютная истина,— писал он,— все это вещи трансцендентные, познания сущности коих наука дать не в состоянии»[1]. В то же время сам он затрагивал «трансцендентные» проблемы. Опираясь на Э. Маха, К. Пирсона и других субъективных идеалистов и делая реверанс гносеологии А. В. Введенского и Н. О. Лосского, Л. С. Берг выдвигал следующие положения: «Каждое понятие есть условность; оно ни истинно и ни ложно»; «всякая теория есть условность, фикция»; «странно было бы в настоящее время видеть в причине нечто реально существующее. Причин нет, а есть функциональные зависимости» и т. п.[2]

Среди научной интеллигенции начала 20-х гг. известное распространение имели не только философско-идеалистические воззрения, но и религиозные. В газете «Правда», например, сообщалось, что летом 1921 г. церковный совет церкви, находящейся на территории Петровской (позднее Тимирязевской) сельскохозяйственной академии, «устроил шествие по полям с молебном о ниспослании дождя. И первую хоругвь нес новый профессор метеорологии Петровской Академии»[3]. В журнале «Под знаменем марксизма» приводился пример, когда профессора 1 МГУ участвовали в богослужении в церкви Св. Георгия в честь рождества.

Если учесть, что ведущие буржуазные идеологи провозглашали слияние философской, мировоззренческой ориентации с политической, т. е. слияние религии, идеализма с антисоветизмом, то создается картина довольно широкого внедрения антисоциалистических установок в сферу сознания интеллигенции.

Сдвиг вправо наблюдался, к примеру, в политической ориентации В. М. Бехтерева. В своей «Коллективной рефлексологии», изданной в 1921 г., он изложил не только результаты специально-научных исследований, но и политические воззрения. Заявив, что социология, чтобы быть наукой строго объективной, должна опираться главным образом на две науки — биологию и разрабатываемую им рефлексологию, Бехтерев продемонстрировал такое их приложение к социальным явлениям, которое привело его к выводам об определяемости социальных революций максимумом пятен на Солнце, о необходимости составить

---

[1] *Берг Л. С.* Теории эволюции. Пг., 1922, с. 118—119.

[2] *Берг Л. С.* Наука, ее содержание, смысл и классификация. Пг., 1922, с. 35, 41, 19.

[3] Правда, 1922, 9 декабря.

«политический гороскоп грядущих лет». Это привело его также к негативным оценкам самой социалистической революции. Он утверждал, что «взбаламученное море народных масс... устремилось за демагогами интернационалистического склада, и потому должно было одержать верх — и в действительности одержало его — общественное течение как против войны, так и против буржуазии и капитализма вообще». Большевизм, с его точки зрения, превратил революцию «из общенациональной в партийную революцию», но «со временем, однако, и большевизм начинает разочаровывать массы...» [1]. Такие заявления преподносились под видом «научно установленных» фактов, якобы вытекавших из «объективных» законов, в частности из закона зависимых отношений, являющегося, по В. М. Бехтереву, одним из основных законов природы.

Среди тех, кто идеологически воспрянул в первые годы нэпа, круто повернув от намечавшегося нейтрализма к политической реакционности, был П. А. Сорокин. Занявшись поиском причин социалистической революции, он увидел их в «материализме» жизни, выражавшемся, во-первых, в голоде, который обусловил появление и усиление «уравнительных рефлексов», а во-вторых, в инстинктах «стадности», в «разрушительных инстинктах» с их культом грубой силы, вызванных войной [2]. Сорокин стал предостерегать тех, кто разделял сменовеховские взгляды, от контактов с большевиками. По его мнению, сменовеховство — это идеология «госспецов» и «пестрой группы лиц, которая коммерчески питается от власти в форме различных подачек»; оно будет встречено коммунистами «враждебно» [3]. Студенчество призывалось им отказаться от материалистического мировоззрения, сыгравшего, по его словам, пагубную роль в идейной подготовке «смутного» революционного времени и перейти в лоно религии [4].

В начале 20-х гг. усилилась пропаганда идеализма (в том числе «естественнонаучного») в сочетании с антисоветизмом и со стороны эмигрантских кругов. Пример тому — выступление в «Русской мысли» биолога С. Ме-

---

[1] *Бехтерев В. М.* Коллективная рефлексология. Пг., 1921, с. 406.

[2] См.: *Сорокин П. А.* Влияние голода на социально-экономическую организацию общества.— Экономист, 1922, № 2.

[3] См.: *Сорокин П. А.* Начало великой ревизии.— Вестник литературы, 1921, № 12.

[4] См.: Утренники, 1922, кн. 1, с. 11.

тальникова, озаглавленное «Материализм и мировая катастрофа». Метальников пытался убедить общественность в несостоятельности материализма с точки зрения биолога, в существовании первичной сущности бытия — Разума и Творческой силы и в том, что мировая и гражданская войны и «большевизм» — все это будто бы результат того духовного «разложения», который принес материализм.

Смыкание философского и «естественнонаучного» идеализма с контрреволюцией грозило подорвать усилия Советского государства по консолидации всей научной интеллигенции вокруг решения жизненно важных для всего народа проблем подъема экономики и культуры в стране. Все более настоятельной становилась задача преодоления идеалистической философии.

Подход марксистов в рассматриваемый нами период к философам-идеалистам и естествоиспытателям, ориентировавшимся в мировоззренческих вопросах на идеализм, был диалектичным. С одной стороны, прослеживается линия на конкретно-историческую, дифференцированную оценку позиции каждого представителя такой ориентации; отсутствие огульного их зачисления в разряд контрреволюционеров. С другой стороны, проводилась бескомпромиссная борьба с идеализмом как с системой идей, выполняющих отрицательные функции в обществе и направленных на теоретическое обоснование возврата к старым буржуазным порядкам, препятствующих сплочению интеллигенции и негативно воздействующих на развитие науки.

В. И. Ленин подчеркивал, что партия пролетариата «есть свободный союз, учреждаемый *для борьбы* с «мыслями» (читай: с идеологией) буржуазии, для защиты и проведения в жизнь одного определенного, именно: марксистского миросозерцания» [1]. Буржуазная система идей могла и должна была преодолеться в России послеоктябрьского периода социалистической системой идей, как неразрывно связанных с истиной и справедливостью.

И вины Советской власти не было в том, что значительная часть философов-идеалистов и богословов потянулась к политической контрреволюционности. Этим они ставили себя за рамки системы идей, включались в систему контрреволюционных акций того времени.

Буквально за несколько дней до написания статьи

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 19, с. 314.

«О значении воинствующего материализма» (она была написана 12 марта 1922 г.), содержавшей обоснование широкой программы теоретической работы марксистов, В. И. Ленин передал управляющему делами Совнаркома Н. П. Горбунову сборник статей «Освальд Шпенглер и закат Европы», о котором речь шла выше, с сопроводительной запиской, в которой просил познакомить с этой книгой заместителя председателя ВЧК И. С. Уншлихта. В этой записке была также дана политическая оценка книге. «...Это похоже,— подчеркивал В. И. Ленин,— на «литературное прикрытие белогвардейской организации»» [1]. Указанная оценка применима ко всем выступлениям идеалистов того времени, однозначно связывавших свои идеи с пропагандой контрреволюционных установок. Она перекликается с той оценкой, которую В. И. Ленин в свое время дал кадетскому сборнику «Вехи», авторы которого — Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, М. О. Гершензон, А. С. Изгоев, Б. А. Кистяковский, П. Б. Струве и С. Л. Франк — утверждали, что в России революция бесперспективна, что необходимо ликвидировать революционные партийные организации и положиться на внутреннее совершенствование личности, для чего нужна религиозно-идеалистическая философия.

В. И. Ленин отмечал, что «Вехи» есть крупнейшие вехи на пути полнейшего разрыва русских кадетов и русского либерализма вообще с русским освободительным движением, со всеми его основными задачами, со всеми его коренными традициями. «Они порвали с самыми основными идеями демократии, с самыми элементарными демократическими тенденциями, но делают вид, что рвут только с «интеллигентщиной». Либеральная буржуазия решительно повернула от защиты прав народа к защите учреждений, направленных против народа» [2].

Борьба за социальный прогресс и материализм в послереволюционные годы проходила уже в совсем иных условиях, чем это было в 1909 г., когда реакционные силы поднимали на щит идеи сборника «Вехи». Но борьба предстояла упорная.

В 1921—1922 гг. еще не была полностью завершена гражданская война, на части территории страны творили произвол интервенты, активно действовали контрреволюционные центры, возникали мятежи, свирепствовал ан-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 54, с. 198.
[2] Там же, т. 19, с. 170.

тисоветский бандитизм и т. п.[1] В этих условиях всякие выступления с «теоретическим» обоснованием «негодности» Советской власти и «закономерности» ее краха заключали в себе призыв к усилению контрреволюционных действий, иначе говоря, своим следствием они могли иметь лишь еще большее число жертв. В России того времени слишком много было горючего материала, чтобы не считаться с реальной опасностью разжигания пожара кровопролитной борьбы.

Перед марксистами во всей своей практической значимости встал вопрос о немедленной организации широкого наступления на буржуазную идеологию.

2
ЛИНИЯ НАУЧНОГО МАТЕРИАЛИЗМА

Еще до перехода к новой экономической политике Коммунистическая партия предвидела опасность усиления буржуазного влияния в стране. Партия считала, что если в экономике на известный период и допустимо сосуществование противоположных укладов хозяйства, то в идеологической области мирного сосуществования быть не может. Предпринимались меры по укреплению позиций материалистического мировоззрения в стране, усилению его влияния на трудящиеся массы, в том числе на трудовую интеллигенцию. Уже в первые месяцы Советской власти закладывался фундамент для превращения диалектико-материалистической философии в ведущую философию нового общества.

Потребность в научно-теоретическом творчестве органически присуща марксистам: другое дело, в какой мере исторические условия предоставляли возможности для такого творчества. Обстановка была такова, что в 1918—1920 гг. не имелось возможности сколько-нибудь широко заняться разработкой всех сторон марксистской философии и создать необходимую теоретическую основу для идеологической борьбы к началу 20-х гг. Все силы, вся энергия партии были мобилизованы на применение и творческое развитие марксизма в социально-экономической области. Много внимания пришлось уделить борьбе с интервентами, белогвардейцами, с голодом, холодом, эпидемиями. Несмотря на то что партия и в то время разрабатывала теоретические вопросы строительства соци-

[1] См.: *Голинков Д. Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР. Кн. 1—2. М., 1986.

ализма, в том числе проблемы культурной революции, организации науки, отношения к буржуазным «спецам» и т. п., все же сил для собственно философской работы не хватало. Как тогда говорили, философии некогда было оглядываться на себя и на других. Разработка философии марксизма была ограничена строгими рамками исторической необходимости. По этим причинам, как указывал Агитационно-пропагандистский отдел ЦК РКП(б), в те годы работа по воспитанию членов партии носила «поверхностный характер» [1].

Эта оценка, по-видимому, может быть более точно понята, если вспомнить, как ставился тогда вопрос о пропаганде марксизма. Вот одно из живых исторических свидетельств — «Вестник пропаганды» Московского губкома РКП(б) за 1919 г. 24 сентября этого года здесь был опубликован проект Московского уездного комитета «Постановка пропагандистской работы», в котором отмечалось пробуждение интереса к вопросам коммунистического мировоззрения в стране, подчеркивалось большое значение марксистской теории, важность творческой разработки философии марксизма, необходимость формировать коммунистическое мышление людей. Редакция «Вестника пропаганды» сделала такое замечание по проекту: «В условиях самой ожесточенной, злейшей борьбы, какую мы переживаем, излишне особенно напирать на необходимость для пролетариата «целостного мировоззрения», «основ пролетарской философии» и т. д., ибо эти прекрасные вещи в данный момент способны отвлекать от борьбы, а не вооружать для нее... Нам сейчас некогда заниматься выработкой «целостного мировоззрения» и из неисчерпаемых сокровищ марксизма мы должны получать ровно такой научный паек, какой необходим для сегодняшней борьбы, не больше. Рабочий, благодаря недостатку продовольствия, получает от государства порцию хлеба не в том количестве, какое вообще потребно человеку, но столько, сколько ему нужно, чтобы он мог работать, не падая от истощения; так и с марксизмом: его нужно отпускать в том размере, какой необходим для того, чтобы каждый из нас мог представлять из себя боевую политическую силу, но не больше: дальше уже начинается академизм, знание — ради знания, отказ от практической работы под предлогом углубления миропонимания» [2]. В замечаниях

[1] См.: Известия ЦК РКП(б), 1922, № 1, с. 18.
[2] Вестник пропаганды, 1919, 24 сентября, № 3, с. 4.

редакции, как видим, проскальзывали нотки недооценки философии, но тем не менее речь не шла об отказе от философии марксизма вообще, а лишь о вынужденно ограниченном объеме изучения теории в специфических условиях классовой борьбы. Аналогичные утверждения можно было встретить и в других журналах.

Вместе с тем в стране с первых же месяцев после революции создавались непосредственные научно-организационные предпосылки для теоретической работы марксистов по широкому кругу философских проблем. Одним из таких мероприятий было создание в 1918 г. Социалистической академии общественных наук.

Инициаторами ее создания были М. Н. Покровский и М. А. Рейснер. Вопрос обсуждался в Государственной комиссии по просвещению, принявшей решение «приветствовать начинание Научного отдела об открытии Социалистической академии». В мае 1918 г. Совнарком РСФСР, рассматривавший проект, представленный Народным комиссариатом просвещения, принял предложение В. И. Ленина. В постановлении говорилось: «СНК, вполне одобряя и приветствуя идею, легшую в основе проекта учреждения Социалистической академии, поручает Комиссариату народного просвещения переработать этот проект на следующих основах:

1) — во главу угла поставить издательское общество марксистского направления;

2) — привлечь в особенно большом числе заграничные марксистские силы;

3) — одной из первоочередных задач поставить ряд социальных исследований;

4) — немедленно принять меры к выяснению, сбору и использованию русских преподавательских сил» [1]. ВЦИК РСФСР утвердил Положение о Социалистической академии. «Социалистическая академия общественных наук,— указывалось в Положении,— есть свободное сообщество лиц, имеющих целью изучение и преподавание как социальных знаний с точки зрения научного социализма и коммунизма, так и наук, которые соприкасаются с указанными знаниями» [2]. Ее целью должна была стать разработка вопросов коммунизма и научное исследование в области социальных наук, философии и наук естественных, поскольку последние соприкасаются с науками социаль-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 372.

[2] Организация науки в первые годы Советской власти (1917—1925), с. 212.

ными, а также подготовка ученых специалистов в области социальных знаний. В состав действительных членов академии были включены М. Н. Покровский, А. В. Луначарский, Н. К. Крупская, М. А. Рейснер, В. Д. Бонч-Бруевич, В. В. Адоратский, И. И. Скворцов-Степанов, К. А. Тимирязев, А. А. Богданов, В. М. Фриче и др., а также видные деятели международного коммунистического и рабочего движения К. Либкнехт, Р. Люксембург, Ф. Меринг, К. Цеткин, Ю. Ю. Мархлевский, О. Куусинен и др. Руководство Социалистической академией осуществлял президиум, во главе которого стоял член Совнаркома РСФСР М. Н. Покровский [1].

Однако развернуть сколько-нибудь широко исследовательскую работу до начала 20-х гг. Социалистической академии не удалось. Гражданская война потребовала привлечения многих теоретических работников к пропагандистской, воспитательной и организационной работе. Даже Вольный университет Академии, призванный противостоять идеализму в общественных науках и имевший до полутора тысяч слушателей, мог просуществовать только до весны 1919 г., так как большинство преподавателей и слушателей ушло на фронт. В течение следующего периода работы академии (до 1921 г.) в ее структуре возникает Философский кабинет (история философии, религии, науки, исторический материализм и социология). В январе 1921 г. на базе Кабинета истории, теории и практики марксизма был образован Институт К. Маркса и Ф. Энгельса (в 1922 г. он был выделен в самостоятельное научно-исследовательское учреждение), приступивший к подготовке издания собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, первые тома которого вышли в 1923 г. Этот институт подготавливал и «Библиотеку материализма», в которой планировались к изданию труды Фейербаха, Дидро, Гольбаха, Гоббса, Гассенди и других мыслителей прошлого.

Организация изданий марксистской литературы имела важное значение. В 1919 г. возникает Госиздат РСФСР. Его возглавляли В. В. Воровский (1919—1920), Н. Л. Мещеряков (1920—1921), О. Ю. Шмидт (1921—1924). Выпускались различного рода брошюры с изложением основных проблем марксизма. В 1919 г. была издана книга

[1] Подробно о создании Социалистической академии и ее деятельности в первые годы Советской власти см.: *Удальцов А.* Очерк истории Социалистической академии (1918—1922 гг.).— Вестник Социалистической академии, 1922, № 1.

Г. В. Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю»; продолжено издание полного собрания сочинений А. И. Герцена (под редакцией М. К. Лемке), вышли «Статьи о религии» П. Лафарга, работа Ф. Меринга «Об историческом материализме» и др. В 1920 г. Госиздатом была издана книга действительного члена Социалистической академии К. А. Тимирязева «Наука и демократия», представлявшая собой сборник статей ученого за 1904—1919 гг.

Госиздат неоднократно издавал произведения К. Маркса и Ф. Энгельса: «Манифест Коммунистической партии», «Капитал», «Классовая борьба во Франции», «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», «Развитие социализма от утопии к науке» и др.

Было организовано издание трудов В. И. Ленина (до этого они выходили в издательствах «Жизнь и знание», «Коммунист» и др.). В 1920 г. вышло в свет произведение В. И. Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», было выпущено второе издание книги «Материализм и эмпириокритицизм». Эти книги, как и другие произведения В. И. Ленина, сыграли большую роль в укреплении позиций материализма в среде научной интеллигенции и содействовали идейному сближению старых кадров ученых-естественников с марксистами. С 1920 г. Госиздат приступил к подготовке первого собрания сочинений В. И. Ленина. К сентябрю 1920 г. отделения Госиздата имелись в 30 городах, а к концу 1922 г. их было уже 60.

Окончание гражданской войны позволило партии больше внимания уделять теоретической работе.

XI съезд РКП(б), проходивший весной 1922 г., констатировал стремление буржуазии посредством литературы повлиять на трудящиеся массы и указал на необходимость противопоставить этим влияниям энергичную идеологическую работу. В резолюции «О печати и пропаганде» съезд обратил внимание ЦК и партийных комитетов, в первую очередь областных центров, на необходимость наладить массовое издание боевой агитационно-пропагандистской марксистской литературы.

XII Всероссийская конференция РКП(б), состоявшаяся в августе 1922 г., приняла постановление «Об антисоветских партиях и течениях», подводившее итоги первому году существования Советской власти в условиях нэпа и наметившее задачи усиления идеологической работы; было принято решение «поднять работу научно-

коммунистической мысли, дабы иметь возможность организованно вести линию «воинствующего материализма» и всей идеологии революционного марксизма (оживление работы Социалистической академии, научных кафедр коммунистических университетов, работа по завоеванию ученых органов при советских университетах и т. п.)» [1].

Решения XI съезда и XII Всероссийской конференции РКП(б) явились продолжением и развитием линии воинствующего материализма, они сыграли важную роль в организации борьбы с буржуазной идеологией в начале нэпа.

Борьба с идеализмом заметно усилилась уже в 1920—1921 гг. Она развертывалась в теоретическом органе партии — журнале «Коммунистическая революция», в литературно-художественном и научно-публицистическом журнале «Красная новь», в журнале критики и библиографии «Печать и Революция», в газетах «Правда», «Известия», в ряде других периодических изданий. Необходимость борьбы с идеализмом, как отмечал И. К. Луппол, вызвала организацию философского отделения Института красной профессуры (1921) и способствовала появлению первого по преимуществу философского журнала «Под знаменем марксизма» [2].

Сплачивая теоретические силы марксистов, журнал стал важным орудием борьбы с идеологической реакцией, идейным, а в некотором смысле и организационным центром единого марксистского фронта борьбы с мистикой и идеализмом.

В 1922 г. вышел первый номер «Вестника Социалистической академии». Наряду с Социалистической академией, широко развернувшей научно-исследовательскую работу в области марксистской теории и критику идеалистической философии, важным центром борьбы с идеализмом стал Институт философии (директор Института с апреля 1923 г.— В. И. Невский, с октября 1924 г.— А. М. Деборин), приступивший к подготовке сборника «Критика идеализма», философского словаря, хрестоматии по философии материализма и др. изданий.

Еще в 1919 г. в Москве был организован Коммунистический университет им. Я. М. Свердлова. Его целью была подготовка преподавателей марксистской философии,

---

[1] КПСС в резолюциях..., т. 2, с. 592.

[2] *Луппол И. К.* Философия в СССР за 10 лет.— Общественные науки СССР. 1917—1927. М., 1928, с. 8.

политэкономии и истории для губернских партийных школ; на кафедрах этого университета объединялись кадры марксистов, активно включавшиеся в критику идеалистической философии. В конце 1921 г. Коммунистический университет открывается в Петрограде. При нем основывается (в середине 1922 г.) Коммунистический научно-исследовательский институт. С осени 1921 г. начала свою работу Харьковская кафедра марксизма и марксоведения, деятельность которой была связана с 1922 г. с работой Коммунистического университета им. Артема. В Туркестане в июне 1922 г. при Рабоче-дехканском Коммунистическом университете была создана Научная ассоциация, одной из задач которой являлась разработка вопросов философии.

В течение 1921—1923 гг. создается ряд других марксистских организаций, ставивших целью разработку проблем марксизма и критику идеализма (научно-исследовательская кафедра марксизма при Одесском университете, Кабинет К. Маркса при Томском рабфаке, Кабинет по изучению марксизма в Казани и т. п.).

Одним из первых обществ, объединявших марксистов и естественников-материалистов, было петроградское Научное общество марксистов. Оно возникло в конце 1919 г., однако вплоть до весны 1921 г. находилось как бы в инкубационном подготовительном периоде; с марта 1921 г. начинается его активная теоретическая деятельность, основными формами которой являлись публичные доклады и дискуссии. Его актив в 1923 г. достиг почти 1000 человек. В уставе общества ставилась цель — разработка идей марксизма и распространение марксистского мировоззрения.

В марте 1922 г. создается Научное товарищество марксистов Белоруссии, которое рассматривало свою деятельность как часть общемарксистской теоретической борьбы, базирующейся на принципах диалектического материализма.

В середине 1924 г. возникает Общество воинствующих материалистов, выпускавшее сборники «Воинствующий материалист» (в 1924—1925 гг. вышло пять сборников этого общества).

В начале 20-х гг. изменяется положение с общественными науками и в высшей школе. Переход на преподавательскую работу В. В. Адоратского, С. Я. Вольфсона, В. П. Волгина, С. Ю. Семковского, М. В. Серебрякова, В. А. Быстрянского, И. К. Луппола, Э. Э. Эссена и дру-

гих марксистов сказался на характере преподавания, положил начало подготовке новых по своему содержанию лекционных курсов. Все это не только оказывало воздействие на подготовку будущих отрядов научной и технической интеллигенции, но и вело к усилению марксистско-материалистического влияния на весь преподавательский состав, в том числе на ученых-естествоиспытателей, работавших там.

В 1923 г. при Центральном Комитете партии основывается Институт В. И. Ленина. Ставилась задача ускорения издания и переиздания ленинских работ, справочной литературы, хрестоматий и программ по ленинизму. В 1924 г. создается журнал «Большевик» — орган ЦК РКП(б).

Перечисленные учреждения (Институт К. Маркса и Ф. Энгельса, Институт В. И. Ленина, Социалистическая академия, Институт философии, комуниверситеты и т. д.), издательства (Госиздат, «Красная новь», «Материалист» и др.), журналы («Коммунистическая революция», «Под знаменем марксизма», «Большевик» и др.), научные общества (Научное общество марксистов в Петрограде, Общество воинствующих материалистов в Москве и др.) составляли в рассматриваемый период целостную организационную структуру, посредством которой можно было вести эффективную критику религиозной и идеалистической философии, разрабатывать проблемы марксизма и пропагандировать идеи социализма и материализма среди широких слоев населения, в том числе среди научной интеллигенции.

Линия воинствующего материализма осуществлялась каждодневно Центральным Комитетом партии в лице его Агитационно-пропагандистского отдела. В газете «Правда» в июле 1922 г. публикуется большая статья заведующего отделом А. С. Бубнова «Возрождение буржуазной идеологии». В ней раскрывалась связь идеалистических и религиозных взглядов, распространявшихся в начале нэпа, с политической реакционностью. А. С. Бубнов показал реставраторскую сущность сменовеховских концепций, пропагандировавшихся журналами «Экономист» и «Накануне».

В. И. Невский выступил в 1922 г. в журнале «Под знаменем марксизма» со статьями «Нострадамусы XX века» (№ 4), «Реставрация идеализма и борьба с «новой» буржуазией» (№ 7—8). Он писал: «...нет ни одного уголка в области науки и литературы, где бы буржуазия по

тому или другому поводу не старалась протащить свои метафизические идеи и построить свой буржуазный мир идеализма на совершенно контрреволюционных координатах»[1]. Это положение обосновывалось анализом ряда изданий тех лет, в первую очередь петроградского журнала «Мысль» и московского ежегодника «Мысль и слово». Статьи Л. П. Карсавина, Н. О. Лосского, Г. Г. Шпета, С. Аскольдова и других идеалистов, как показал В. И. Невский, тянули назад не только к дореволюционным временам, но и, если брать собственно мировоззренческую сферу, в средние века; социальные корни такого рода выступлений лежат в политическом кризисе капитализма, в том колоссальном потрясении, который переживает буржуазный мир.

В 1922 г. предметом критического анализа журнала «Под знаменем марксизма» были: сборник «Освальд Шпенглер и закат Европы», книга С. Л. Франка «Очерк методологии общественных наук», книга Л. П. Карсавина «Введение в историю», выступление А. И. Введенского «Судьба веры в бога в борьбе с атеизмом», книга С. Л. Франка «Введение в философию в сжатом изложении», книга П. А. Флоренского «Мнимости в геометрии» и др. Этот критический разбор помогал читателям, в том числе специалистам-естественникам, не являвшимся марксистами, выяснить подлинный смысл выступлений буржуазных идеологов, зачастую выдававших себя за «объективных» и «беспартийных» авторов.

Позиции научного материализма подкреплялись в рассматриваемый период изданием произведений классиков материалистической философии. Были выпущены сочинения П. Гольбаха («Карманный богословский словарь», «Здравый смысл», «Разоблаченное христианство», «Система природы»), «Избранные сочинения» Ламеттри и др. материалистов. В 1923 г. вышла из печати «Хрестоматия по французскому материализму XVIII века» (выпуск первый). Издаются основные философские работы Л. Фейербаха. «Долг перед старыми материалистами,— писал И. К. Луппол,— заключался, конечно, не только в том, чтобы издать их сочинения в переводе, но и в том, чтобы дать анализ и критику их взглядов в работах монографического характера»[2]. Изучение истории материа-

---

[1] *Невский В.* Реставрация идеализма и борьба с «новой» буржуазией.— Под знаменем марксизма, 1922, № 7—8, с. 130.

[2] *Луппол И. К.* Философия в СССР за 10 лет.— Общественные науки СССР. 1917—1927, с. 10.

листической мысли было необходимо как для борьбы с идеалистической и религиозно-мистической философией, так и для творческой разработки проблем диалектико-материалистической философии.

Широкое развертывание исследований в области марксизма в условиях острой нехватки теоретических сил было невероятно трудным делом. И все же с этой задачей удалось справиться. Уже в 1924 г. в СССР было издано около 600 научных исследований по марксизму.

Реализация ленинской линии воинствующего материализма нашла свое выражение не только в критике марксистами книг и статей религиозного и философско-идеалистического характера, но также в критическом анализе идеалистических положений, содержавшихся в трудах естествоиспытателей, не занимавших четкой материалистической позиции.

Одной из таких работ была книга Л. С. Берга «Наука, ее содержание, смысл и классификация» (1922 г.), существенный недостаток которой усматривался марксистами в недооценке связи науки с практикой, с производством, а также в мировоззренческо-методологическом релятивизме. Как отмечал журнал «Под знаменем марксизма», Л. С. Берг абсолютизировал момент относительности научных знаний, считая, что наука состоит только из относительных, постоянно меняющихся истин, в которых нет абсолютной (т. е. объективной) истины. В противоположность этому показывалось наличие абсолютной истины в относительных истинах. Журнал вскрывал тенденцию развития взглядов Л. С. Берга к агностицизму, к кантовской «вещи в себе» [1].

В статье «Политический гороскоп ученого академика» В. И. Невский сделал предметом своего критического анализа книгу В. М. Бехтерева «Коллективная рефлексология», его биологизаторские трактовки социальных явлений, стремление поставить в прямую связь революции (и возврат к прежнему строю) с повышением или уменьшением солнечной активности.

Резкой и справедливой была критика выступления С. Метальникова «Материализм и мировая катастрофа». Было показано субъективистское толкование им истории науки, преувеличение значения витализма, извращение сути материализма, стремление связать науку с религией,

---

[1] См.: Под знаменем марксизма, 1922, № 5—6, с. 138.

несостоятельность его реакционных политических утверждений [1].

В 1922—1924 гг. публиковались работы марксистов и естественнонаучных материалистов с анализом теории относительности А. Эйнштейна, защищавших и доказывавших ее материалистическое основание. Этой же цели служил и выпуск труда самого А. Эйнштейна «О специальной и общей теории относительности» в переводе С. И. Вавилова. В журнале «Под знаменем марксизма» (1924, № 4, 5) содержалась критика А. Бергсона в связи с его книгой «Длительность и одновременность». Хотя автор этой критики — И. Орлов — занимал среди материалистов особую позицию в оценке открытия А. Эйнштейна, тем не менее это не мешало ему выявить ряд слабых моментов в позиции французского философа. Бергсон и Эйнштейн, делал вывод И. Орлов, несовместимы между собой.

Позиции материализма в биологии укреплялись выступлениями самих естествоиспытателей, усиливших свою активность в этом плане в связи с поддержкой со стороны марксистских журналов. Среди них были И. П. Павлов, П. Ю. Шмидт, А. Н. Бах, М. А. Мензбир, С. П. Костычев и др. В теоретическом противоборстве с витализмом и антидарвинизмом в одном ряду с работами философов-материалистов находились труды К. А. Тимирязева.

В статье «Философия Бергсона и естествознание» биохимик А. Н. Бах вскрывал неправомерность обоснования учения французского философа о «творческой эволюции» естественнонаучными фактами и раскрывал теоретическую несостоятельность всего бергсонианства, связанного с витализмом [2]. С. П. Костычев в книге «Натурфилософия и точные науки» критиковал энергетизм В. Оствальда и субъективный идеализм Э. Маха. «Что было бы,— спрашивал он,— если бы Маха принимали совершенно всерьез, если бы он получил главенство над умами, и ученые строили бы свое мировоззрение по принципам «Анализа ощущений»? Ответ ясен: *был бы ущерб для науки*» [3].

Мы видим, как стратегия воинствующего материализма, разработанная В. И. Лениным, успешно проводилась

---

[1] См.: Под знаменем марксизма, 1922, № 4.

[2] См.: *Бах А. Н.* Философия Бергсона и естествознание.— Пролетарское студенчество, 1923, № 1, 2.

[3] *Костычев С. П.* Натурфилософия и точные науки. Пг. 1922, с. 35.

в жизнь усилиями марксистов и естественнонаучных материалистов.

В статье «О значении воинствующего материализма» сам В. И. Ленин дал образец партийного и вместе с тем глубоко научного анализа выступлений буржуазных идеологов на примере детального, всестороннего рассмотрения статьи П. Сорокина «О влиянии войны», опубликованной в первом номере журнала «Экономист» за 1922 г. Его вывод был четким: «...автор искажает правду в угоду реакции и буржуазии» [1]. Именно этот принцип — единство коммунистической партийности и научности — и был главным принципом, которым руководствовались марксисты-ленинцы в своем критическом анализе идеалистической философии.

Обстановка тех лет, о чем уже говорилось, требовала бескомпромиссной борьбы с идеализмом. Марксистскому журналу, как указывал В. И. Ленин, имея в виду журнал «Под знаменем марксизма», необходимо вести борьбу против современных «образованных» крепостников типа П. Сорокина. «Вероятно, не малая их часть,— замечал он,— получает у нас даже государственные деньги и состоит на государственной службе для просвещения юношества, хотя для этой цели они годятся не больше, чем заведомые растлители годились бы для роли надзирателей в учебных заведениях для младшего возраста» [2]. И далее В. И. Ленин писал: «Рабочий класс в России сумел завоевать власть, но пользоваться ею еще не научился, ибо, в противном случае, он бы подобных преподавателей и членов ученых обществ давно бы вежливенько препроводил в страны буржуазной «демократии». Там подобным крепостникам самое настоящее место. Научится, была бы охота учиться» [3].

Раскрытие в глазах основной части научной интеллигенции и трудящихся страны связи философского идеализма с контрреволюцией, показ теоретического банкротства буржуазных идеологов, их враждебности науке и т. д. в значительной степени дискредитировали и изолировали идеалистов-философов и теологов. Встал вопрос о применении мер организационного порядка к тем из них, кто продолжал заниматься контрреволюционной пропагандой.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 33.
[2] Там же.
[3] Там же.

В письме к Г. И. Мясникову в августе 1921 г. В. И. Ленин разъяснял, что Советская власть не может допустить, как предлагал тот, свободу печати от монархистов до анархистов включительно: «Свобода печати в РСФСР, окруженной буржуазными врагами всего мира, есть свобода *политической организации* буржуазии и ее вернейших слуг, меньшевиков и эсеров. Это факт неопровержимый. Буржуазия (во всем мире) еще сильнее нас и во много раз. Дать ей *еще* такое оружие, как свобода политической организации (=свободу печати, ибо печать есть центр и основа политической организации), значит облегчать дело врагу, помогать классовому врагу. Мы самоубийством кончать не желаем и потому этого не сделаем... «Они» богаче нас и купят «силу» вдесятеро большую против нашей наличной силы. Нет. Мы этого не сделаем, мы всемирной буржуазии помогать не будем»[1].

Идеализм оказался несовместимым со всем строем жизни нового государства. Близкая связь большинства идеалистов и теологов с контрреволюцией и их претензии на «идеологический» нэп вынудили Советскую власть вплотную заняться их деятельностью.

В феврале 1922 г. В. И. Ленин запрашивает, на основании каких законов и правил зарегистрированы в Москве частные издательства, каков состав администрации и редакции каждого издательства, какова их гражданская ответственность, а равно ответственность перед судами вообще и т. д. Одновременно ЦК партии и Советское правительство начали подготовку к высылке из страны ряда буржуазных идеологов. В письме к Ф. Э. Дзержинскому от 19 мая 1922 г. В. И. Ленин писал: «К вопросу о высылке за границу писателей и профессоров, помогающих контрреволюции. Надо это подготовить тщательнее. Без подготовки мы наглупим. Прошу обсудить такие меры подготовки... Обязать членов Политбюро уделять 2—3 часа в неделю на просмотр ряда изданий и книг, *проверяя* исполнение, *требуя письменных отзывов* и добиваясь присылки в Москву без проволочки всех некоммунистических изданий. Добавить отзывы ряда литераторов-коммунистов... Собрать *систематические* сведения о политическом стаже, работе и литературной деятельности профессоров и писателей. Поручить все это толковому, образованному и аккуратному человеку в ГПУ»[2]. Далее он сообщал свои отзывы о журналах «Но-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 79.
[2] Там же, т. 54, с. 265.

вая Россия» и «Экономист». Касаясь второго журнала, В. И. Ленин отмечал: «Это, по-моему, явный центр белогвардейцев. В № 3 (*только* третьем!!! это nota bene!) напечатан на обложке список сотрудников. Это, я думаю, *почти все* — законнейшие кандидаты на высылку за границу. Все это явные контрреволюционеры, пособники Антанты, организация ее слуг и шпионов и растлителей учащейся молодежи. Надо поставить дело так, чтобы этих «военных шпионов» изловить и излавливать постоянно и систематически и высылать за границу» [1]. В августе подготовка к окончательному решению вопроса была завершена.

XII Всероссийская конференция РКП(б) обсудила среди других и вопрос «Об антисоветских партиях и течениях». Указав на изменение в условиях нэпа тактики антисоветских партий и течений, конференция дала классовую оценку сменовеховству как идеологии новой, нэпмановской буржуазии и мобилизовала партию на усиление борьбы с буржуазными и мелкобуржуазными партиями и течениями [2]. В резолюции отмечалось, что первый год существования Советской власти в условиях новой экономической политики, совпавший с усилением международной капиталистической реакции, с предъявлением Советскому государству грубо реставраторских требований от капиталистов и правительств Антанты (Генуя, Гаага), «подтолкнул на усиленную контрреволюционную работу не только меньшевиков и эсеров, но и политиканскую верхушку мнимо-беспартийной буржуазной интеллигенции» [3]. Конференция наметила ряд мер по усилению идеологической работы. «Вместе с тем,— как указывалось в ее резолюции,— нельзя отказаться и от применения репрессий не только по отношению к эсерам и меньшевикам, но и по отношению к политиканствующим верхушкам мнимо-беспартийной, буржуазно-демократической интеллигенции, которая в своих контрреволюционных целях злоупотребляет коренными интересами целых корпораций и для которых подлинные интересы науки, техники, педагогики, кооперации и т. д. являются только пустым словом, политическим прикрытием. Репрессии... диктуются революционной целесообразностью, когда дело идет о подавлении тех отживающих групп, которые пытаются

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 54, с. 266.
[2] См.: КПСС в резолюциях..., т. 2, с. 587—593.
[3] Там же, т. 2, с. 588.

захватить старые, отвоеванные у них пролетариатом, позиции. Однако партийные организации не должны переоценивать роли репрессий и должны твердо памятовать, что только в сочетании со всеми остальными вышеуказанными мерами репрессии будут достигать цели» [1].

За границу высылаются контрреволюционно настроеные «теоретики» — Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, Н. О. Лосский, С. Н. Булгаков, И. А. Ильин, Л. П. Карсавин, П. А. Сорокин, И. И. Лапшин, А. А. Кизеветтер и др., всего 161 человек. Как отмечала газета «Правда» 31 августа 1922 г., высылаемые из России «пытались при Советской власти искать «легальных» возможностей для того, чтобы длительно и упорно продолжать ту самую работу, которая кончилась неудачей в открытой борьбе контрреволюции с Советской властью». Обращалось внимание на то, что Советская власть обнаружила слишком много терпения по отношению к ним, полагая, что они поймут бессмысленность своих надежд на возвращение капитализма.

Эта мера не затронула плодотворно работавших крупных естествоиспытателей, по отношению к которым органы Советской власти занимали иную позицию. «Если профессор Кизеветтер,— говорил А. С. Бубнов,— своими реакционными лекциями приносит вред, то мы его выпроваживаем за границу. Но если известный физиолог Павлов в своем вступительном к лекции слове ругает коммунистов, мы его гнать не можем, ибо наряду с этим он делает огромную работу, чрезвычайно полезную и для нас. Нужно сделать так, чтобы Павлов делал нужное и полезное своему государству, а отрицательные черты надо различными способами отсечь» [2]. В. М. Бехтерев, Л. С. Берг и другие естествоиспытатели, выступавшие с идеалистических позиций, а иногда и делавшие политически реакционные выводы, также не ставились в один ряд с такими «учеными», как А. А. Кизеветтер и др.

По этой же причине не была выслана за границу и часть философов-идеалистов. Продолжал работать в стране Г. Г. Шпет, являвшийся в 1924—1929 гг. вице-президентом Российской академии художественных наук (затем ГАХН). В 1927 г. была издана его книга «Введение в этническую психологию». В написанной в том же году

---

[1] КПСС в резолюциях..., т. 2, с. 593.

[2] Третий Всероссийский съезд политпросветов РСФСР. Бюллетень № 1. М., 1922, с. 16.

работе «Внутренняя форма слова» он показал философию языка как основу философии культуры, предвосхитив многие идеи позднейшей герменевтики как учения об истолковании [1]. Продолжал свою научную деятельность в стране и философ-идеалист, психолог и логик Г. И. Челпанов, бывший товарищ председателя Московского психологического общества, основатель и директор (до ноября 1923 г.) Психологического института. Им были изданы работы «Объективная психология в России и Америке» (1925), «Психология или рефлексология. Спорные вопросы психологии» (1926); неоднократно переиздавался его учебник по логике (последнее издание вышло в 1946 г.) [2]. Плодотворной была в 20-х гг. деятельность П. А. Флоренского в области физики и техники (им был сделан ряд открытий и изобретений). В 1924 г. он выпустил фундаментальный научный труд «Диэлектрики и их техническое применение». До 1927 г. Флоренский читал лекции по теории перспективы во ВХУТЕМАСе; с 1927 г. редактировал «Техническую энциклопедию», являясь одновременно и автором многих ее статей [3].

Эти факты свидетельствуют, во-первых, о том, что утверждения буржуазных «советологов», будто в 1922 г. была осуществлена «полная», «тотальная» высылка «русских философов», либо основаны на незнании фактов, либо, что скорее всего, на их игнорировании, замалчивании, т. е. на извращении исторической действительности. Во-вторых, они показывают, что в те годы при решении вопроса о характере применения мер воздействия к идеалистам органы Советской власти, взвесив все «за» и «против», проявляли большую осмотрительность и подходили к каждому ученому сугубо индивидуально. В данном случае в практической деятельности коммунистов воплощалось то положение В. И. Ленина, которое было сформулировано им в рамках общетеоретического анализа соотношения философии и политики и существо которого заключалось в указании на возможность неоднозначной связи идеализма с политической реакционностью. Важно, что высылались из России не философы-идеалисты, как таковые (среди высланных были и пред-

---

[1] См.: Философский энциклопедический словарь. М., 1983, с. 784.

[2] О его научной деятельности и философской позиции в 20-е гг. см.: *Петровский А. В.* История советской психологии. М., 1967.

[3] См.: Философская энциклопедия. М., 1970, т. 5, с. 377.

ставители других наук), и не из-за неспособности марксистов теоретически одолеть идеализм, как заявляют «советологи»,— теоретическая борьба в начале нэпа уже решительно склонила чашу весов в пользу материализма. Суровые меры организационного порядка были применены только к активным пропагандистам контрреволюции независимо от их научной специальности.

Продемонстрированная Советской властью сила и решительность в пресечении контрреволюционной пропаганды отрезвляюще действовала на часть политически неустойчивой интеллигенции. Эти акции давали понять, насколько серьезно новое государство оценивает политические заявления, насколько они могут быть действительно опасными, что заставляло более вдумчиво относиться к политике, к своей политической позиции, вело к повышению чувства социальной ответственности и дисциплинировало (в широком смысле слова) мышление специалистов науки старой школы.

Укрепление позиций диалектического материализма в стране, превращение его в господствующее мировоззрение в сфере общественного сознания было одним из важнейших факторов, позитивно влиявших на политическую позицию ученых-некоммунистов в рассматриваемый период.

Глава V

ПРИОБЩЕНИЕ К ФИЛОСОФСКОМУ МИРОВОЗЗРЕНИЮ

1 ЛЕНИНСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ СОЮЗА ФИЛОСОФИИ И ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ

К началу 20-х гг. наряду с проблемой политической переориентации специалистов науки и техники все больше стала выдвигаться тесно связанная с нею проблема привлечения ученых к борьбе с религиозным и идеалистическим мировоззрением и оказания им помощи в приобщении к новому для них марксистскому философскому мировоззрению.

Однако некоторые деятели партии не осознавали необходимость такой стратегии и по-прежнему вели линию на разрыв с буржуазной научной интеллигенцией (как и вообще со всей «старой» интеллигенцией). Разрабатываемая в эти годы В. И. Лениным концепция социалистического строительства столкнулась с противоборством, оказываемым ей прежде всего Л. Д. Троцким и его сторонниками.

Дискуссия о профсоюзах обнажила левацкую установку Л. Д. Троцкого в отношении методов, которыми предлагалось решать проблемы развития экономики (они же предлагались и в отношении культуры). Это были методы администрирования, командования, принуждения. Дискуссия имела, таким образом, более широкое общественное значение, чем только вопросы организации работы профсоюзов и их отношения к государству.

Л. Д. Троцкий иногда не прочь был заявить о привлечении ученых (да и художественной интеллигенции) к сотрудничеству с Советской властью, признать возможность их духовной перестройки. Однако в целом лейтмотив его выступлений был иным. В предисловии к своей книге «Литература и революция» (1923) он писал, что статьи второй ее части захватывают период «эгоистиче-

ского перерождения», «индивидуализирования», «обуржуазивания интеллигенции»; из лаборатории межреволюционной эпохи она якобы вышла «эгоистически-саботажной», «безыдейно-ненавистнической», «контрреволюционной». Ее представители — это «островитяне», «пленники революции», «попутчики» (вопрос лишь в том, до какой станции попутчики?). По его мнению, у интеллигенции теперь «грубо выпирают наружу» элементы содержанства и она не способна изменить свое мировоззрение.

Такая позиция объясняет, почему Л. Д. Троцкий в первом номере журнала «Под знаменем марксизма» выдвигал перед философами только одну задачу — «дать пролетарской молодежи материалистическое воспитание». Он не верил в возможность установления союза с некоммунистами, с естественнонаучными материалистами; фактически он не верил в силу марксистской теории, в ее способность овладеть сознанием интеллигенции старой школы.

Редколлегия этого журнала сначала не разобралась в ограниченности программы, предложенной ей Л. Д. Троцким. В редакционной статье того же номера говорилось: «Не все объединившиеся вокруг нашего журнала коммунисты, нас объединяет общность философского мировоззрения: мы все — последовательные материалисты» [1]. Эта формулировка содержала в себе левацко-сектантскую установку, отделявшую марксистов от естествоиспытателей, не являвшихся сторонниками диалектического материализма.

Узость задач, первоначально выдвинутых журналом «Под знаменем марксизма», ограниченность его направления, очерченная Л. Д. Троцким, в неявном виде связанная с неправильным отношением к специалистам науки,— все это было одной из причин, побудивших В. И. Ленина написать для этого журнала статью «О значении воинствующего материализма».

Статья В. И. Ленина представляет собой целостную программу деятельности философов-марксистов в условиях строительства нового общества; в ней подчеркивается важность науки для социального прогресса и необходимость создания союза марксистской философии и естествознания. Масштабность выдвинутых и обоснованных В. И. Лениным задач выводит эту статью за рамки

---

[1] Под знаменем марксизма, 1922, № 1—2, с. 3.

текущих событий и ставит ее в один ряд с фундаментальным трудом «Материализм и эмпириокритицизм» и с Программой партии (1919), с установкой на достижение органического единства науки и социализма.

Сама концепция союза философии и естествознания имеет глубокие теоретические основания.

С одной стороны, она возникала из анализа причин кризиса естествознания при капитализме и определения путей его преодоления. Продолжая основные положения труда «Материализм и эмпириокритицизм», В. И. Ленин развил мысль об изменении философских, точнее, мировоззренческих оснований естествознания. Он писал: «Современные естествоиспытатели найдут (если сумеют искать и если мы научимся помогать им) в материалистически истолкованной диалектике Гегеля ряд ответов на те философские вопросы, которые ставятся революцией в естествознании... Без этого крупные естествоиспытатели так же часто, как до сих пор, будут беспомощны в своих философских выводах и обобщениях. Ибо естествознание прогрессирует так быстро, переживает период такой глубокой революционной ломки во всех областях, что без философских выводов естествознанию не обойтись ни в коем случае»[1]. Научная революция требует для себя адекватного философского основания — диалектико-материалистической методологии.

С другой стороны, концепция союза марксистской философии и естествознания формировалась в первые послеоктябрьские годы на основе анализа роли науки в социалистическом строительстве. В этом плане данная концепция была прямым продолжением идеи союза науки и демократии, а сам союз философии и естествознания должен был явиться, как уже отмечалось, одним из важнейших факторов политической переориентации научных кадров старой формации.

Ленинская концепция союза марксистской философии и естествознания охватывала различные его аспекты. Прежде всего имелся в виду аспект «союз науки и рабочих», союз коммунистов с некоммунистами, без которого «ни о каком успешном коммунистическом строительстве не может быть и речи»[2]. Речь шла как о приближающихся к идеям коммунизма, так и о политически нейтральных ученых, не разделяющих пока идеалов комму-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 31.
[2] Там же, с. 23.

низма, но способных участвовать в строительстве нового общества.

Союз философии и естествознания нацеливал также на устранение из естествознания, как и из духовной сферы вообще, превратного, идеалистического мировоззрения, на консолидацию ученых и философов на базе материализма, на содействие в перестройке мышления естествоиспытателей в направлении последовательно-материалистического мировоззрения.

В. И. Ленин писал: «Кроме союза с последовательными материалистами, которые не принадлежат к партии коммунистов, не менее, если не более важен для той работы, которую воинствующий материализм должен проделать, союз с представителями современного естествознания, которые склоняются к материализму и не боятся отстаивать и проповедовать его против господствующих в так называемом «образованном обществе» модных философских шатаний в сторону идеализма и скептицизма» [1]. Только единый фронт материалистов-естествоиспытателей и философов-марксистов способен был противостоять буржуазно-идеалистическим интерпретациям естественнонаучных данных, преодолеть идеалистическую тенденцию.

Третью группу ученых, с которыми В. И. Ленин рекомендовал устанавливать союз, составляют представители «прогрессивной части буржуазии» и «современной научной критики религии». В статье «О значении воинствующего материализма» В. И. Ленин называет таких ученых, как А. Древс и Р. Ю. Виппер. А. Древс, например, опровергал религиозные предрассудки, но высказывался в конце концов за религию, помогал «эксплуататорам заменять старые и прогнившие религиозные предрассудки новенькими...» [2]. Отсюда необходимость разоблачения их реакционности и вместе с тем использования, во-первых, некоторых их аргументов против других философско-идеалистических концепций, во-вторых, частнонаучного содержания их специальных работ, где они, достигая известных положительных результатов, вынуждены привлекать установки материалистической гносеологии [3].

Критический анализ антинаучных философских направлений — идеализма и агностицизма — призван очи-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 29.
[2] Там же, с. 27.
[3] См. там же, с. 28.

стить науку от субъективистских философских концепций, помочь естествоиспытателям-немарксистам в их движении к научной философии.

В. И. Ленин учил исторически-конкретно подходить не только к каждой группе естествоиспытателей, но и к каждому ученому, видеть тенденцию их философского развития и способствовать росту прогрессивной тенденции. Он писал, что естественник должен быть современным, т. е. диалектическим материалистом [1].

Умение пользоваться материалистической диалектикой в науке, умение творчески развивать ее определяется теми результатами, к которым приходит ученый. Так же как и применение диалектики в политике и экономике, овладение подлинно научным методом в естествознании означает овладение искусством достигать наибольших результатов с наименьшей затратой сил. Важное значение этой стороны для процесса проникновения материалистической диалектики в естествознание отмечали сами естествоиспытатели. Физиолог А. Ф. Самойлов, например, говорил: «Те марксисты, которые воодушевлены верою в силу диалектического метода в познании природы, если они при этом специалисты-естественники в какой-нибудь определенной области естествознания, должны на деле доказать, что они, применяя диалектическое мышление, диалектический метод, в состоянии пойти дальше, скорее, с меньшей затратой труда, чем те, которые идут иным путем. Если они это докажут, то этим без всякой борьбы, без излишней бесплодной оскорбительной полемики, диалектический метод завоюет себе свое место в естествознании. Естествоиспытатель прежде всего не упрям. Он пользуется своим теперешним методом только и единственно потому, что его метод есть метод единственный. Такого естествоиспытателя, который желал бы пользоваться худшим методом, а не лучшим, нет на свете. Докажите на деле, что диалектический метод ведет скорее к цели,— завтра же вы не найдете ни одного естествоиспытателя не диалектика» [2]. Не во всем можно согласиться с А. Ф. Самойловым (в частности, он не видел социальных корней ошибочного миропонимания), но важна его основная мысль, обращенная к марксистам-естественникам: не декларируйте, а лучше на деле докажите, что

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 30.

[2] *Самойлов А. Ф.* Диалектика природы и естествознание.— Под знаменем марксизма, 1926, № 4—5, с. 81.

диалектический метод — самый эффективный, всеобщий метод научного исследования.

Оценивая в полной мере значение подобной работы марксистов для науки, В. И. Ленин указывал на необходимость разрабатывать диалектику «со всех сторон», решать общеметодологические задачи. Это должно было способствовать внедрению диалектического материализма в мышление ученых, переходу стихийных материалистов на позиции материалистической диалектики, преодолению механицизма. Но данная проблема требовала больших усилий и более продолжительного времени, чем рассмотренные выше задачи идейно-политической и мировоззренческо-гносеологической переориентации естественников-некоммунистов.

Решение всех этих задач нуждалось в соответствующей организационно-практической деятельности, направленной на формирование союза философов-марксистов с естествоиспытателями-некоммунистами и призванной способствовать устранению идеологических и социально-психологических препятствий, стоящих на пути движения естествоиспытателей к сознательному овладению материалистической диалектикой. Оценить характер этой деятельности нельзя без понимания существа естественнонаучного материализма, который был присущ подавляющему большинству естествоиспытателей рассматриваемого периода и с представителями которого В. И. Ленин рекомендовал устанавливать союз.

2
СИЛА И СЛАБОСТЬ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОГО МАТЕРИАЛИЗМА

Естественнонаучный материализм являлся особым мировоззренческим образованием в области общественного сознания того времени, имевшим глубокие корни. Он тесно связан со спецификой исследовательской деятельности ученых, причем со спецификой существенной, касающейся самого характера их мировоззрения, отсюда важнейшая его особенность — сциентизм, т. е. преимущественное применение понятий и принципов естественных наук (например, «энергия», «энтропия», «закон всемирного тяготения», «естественный отбор», «бессознательное», «рефлекс» и т. п.) для решения мировоззренческих проблем.

Это означает формирование представления о мире и об отношении человека к миру с точки зрения понятий, принципов какой-то одной частной науки (физики, биологии и т. п.) или системы понятий теоретического естествознания в целом.

Узкое, сциентистское решение мировоззренческих проблем обусловливает, с одной стороны, определенную силу естественнонаучного материализма, но, с другой стороны, и его мировоззренческую слабость.

Естественнонаучный материализм как мировоззрение слаб в постановке и решении основного мировоззренческого вопроса: об отношении человека к миру. Данный вопрос выступает здесь в качестве частнонаучной (хотя и очень существенной) проблемы — происхождения человека и соотношения мышления (психического) и мозга. Безусловно, убеждение в объективности природы, независимости ее от человека означает совпадение в этих пунктах мировоззренческих установок естественнонаучного и диалектического материализма. Положение о производности ощущений, сознания, мышления от природы позволяет натуралистам защищать линию материализма в этих вопросах в борьбе с религией и идеализмом. Последовательное проведение точки зрения материализма ведет, с одной стороны, к признанию реальности мира, с другой — к атеизму и исключению идеализма и агностицизма, но, подчеркнем, именно последовательное проведение, чего, к сожалению, нет у естествоиспытателей, придерживающихся натуралистско-материалистической ориентации. Теория познания естественнонаучным материализмом сколько-нибудь всесторонне и последовательно не развивается. Отсюда в самом его существе заключена тенденция к агностицизму.

Не будучи в состоянии всесторонне и последовательно провести принцип материального единства мира, он оказывается недостаточно зрелым также и в трактовке принципа развития. Объективная диалектика охватывается в нем лишь частично — в той мере, в какой она попадает в сферу непосредственного исследования того или иного фрагмента природной действительности. Поскольку принцип развития в естественнонаучном материализме не философски-всеобщий, а сциентистский, элементы диалектики сочетаются у него с элементами метафизики, механистической методологии.

Недостатки естественнонаучного материализма во многом проистекают из неспособности его «сладить с общест-

венными вопросами» (что связано с абсолютизацией мировоззренческой значимости естественнонаучных понятий), а также из такой его важной черты, как стихийность. Речь идет не об осознанности или неосознанности на индивидуальном уровне (степень стихийности и осознанность здесь может быть разной), а о непонимании ученым сущности философской борьбы, внутренней логики философского развития, связанной с углубляющейся конфронтацией материализма и идеализма. Представители естественнонаучного материализма не в состоянии вскрыть гносеологические и социальные корни идеализма и способны под напором философских аргументов идеалистов уступать им теоретические позиции.

Сколько бы теоретически отрефлектированным ни казалось порой натуралистское мировоззрение, оно в сущности фрагментарно, опирается на частичный познавательный опыт человечества, ограниченный одной или рядом фундаментальных наук о природе; такое мировоззрение поэтому односторонне и эмпирично.

Вместе с тем при всем своем сциентизме, отделяющем его от научно-философского мировоззрения, оно по своему содержанию имеет устойчивую тенденцию к сближению с ним. Их основные мировоззренческие принципы — принцип первичности материи (природы) и вторичности сознания, принцип познаваемости природы, принцип развития и др.— совпадают по своей направленности. Они едины в своей устремленности на научный поиск, на тесную связь с развитием естествознания, на обеспечение максимально благоприятных условий для прогресса науки.

Естественнонаучный поиск в определенной мере совместим с естественнонаучным материализмом. Но он не в меньшей, а в большей мере совместим с диалектическим материализмом, избавляющим ученого от мировоззренческой неразвитости и односторонности.

В специфике естественнонаучного мировоззрения, отличающей его от диалектико-материалистического и вообще философского мировоззрения, заключалась огромная трудность идеологической переориентации ученых-естественников после свершения социалистической революции. В определенной же общности его с диалектическим материализмом был залог того, что эта трудность в конце концов будет преодолена.

Сказанное можно проиллюстрировать примерами некоторых разновидностей естественнонаучного материализ-

ма первых послеоктябрьских лет, имевших сторонников среди деятелей науки.

Наиболее широкими мировоззренческими концепциями такого рода были в тот период концепции В. И. Вернадского, С. П. Костычева и В. М. Бехтерева. В их трудах интенсивно разрабатывалась общая естественнонаучная картина мира, базировавшаяся на фундаментальных науках о природе и обладавшая большими гносеологическими возможностями. Вследствие этого ограниченность естественнонаучного материализма у них была не столь значительна, как у других естествоиспытателей, а понимание В. И. Вернадским (в известной степени и С. П. Костычевым) специфики философского творчества объективно вело к соединению естественнонаучного познания с прогрессивным философским мировоззрением.

В. И. Вернадский материалистически решал вопрос о соотношении духа и природы, исходил из положения об объективности времени и пространства, вечности и бесконечности материального мира, подчеркивал многообразие форм движения в природе, неразрывность материи и движения (отсюда принцип динамизма Вселенной).

Единство мира В. И. Вернадский трактовал прежде всего как субстратно-вещественное единство. Отождествляя понятие материи с понятием вещества, он выводил за ее рамки энергию; с его точки зрения, космос проявляется двумя формами — «материей» и «энергией» (по существу, энергия для него не была антиподом «материи», обладала способностью проявлять массу так же, как и материя).

В. И. Вернадский не обращался к всеобщим основным законам диалектики, хотя нередко указывал на переход количественных изменений в качественные, на скачки, широко применял элементы диалектического способа познания. Он глубоко проникал в объективную диалектику природы, примером чего может служить его концепция биосферы, изложенная в монографии «Биосфера» (1926).

В основе природы лежит, по его убеждению, несколько наиболее общих законов: закон сохранения и превращения энергии, закон сохранения массы вещества, периодический закон химических элементов Менделеева. Иногда к этим законам он присоединял принцип вечности жизни (т. е. отсутствия генезиса живого из неживого вообще), из чего проистекала его уступка витализму. Исходя из представления о материальном единстве мира, об атомно-молекулярном единстве живого с неорганическим

миром, но не сумев органично связать его с принципом отражения и с принципом развития, он противопоставил в результате живое неживому как две параллельные и вместе с тем взаимосвязанные субстанции. Это была позиция пантеистического материализма, которую разделяли в те годы многие ученые, в том числе и А. Эйнштейн.

Грандиозная картина космоса, фокусирующаяся в понятии атома, вела В. И. Вернадского в рассматриваемый нами период к некоторой натурализации социальных явлений, в том числе причин развития общества, к недооценке марксистской философии, которую он еще не выделял, как впоследствии, из механистического материализма. Свое собственное миропонимание В. И. Вернадский называл «естественнонаучным реализмом».

Другой вариант «научного мировоззрения» представлен биологом С. П. Костычевым.

Умозрительно-идеалистическим натурфилософским посягательствам на решение конкретных естественнонаучных проблем С. П. Костычев противопоставил философию И. Канта с ее «устранением» онтологии и «ограничением» натурфилософского мышления, а также общетеоретические концепции Гельмгольца, Дюбуа-Реймона и Вирхова. Следствием разлучения науки с философией явился, как утверждает С. П. Костычев, пышный расцвет точного знания. Вместе с тем правомерно и теоретическое обсуждение явлений, недоступных пока исследованию точными научными приемами. Отсюда «метафизика, вообще говоря, неустранима, и пытаться совершенно искоренить ее было бы безнадежной задачей» [1]. Поэтому борьбу с углублением ученых в «метафизические» абстракции он считал целесообразным вести путем не полемики или насилия, а создания особой «теоретической науки» («научной натурфилософии»), доказывая на деле пользу этой дисциплины для научного творчества. «Теоретическая наука», по его мнению, должна быть подчинена естествознанию, расчищать путь для эксперимента, занимаясь вопросами, еще недоступными для опытной науки, причем обсуждать эти вопросы в строгом согласии с научным методом. В качестве составного элемента такой «теоретической науки» мог быть взят дарвинизм, опирающийся одной ногой, по его словам, на научную основу, а другой — шагающий за пределы точного научного мышления. «Научная натурфилософия» весьма полезна,

[1] *Костычев С. П.* Натурфилософия и точные науки, с. 29.

ибо может подготавливать почву для настоящего исследования. В этом плане он указывал, что, например, рассуждения А. Вейсмана о наследственности носили всецело натурфилософский характер, но теперь законы, установленные экспериментальными исследованиями Г. Менделя, дают возможность точной проверки некоторых его выводов.

Под «теоретической наукой» С. П. Костычев понимал совокупность общетеоретических проблем естествознания, растворяя в нем собственно философию. Более того, он прямо заявил: «находясь в подчиненном состоянии, *теоретическая наука не имеет права создавать новых общих методов»*[1]. Лишая научную философию самостоятельного предмета исследования и права быть специфическим, всеобщим методом частнонаучных исследований, С. П. Костычев приходил в конце концов к естественнонаучному позитивизму.

Одной из наиболее распространенных мировоззренческих концепций рассматриваемого периода было мировоззрение русского невролога, физиолога и психолога В. М. Бехтерева, руководителя Психоневрологического института и директора Института мозга, автора широко известного 7-томного руководства «Основы учения о функциях мозга».

В работах, написанных до 1923—1924 гг., он продолжал разрабатывать рефлексологическое мировоззрение, называемое им эволюционным, или энергетическим, монизмом. Такой выход рефлексологии на энергетический монизм не был случайным: в значительной степени он был обусловлен борьбой Бехтерева с субъективной психологией, с ее оторванностью от эксперимента, от физики, химии, физиологии и стремлением к построению объективной (основанной на объективных методах исследования) психологии.

В. М. Бехтерев пытался свести анализ психических явлений к установлению физического или социального раздражения и к изучению реакций на эти раздражения. Внутренние же процессы, ведущие к реакциям (поведению индивидов или коллективов), оказывались энергетическими по своему существу. Скрытая энергия организма, утверждал он, есть проявление энергии как деятельного начала в природе. Недооценивая гносеологический аспект проблемы соотношения сознания и материи,

---

[1] *Костычев С. П.* Натурфилософия и точные науки, с. 37.

В. М. Бехтерев сливал (в книге «Общие основы рефлексологии человека») психическое с физическим в едином энергетическом потоке[1]. В работе «Бессмертие человеческой личности как научная проблема» (1918) он ставил вопрос о дополнении идеи социального бессмертия личности идеей индивидуально-энергетического бессмертия человека.

В «Коллективной рефлексологии» ученый пытался применить свой «энергетический монизм» к сфере социальных явлений. В ряде случаев он высказал идеи, получившие признание в социальной психологии. Однако, как мы видели, он допускал научно необоснованные, ошибочные политические и философские выводы из своих рефлексологических исследований, не учитывая в полной мере специфику социальной действительности. «...Наблюдение и опыт,— писал он,— приводят нас к выводу, что основные законы соотносительной деятельности собирательной личности те же, что и для всей вообще живой и неживой природы. Здесь путем анализа раскрываются те же общие космические законы, как закон сохранения энергии, тяготения, отталкивания, противодействия равного действию, подобия, ритма, энтропии, эволюции, дифференцировки, обобщения или синтеза, приспособляемости, отбора, инерции и т. п.»[2]. Рассматривая марксистское учение об обществе как одно из многих течений социологической мысли, В. М. Бехтерев считал нужным всю социологию свести к естествознанию, дабы сделать ее «объективной». «...Социология, чтобы быть наукой строго объективной,— утверждал он,— должна опираться главным образом на две науки — биологию и разрабатываемую мною рефлексологию...»[3] В социальной жизни, по его мнению, мы встречаемся в сущности с теми же рефлексами в форме общественных движений и с тем же их развитием и течением, какие находим и в деятельности отдельной личности. Основу общественной жизни он усматривал в «коллективных рефлексах», т. е. в реакциях коллектива людей («собирательных личностей»), на различные стимулы — воздействия среды.

Среди биологов начала 20-х гг. популярны были и иного рода трактовки социальных явлений, сводившие социальную реальность либо к сфере бессознательного в пси-

[1] В более ранних работах В. М. Бехтерев разделял точку зрения психофизического параллелизма.

[2] *Бехтерев В. М.* Коллективная рефлексология, с. 26.

[3] Там же, с. 6.

хике человека (как в построениях сторонников социофрейдизма), либо к эндокринной системе человеческого организма.

В естественнонаучном материализме профессора А. В. Немилова, например, вырисовывалось историческое представление о становлении человека только под воздействием желез внутренней секреции. «Так как то особенное, что есть в человеке (Homo sapiens) по сравнению с животными, связано, именно, с полом, то ясно, что уйти из-под власти пола человек не может: вне пола нет и человека» [1]. Вечно возбуждаемый «волной мощных раздражителей из тазовых органов, человек и стал тем, что он есть, т. е. существом, научившимся готовить орудия производства и использовать их для целевого труда» [2].

Идеей сведения социального к биологическим инстинктам пронизана была книга профессора В. В. Савича «Основы поведения человека». Человеком, в его картине социальной реальности, управляют инстинкты и условные связи, вырастающие на базе инстинктов. Если наши поступки вытекают из инстинктов, если химизм крови определяет доминирующую роль данного инстинкта в определенное время, то мы, полагал он, не видим никакого принципиального отличия человека от животного. Разница лишь та, что у животного условных связей гораздо меньше, они ближе к безусловным, но в конечном счете человеком руководят те же самые инстинкты, что и гориллой [3].

Таковы лишь некоторые из мировоззренческих построений, свидетельствующие о наличии мощного течения материализма в среде естествоиспытателей того времени, со всеми его сильными и слабыми сторонами, показывающие, насколько трудной и важной для науки и для активного вовлечения ученых в социалистическое строительство было осуществление задачи по установлению с каждым из представителей естественнонаучного материализма мировоззренческого союза.

Отношение марксистов к естественнонаучному материализму было принципиально иным, чем отношение к идеалистам или вульгарным материалистам. Защищая

---

[1] *Немилов А. В.* Биологическая трагедия женщины. Л., 1925, с. 17—18.

[2] Там же, с. 17.

[3] См.: *Савич В. В.* Основы поведения человека. Анализ поведения человека с точки зрения физиологии центральной нервной системы и внутренней секреции. Л., 1924, с. 121.

его от злобных нападок богословов и философов-идеалистов, они стремились в то же время избавить его от философских ошибок, сделать более последовательным, более научным.

При разборе мировоззренческих представлений естественнонаучных материалистов того периода прежде всего обращалось внимание на их связь с политикой и с социологическими проблемами. Иначе говоря, на первый план был выдвинут вопрос о партийности этого материализма, о необходимости его корректировки в социально-политическом плане. За «третьей линией» в мировоззрении, провозглашаемой естествоиспытателями, марксисты вскрывали реальное содержание, подлинный смысл их мировоззренческих концепций.

При рассмотрении онтологической проблематики главное внимание уделялось критике уступок идеализму. Такой характер носило, например, большинство публикаций журнала «Под знаменем марксизма». Только за два года (1922—1923) в нем были рассмотрены под этим углом зрения следующие работы: «Коллективная рефлексология» В. М. Бехтерева, «Начало и вечность жизни» В. И. Вернадского, «Принцип относительности и абсолютное», «Принцип относительности в природе и в математике» Н. Морозова, «Физика и ее значение для человечества» О. Д. Хвольсона, «Пути к науке будущего», «Время» А. Е. Ферсмана, «Улучшение человеческой породы» Н. К. Кольцова и др.

«Хорошие работы естественников и нехорошие выводы из них» — так называлась статья В. И. Невского, опубликованная в 1925 г. в сборнике «Воинствующий материалист» (кн. 3), в которой анализировался «Сборник, посвященный 75-летию академика И. П. Павлова». Название статьи как нельзя лучше передает отношение марксистов к философской (и в ряде случаев политической) ограниченности естественнонаучного материализма, проявлявшейся в работах многих естествоиспытателей. Марксисты вскрывали несостоятельность политических и социологических выводов, проистекавших из еще не преодоленной буржуазности классовых позиций ученых и из их непонимания социологии марксизма. Была показана также методологическая ошибка, свойственная представлениям естественнонаучного материализма,— неправомерность перенесения закономерностей низших форм движения материи на явления социальной сферы.

Марксисты помогали естествоиспытателям в поисках

правильного направления на перепутьях философии, содействуя тем самым проникновению материалистической диалектики в теоретические проблемы естествознания и изживанию философских ошибок в трактовке этих проблем.

Характерен в этом смысле пример с критикой взглядов В. И. Вернадского на сущность жизни, его положения о вечности жизни. В. И. Невский показывал непоследовательность и противоречивость трактовки В. И. Вернадским сущности жизни, когда он, с одной стороны, сближал понятие жизни с физико-химическими представлениями, проводил идею единства живого с неорганической природой, а с другой — приходил к утверждению о наличии коренного различия между живым и неживым. Он отмечал неправильность суждений В. И. Вернадского, будто «новейшие открытия» и «ломка понятий» подтверждают правильность религиозно-философской космологии. Отход Вернадского от научности в трактовке сущности жизни расценивался при этом как стремление ряда ученых «подвести новый фундамент под разрушающееся здание буржуазной метафизики», как выступление против философии пролетариата, воплощенной в форме рабоче-крестьянского государства [1]. Такое заострение критического анализа можно объяснить тесным переплетением в то время политики и философии, личностного и общественно значимого (играло роль, по-видимому, и то обстоятельство, что В. И. Вернадский в прошлом был активным деятелем партии кадетов). Как бы то ни было, но некоторые из полемических крайностей применительно к его личности не вызывались абсолютной необходимостью и находились в некотором диссонансе с той идейно-политической эволюцией, которую в те годы переживал ученый.

Следует подчеркнуть, однако, что подобные заострения критики, свойственные отдельным марксистам, не были определяющими. Так, биолог-марксист Б. М. Завадовский в своей рецензии на книгу В. И. Вернадского «Начало и вечность жизни», опубликованной в журнале «Красная новь» в 1923 г., в значительно большей мере, чем В. И. Невский, оперировал внутринаучными данными и с большим тактом относился к личности выдающегося ученого, имея в виду прежде всего будущее его

---

[1] См.: *Невский В.* Реставрация идеализма и борьба с «новой» буржуазией.— Под знаменем марксизма, 1922, № 7—8, с. 119—123.

мировоззренческой ориентации, а не ее прошлое. Он внимательно проследил, каким путем В. И. Вернадский пришел к витализму. Разница между материализмом и витализмом, подчеркивал он, состоит в том, что «если наша гипотеза опирается на всю сумму исторически установленных наукою фактов, кроме одного, то Вернадский опирается лишь на этот один установленный факт, что до сих пор науке не удалось доказать факта самозарождения или синтезировать живое существо лабораторным путем» [1]. Подобный пример дружественной критики естествоиспытателя, даже занимавшего противоположную философскую позицию в конкретном вопросе, свидетельствует об искреннем желании марксистов помочь В. И. Вернадскому встать на правильную философскую точку зрения. Такой же характер имела, в целом, и критика со стороны В. И. Невского. Эта критика, шедшая параллельно с выступлениями ряда естествоиспытателей за признание возможности абиогенеза — происхождения живого из неживого (П. Ю. Шмидт, С. П. Костычев и др.) и переплетавшаяся с публикациями опытного материала биохимиков по синтезу белка, не могла не влиять на мышление ученого. Уже в 1926 г. В. И. Вернадский в труде «Биосфера» отбросил виталистическую трактовку происхождения жизни как не соответствующую эмпирическим фактам [2]. Правда, он не принимал и «механистическое» объяснение, но важно то, что он сделал большой шаг в сторону научно-философского решения проблемы (позднее В. И. Вернадский пришел к признанию возможности абиогенеза на Земле).

Серьезную помощь естественнонаучным материалистам в преодолении ими биологизаторского и энергетического подходов к объяснению социальной действительности оказали непосредственные контакты с марксистами, разъяснявшими суть диалектико-материалистического понимания общества, знакомство с их статьями и книгами, посвященными проблемам исторического материализма, в частности, раскрывающими закономерный характер общественного развития, закономерность социалистической революции. Издания произведений К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, хрестоматий по историческому материализму также привлекали внимание естествоиспытате-

---

[1] Красная новь, 1923, № 2, с. 369.
[2] См.: *Вернадский В. И.* Биосфера. Л., 1926, очерк 1, § 12—14.

лей, которые постепенно начинали осознавать научность марксистского понимания общества.

Уже в первые годы нэпа марксистам удалось объединить значительную часть естественнонаучных материалистов для борьбы с религией и философским идеализмом. Так, журнал «Искра», ставивший целью освещать с точки зрения материализма вопросы естествознания, к апрелю 1923 г. объединял вокруг себя «более 50 специалистов, работающих дружно с коммунистами на фундаменте материалистического мировоззрения» [1]. За период 1923—1924 гг. в журнале было опубликовано большое количество статей материалистов-естественников. «В подавляющем большинстве статей, где это позволяет содержание их, подчеркивается антинаучность религиозных и идеалистических представлений» [2]. Естествоиспытатели-некоммунисты стали более решительно критиковать идеализм, последовательнее проводить в жизнь исходные принципы материализма; создавалась реальная предпосылка для устранения стихийного характера их материализма.

3
РАЗВЕНЧАНИЕ АНТИФИЛОСОФИИ

Одной из основных идей естественнонаучного материализма было положение о непригодности философии в качестве мировоззрения и всеобщей методологии и необходимости ориентироваться на внутринаучную сциентизированную форму мировоззрения. Такая позиция означала позитивизм, т. е. решение проблемы соотношения философско-всеобщего и частнонаучного знания в пользу наук о природе, растворение в них философии, сведение ее содержания к наиболее общим выводам одной из фундаментальных научных дисциплин или к совокупности главных выводов естествознания в целом.

Позитивизм этот проистекал из неприятия идеалистической натурфилософии. Однако представители натуралистского мировоззрения неправомерно отождествляли идеалистическую натурфилософию с философией вообще, расценивая всякую, в том числе и материалистическую, философию как «вненаучную» (и даже противонаучную).

---

[1] Агитационно-пропагандистская работа Главполитпросвета. Материалы к XII съезду партии. М., 1923, с. 38.

[2] Под знаменем марксизма, 1924, № 8—9, с. 309.

Основанием служило не только схоластическое философствование идеалистов, но и сама специфика общефилософского знания, его опора как на естественные науки, так и на обществознание, гуманитарное знание, на опыт художественного, эстетического познания действительности, на практику социальных движений, на обыденный опыт. Поскольку последние в своих истоках выходили за рамки естествознания, постольку даже прогрессивным материалистически-философским системам не просто было убедить в своей научности естествоиспытателей, привыкших считать наукой лишь естествознание.

В России существовала довольно сильная традиция материалистически трактуемого позитивизма[1]. Естественнонаучный материализм первых послеоктябрьских лет был продолжением этой традиции, положительными чертами которой являлись связь с демократическим движением и борьба против религиозного и философско-идеалистического мировоззрения.

Позитивизм и антифилософия — понятия не тождественные, хотя во многом совпадающие. Позитивизм означает признание ценности частных наук, между тем как антифилософия может быть соотнесена и с антисциентизмом; пример тому — радикально экстремистский пананархизм Гординых и вульгарный материализм Енчмена. Применение к оценке последних понятия «позитивизм» (что имеет место в нашей литературе) вряд ли оправданно, ибо дает повод полагать, будто у них была какая-то опора на науки о природе. Точнее говорить об их невежественном нигилизме в отношении научного и философского знания. Их установка, несомненно, есть разновидность антифилософии.

Среди противников философии как особой формы мировоззрения были также махисты, неокантианцы, представители других мировоззренческих направлений. Антифилософия естественнонаучных материалистов, имевшая положительный смысл в условиях господства идеалистической натурфилософии, по мере преодоления философского идеализма становилась фактором, сдерживающим их дальнейшую политическую и мировоззренческую эволюцию в направлении к диалектико-материалистической философии.

---

[1] См.: *Уткина Н. Ф.* Позитивизм, антропологический материализм и наука в России (вторая половина XIX века). М., 1975; *Шкуринов П. С.* Позитивизм в России XIX века. М., 1980.

На пути преодоления позитивистской установки естественнонаучных материалистов в первой половине 20-х гг. стояли, однако, дезориентирующие их выступления, которые исходили от некоторых марксистов, но направлены были против философии вообще и против диалектико-материалистической философии в частности. Привлекая внимание естественников рассуждениями о К. Марксе, они под видом «приобщения» к марксизму тянули их в сторону от марксистской философии.

Рассмотрим несколько наиболее значительных концепций того времени, авторы которых были близки к марксизму, к идеям социализма или даже являлись марксистами, но выступали против философии.

На одном из первых мест здесь стоит, пожалуй, концепция профессора Петроградского университета, члена Научного общества марксистов И. А. Боричевского [1].

В ряде своих критических статей («Российская метафизика в походе против науки», «Догматическое богословие под покровом философии» и др.) И. А. Боричевский раскрывал антинаучную направленность выступлений Н. О. Лосского, П. А. Сорокина и других буржуазных философов и социологов. Заслуживают также внимания его работы с анализом логицизма неокантианцев и психологизма махистов. Защищая естествознание от идеалистов и отстаивая материализм, он обращался к тем мыслителям прошлого, для которых мировоззрение было слито с естествознанием. Отсюда его призыв: «Вперед — вместе с Эпикуром!» И. А. Боричевский полагал, что соединение естествознания с истинной философией науки возможно на базе единства логического и эмпирического. Но орга-

---

[1] И. А. Боричевский (1886—1941) в 1915 г. окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. В 1912—1917 гг. состоял в объединенной университетской фракции РСДРП, неоднократно подвергался арестам и преследованиям полиции. После Октября отошел от политической деятельности. С 1921 г.— профессор Петроградского университета, преподаватель исторического материализма в Коммунистическом университете. Автор работ: «Введение в философию науки» (Пг., 1922), «Существует ли история философии как наука?» (Записки Научного общества марксистов, 1922, № 2), «У древнейших истоков идеалистической легенды об Эпикуре и Платоне» (Книга и революция, 1922, № 7—10), «Древняя и современная философия науки в ее предельных понятиях» (М.— Л., 1925) и др. В 30-х гг. И. А. Боричевский — профессор Педагогического института, сотрудник НИИ истории науки АН СССР. Погиб в 1941 г. в блокированном Ленинграде (см.: *Клушин В. И.* Первые ученые-марксисты Петрограда. Л., 1971, с. 121).

нического единства этих сторон у него не получилось: он то считал ведущими науками «чистую» математику и логику, ставя их в виде некоей «натурфилософии» над опытными науками, то, наоборот, поднимал на этот уровень «опытное» знание, подчиняющее себе все теоретическое знание. Наряду с этим им проводилась идея, как он думал, подлинной «философии науки», снимавшей односторонность логицизма и эмпиризма и соединявшей «науки чистого мышления» с «науками опытными». В эту «философию науки» входили общая теория познания, учение о «сущем» (механическое объединение атомистики, закона постоянства вещества, закона сохранения и превращения энергии, дарвинова закона естественного отбора и марксова закона зависимости общественного целого от экономических отношений), этика и эстетика. «Философия науки», подчеркивал И. А. Боричевский, и есть сама наука, которая «устанавливает свою философию, свою теорию познания, свое учение о сущем, свое учение о высшем благе» [1].

Включая «философию науки» в естествознание, И. А. Боричевский ставил вопрос о механизме взаимосвязи естествознания и социологии. Он выдвинул идею, что связующим элементом является здесь науковедение, и наметил его проблематику (идея создания науковедения в дальнейшем оказалась весьма плодотворной). Но И. А. Боричевский пытался использовать идею науковедения в борьбе с философией. Он отрицал философское наследие, представленное такими мыслителями, как Платон, Аристотель, Кант, Гегель; отбрасывал, как ненаучный, закон перехода количества в качество, ставя на его место «принцип прерывности», вытекающий из теории квантов М. Планка. Разрыв преемственной линии в философии находился в русле его антифилософской концепции. Как отмечает В. И. Клушин, взгляды И. А. Боричевского «находили приверженцев, особенно в среде молодых естественников, совершенно незнакомых с философией марксизма» [2].

В марте 1923 г. на очередном открытом заседании Научного общества марксистов председатель президиума этого общества профессор М. В. Серебряков выступил с обширным докладом «Идеалистическая и реалистическая

---

[1] *Боричевский И. А.* Введение в философию науки (Наука и метафизика). Пг., 1922, с. 107, 100—101.

[2] *Клушин В. И.* Первые ученые-марксисты Петрограда, с. 124.

диалектика», в котором подверг критике доклад И. А. Боричевского и показал значение гегелевской диалектики при всей ее противоречивости для формирования марксистской диалектики.

В статье, посвященной дискуссии М. В. Серебрякова с И. А. Боричевским, журнал «Под знаменем коммунизма», поддержав выступление М. В. Серебрякова, отметил, что противопоставление принципов естествознания (например, принципа прерывности) диалектике и попытка заменить ими диалектику свидетельствует о непонимании И. А. Боричевским как диалектики, так и теории квантов. «Если теория квантов будет подтверждена, то это докажет только, как прозорлив был Гегель, как чутко этот, по Боричевскому, богослов чувствовал пульс физической действительности. Именно теория квантов заставляет нас не забывать советы тов. Ленина — стать материалистическими друзьями гегелевской философии» [1]. Касаясь утверждения И. А. Боричевского о том, что идея развития нашла лучшее выражение не в философии, а в естествознании, журнал отмечал, что в естествознании эта идея «проявилась «постольку-поскольку», иногда в неосознанном виде, она не получила здесь отчетливого методологического оформления. И это так, несмотря на то, что она не чужда натуралистам уже более ранних времен, не говоря о последарвиновской эпохе. Вот почему теперь раздаются голоса о том, что марксизм может оплодотворить и естественные науки» [2].

Оценка работ И. А. Боричевского содержалась также в других периодических изданиях того времени — в «Вестнике Коммунистической академии», в журналах «Под знаменем марксизма», «Печать и революция», «Книга и революция», в газете «Петроградская правда» и т. д. Критика эта носила, в целом, конструктивный характер; развенчивая антифилософию, она отмечала действительно уязвимые места данной концепции.

С антифилософской установкой в первые годы после революции выступал и П. П. Блонский, являвшийся, как отмечалось в издании «Пять лет власти Советов» (1922 г.), одним из «виднейших», «передовых педагогов России в настоящий момент» (он был членом Научно-педагогической секции ГУСа Академического центра Наркомпро-

---

[1] Под знаменем коммунизма, 1923, № 3(5), с. 89.
[2] Там же, с. 90.

са)[1]. Наиболее полное представление о его концепции дает книга «Реформа науки», выпущенная в 1920 г.

Постепенно порывая в послеоктябрьские годы с идеализмом, на позициях которого он стоял ранее, П. П. Блонский в начале 20-х гг. стал критиковать философию вообще. Выступал против «созерцательности» философов и принимал положение о том, что философы прошлого только различным образом объясняли мир, тогда как задача состоит в том, чтобы изменить его. Но данное положение он трактовал в духе узкого практицизма.

В новых социальных условиях необходима, утверждал он, реформа науки. Должны быть отброшены все «атавизмы мысли» — прежде всего идеализм, а также понятия материи (понятие материи «столь же темно, как и породивший его мрак»), причины, природы, прогресса, эволюционизма и т. д. и создана «наука как обобщенная математика». Считая последнюю научной философией, он отличал ее от философии как миросозерцания. В результате «философия, наука,— полагал он,— из теоретической и созерцательной делается практической, действенной. Ее можно назвать, в этом смысле, экспериментально-технологической. Философия будущего есть в самых основных своих отделах, экспериментальная технология, выраженная в терминах обобщенного математического анализа... Нет разницы между наукой и философией, отдельные науки в будущем станут лишь главами этой общей науки»[2]. «Не пора ли философии,— писал он,— перестать быть миросозерцанием?»[3] Обозначалась линия на сведение философии к «внепартийной» праксеологии.

Драматичной и поучительной для историков философии была антифилософия «мининщины», названная так

---

[1] П. П. Блонский (1884—1941) окончил историко-философский факультет Киевского университета (1907). Участник студенческого движения против царизма. В 1903 г. вступил в партию социалистов-революционеров. Подвергался тюремному заключению в 1903, 1905 и 1906 гг. С 1913 г.— приват-доцент Московского университета, читал лекции по философии и психологии. После революции преподавал в 1 и 2-м Московских университетах. Один из инициаторов создания Академии социального воспитания. С 1928 г. занимался преимущественно психологией. В 1930—1941 гг. работал в Институте психологии. В 1927 г. вышли его «Психологические очерки», а в 1935 г. была издана капитальная работа «Память и мышление» (см.: *Королев Ф.* Педагогический путь П. П. Блонского.— В кн.: *Блонский П. П.* Избранные педагогические произведения. М., 1961).

[2] *Блонский П. П.* Реформа и наука. М., 1920, с. 26, 27.

[3] Там же, с. 25.

по имени автора статьи «Философию — за борт!» С. К. Минина [1].

Если религия, считал С. К. Минин, есть духовное оружие земледельцев (рабовладельцев, феодалов), а наука — пролетариата, то философия представляет собой метод, который берет на вооружение буржуазия. «Подобно религии, философия враждебна пролетариату» — таков заголовок специального раздела второй статьи С. К. Минина «Коммунизм и философия» [2]. Как не может быть «религии марксизма», так не может быть и «философии марксизма». Заниматься философией — значит изменять марксизму, скатываться к оппортунизму. У пролетариата должна остаться наука, только наука, но никакой философии.

Критика «антифилософии» С. К. Минина, предпринятая в основном на страницах журнала «Под знаменем марксизма» (две статьи помещены в № 5—6 и в № 11—12 за 1922 г.), и выяснение в связи с этим подлинных взглядов К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина на философию были небесполезными как для партийных теоретиков и пропагандистов, так и для естествоиспытателей-некоммунистов.

Однако получившая хождение примерно с середины 20-х гг. и до наших дней оценка взглядов С. К. Минина как позитивистских вызывает серьезные сомнения. Обращение к статьям С. К. Минина дает основание утверждать, что, говоря о философии, он по существу имел в виду буржуазную, большей частью идеалистическую натурфилософию; он не противопоставлял науку диалекти-

[1] С. К. Минин (1882—1962) обучался в Юрьевском (Дерпт-Лифляндском) университете на историко-филологическом факультете. В революционном движении принимал участие с 1903 г. Член партии с 1905 г. После 1905 г.— трехлетнее заключение, аресты в 1910 и 1914 гг. (ссылки, в последний раз — в Сибирь). В 1917 г.— председатель Царицынского комитета РСДРП(б), председатель Совета рабочих и солдатских депутатов (фактически взявшего власть в Царицыне в начале октября 1917 г.). В 1918 г.— председатель штаба обороны Советов в Царицыне, член Реввоенсовета, затем помощник М. В. Фрунзе, член ЦК КП(б) Украины. С 1923 г.— ректор Коммунистического университета, ректор Государственного (в Ленинграде) университета. Член Северо-Западного бюро ЦК ВКП(б). На XIV съезде партии совершил ошибку, примкнув к «новой оппозиции», но на XV съезде выступил с критикой троцкистского блока. С 1927 г. тяжело болен. В 1929 г. награжден орденом Красного Знамени. Скончался в 1962 г. (см.: *Рахлин Н.* и др. Мужественный революционер.— Правда, 1962, 29 июня).

[2] См.: Под знаменем марксизма, 1922, № 11—12.

ческому материализму, считая материалистическую диалектику наукой.

Вместе с тем призыв «Философию — за борт!», вопреки субъективным желаниям автора, стал прикрытием для подлинных позитивистов и вульгарных материалистов. К тому же некоторые его формулировки и высказывания против «философии марксизма», сходство его схемы исторического развития форм мышления со схемами позитивиста О. Конта, отсутствие прямых высказываний против позитивизма в статьях 1922 г.— все это также служило немаловажной причиной ошибочного зачисления его самого в лагерь позитивистов.

При анализе «антифилософских» статей С. К. Минина, на наш взгляд, должно быть учитываемо следующее обстоятельство. В первые годы после революции происходил процесс ломки не только социальных отношений и старых надстроечных явлений, но и устоявшихся десятилетиями философских понятий, происходила, так сказать, переоценка философских ценностей и создавался новый круг понятий и представлений. Революция подвергла испытанию и само понятие «философия». Для многих в то время соединение «философии» с марксизмом, выступления за «философию марксизма», «философию естествознания» были равноценны недавно отброшенным понятиям «религия марксизма» и т. п. Исходя из этого, С. К. Минин и говорил об «отжившей терминологии» у Ленина и Плеханова, являвшейся, по его словам, «лишь рядом описок — не больше». Специфические условия 1922—1923 гг., характеризующиеся усилением внимания марксистов к уточнению понятий, заставляют нас быть более осмотрительными при изучении теоретических работ, направленных против «философии», и идти дальше, вникать в конкретное содержание выставляемых тезисов. Можно указать на целый ряд марксистских работ того времени, где термин «философия» трактуется в том же духе, что и в статьях С. К. Минина.

В. В. Адоратский, например, писал: «Любая идеология вредна тем, что мешает видеть действительность. Высшая идеология — философия подготовила все для своего собственного отрицания, для уничтожения вообще идеологичности в мышлении» [1]. Но мы вряд ли на этом основании можем заподозрить его в позитивизме или ревизи-

---

[1] *Адоратский В.* Об идеологии.— Под знаменем марксизма, 1922, № 11—12, с. 208.

онизме. В определенной степени конкретно-историческая обстановка оправдывает и объясняет подобные выступления за уточнение терминологии марксизма.

Отдельные мысли, высказанные К. Марксом и Ф. Энгельсом в работах «Немецкая идеология», «Анти-Дюринг», «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» и в других работах о предмете научной философии и об идеологии, могли быть поняты как выражение отрицательного отношения к философии и идеологии вообще. В первые послеоктябрьские годы еще не были известны такие произведения классиков марксизма-ленинизма, как «Диалектика природы» Ф. Энгельса, «Философские тетради» В. И. Ленина, многие письма К. Маркса и Ф. Энгельса, в которых содержалась характеристика философии пролетариата.

Борьба марксистов с философским нигилизмом в рассматриваемые годы сливалась с борьбой против радикально-экстремистской левизны в отношении к науке, примером которой может служить критика выступлений Э. Енчмена, о чем говорилось выше.

В этом же русле идет и критика позитивистских взглядов А. А. Богданова на философию и диалектику. В данном отношении характерна статья В. И. Невского «Диалектический материализм и философия мертвой реакции», приложенная В. И. Лениным ко второму изданию «Материализма и эмпириокритицизма» (1920). В ней выражалась негативная оценка идеи «пролетаризации» науки и подвергались критическому анализу мировоззренческие позиции Богданова.

Следует заметить, что по степени общности богдановская тектология поднималась над частными науками, была сопоставима с математикой. В наши дни ее общность сравнивается с кибернетикой и общей теорией систем. Но она являлась не философской, а общенаучной концепцией. А. А. Богданов же, преувеличивая ее мировоззренческую значимость, формулировал положения, выводившие тектологические понятия на уровень универсально-мировоззренческих. Как верно указывает В. Г. Афанасьев, «формально А. Богданов не называл свою «тектологию» философской наукой, однако, фактически пытался выдать ее за «новый *способ мышления*», новое мировоззрение, призванное стать на место... «созерцательной», «объяснительной» диалектики» [1].

[1] *Афанасьев В. Г.* Научное управление обществом. М., 1968, с. 224.

Критика марксистами позитивизма А. А. Богданова и других теоретиков антифилософской линии была составной частью борьбы за утверждение диалектического материализма и вместе с тем за преемственность культур, за овладение культурным наследством.

В современных советологических изданиях модным стало утверждение, будто социалистическая революция и рождение социалистического общества имеют корни не столько в диалектико-материалистической философии, сколько в позитивизме и вульгарно-материалистическом нигилизме.

С этой целью вульгарный материалист и нигилист Э. Енчмен представляется «подлинным марксистом», а С. К. Минин, являвшийся крупным пропагандистом диалектического материализма и научного атеизма,— позитивистом и вульгарным материалистом. Так, в книге Д. Журавского «Советский марксизм и естественные науки, 1917—1932» С. К. Минин характеризуется, например, как представитель «антифилософского, упрощенного материализма», а механистический материализм, позитивизм объявляется чуть ли не господствующей философией среди советских марксистов [1]. Другой советолог — Г. Веттер ставит С. К. Минина в один ряд с Э. Енчменом, что, видимо, понадобилось для обоснования следующего его «открытия»: «Среди последователей большевистской партии сторонников вульгарного материализма было так много, что в первые годы после революции этот материализм, подобно русскому нигилизму 1860—1880 гг., был господствующей философией и считался истинной философией революции» [2].

Однако объективное исследование истории борьбы нашей партии с позитивизмом отвергает как клеветническое утверждение советологов, будто советская действительность питает рост нигилистической традиции в отношении философии. В первые же годы Советской власти с ними велась решительная борьба. Позитивизм и вульгарный материализм никогда не были господствующими течениями в нашей идеологии и никогда не определяли в целом идейного лица нашей партии. Вся советская действительность неизбежно вела к преодолению как идеализ-

---

[1] *Jouravsky D.* Soviet Marxism and Natural Science, 1917—1932. N.— Y. 1961, p. 93.

[2] *Wetter G.* Die dialektische Materialismus. Seine Geschichte und sein System in der Sowjetunion. Wien, 1958, S. 168, 152.

ма, так и позитивизма, к укреплению союза марксистско-ленинской философии с естествознанием.

В рассматриваемый период выступления марксистов против ликвидаторов философии имели важное значение для естествоиспытателей старой школы, начинавших интересоваться марксизмом. Они наносили удар по «теоретикам», которые дезориентировали естествоиспытателей в отношении научно-философского знания и показывали наличие серьезной философско-теоретической основы марксизма, которая своим материализмом и диалектикой оказывалась близкой естествознанию.

4
НАУЧНО-ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ФОРМЫ

10 января 1924 г. газета «Правда» опубликовала статью «Против философского ликвидаторства». Автор статьи С. Гоникман отмечал, что своеобразный нигилизм, проявляющийся подчас в огульном отрицании старой культуры, находит свое выражение и в отношении к философии. Марксистская философия, по мнению автора, влачит жалкое существование на задворках наших научно-исследовательских институтов и изгоняется из высших учебных заведений, в результате чего учащейся молодежи под видом непосредственных выводов естествознания прививаются чуждые мировоззренческие взгляды. В статье обращалось внимание на то, что практика борьбы с буржуазной идеологией требует немедленного заполнения философской бреши, еще большего развертывания теоретической работы марксистов, для чего необходимы соответствующие практически-организационные меры, касающиеся, в частности, изменения характера преподавания философии в высших учебных заведениях.

Выступление «Правды» наряду с другими аналогичными выступлениями 1923—1924 гг. способствовало созданию научно-организационных центров по разработке и пропаганде марксизма в его связи с естествознанием, не говоря уже о мерах по улучшению преподавания марксистской философии.

Одна из причин, не позволявших в те годы в достаточной мере развернуть эту работу, так или иначе связанную с воздействием на научную интеллигенцию старой школы,— острая нехватка марксистских кадров. Проблема кадров была едва ли не главной на протяжении первого двадцатилетия существования союза философии и естест-

вознания в нашей стране. До революции пролетариат не имел возможности выковать сколько-нибудь достаточное число специалистов по философии, а тем более по философским вопросам естествознания. После революции наличные марксистские кадры, в том числе имеющие солидную подготовку в области естествознания (А. С. Бубнов, О. Ю. Шмидт, Н. А. Семашко и др.), в подавляющем своем большинстве были заняты организационно-политической работой. Формирование новых кадров, и особенно кадров высшей научной квалификации, требовало значительного времени, исчисляемого не одним пятилетием.

В 1924 г. только в вузах РСФСР было более 500 обществоведческих кафедр[1], в некоторых из них читались углубленные курсы по философии; например, во втором полугодии 1922/23 учебного года в 1 МГУ на физмате был поставлен курс «Материалистическая философия естествознания и биологии». К середине 20-х гг. в ряде мест уже функционировали кафедры диалектического материализма, проводившие большую пропагандистскую работу среди преподавателей и студенчества и разрабатывавшие философские вопросы естествознания. В 1921—1922 гг. в некоторых вузах Москвы, Тамбова, Харькова и других городов возникают кружки по диалектическому материализму. Все это, вместе взятое, требовало многие сотни квалифицированных марксистов-естественников и философов, а страна могла дать лишь единицы, из-за чего оставались непроведенными в жизнь или же лишь частично осуществленными некоторые ленинские мысли, например о преподавании марксистской философии в ее связи с естествознанием на всех уровнях подготовки партийных и естественнонаучных кадров. В отчете Агитационно-пропагандистского отдела ЦК РКП(б) за период между XII и XIII съездами партии отмечено, что «все попытки достаточно обеспечить преподавание обществознания в вузах и рабфаках коммунистическими преподавательскими силами разбиваются об их недостаток и их перегруженность непреподавательской работой»[2]. М. Н. Покровский в газете «Правда» в 1922 г. писал, что, «если даже «под метелку» наскрести все наличные преподавательские силы партии в Москве, наберется самое большее на два высших учебных заведения»[3].

---

[1] См.: Народное просвещение, 1924, № 11—12, с. 138.

[2] Отчет Агитпропотдела (за период с XII до XIII съезда РКП).— Известия ЦК РКП(б), 1924, № 4, с. 86.

[3] *Покровский М. Н.* Институт красной профессуры.— Правда, 1922, 2 декабря.

Из разных городов и республик приходили тревожные сообщения. Пермский университет: «Обязательный курс общественных наук (политическая экономия и исторический материализм) остается непроведенным вследствие полного отсутствия сил соответствующей квалификации». Из Грузии: в университете «в числе преподавателей ни одного коммуниста». Из Белоруссии: Белорусское марксистское общество «просуществовало несколько месяцев, но за отсутствием главным образом кадров оно умерло естественной смертью». Такова была действительность, и ее сложность необходимо учитывать при оценке уровня преподавания и теоретической разработки философии, философских проблем естествознания и, конечно, возможностей организации совместной работы марксистов с естествоиспытателями-некоммунистами и философского воздействия на них.

Уже в первые годы принимаются решения по обеспечению ведущих участков философской работы марксистскими кадрами. В Коммунистическую академию направляются лучшие теоретические силы.

11 февраля 1921 г. В. И. Ленин подписывает декрет правительства об учреждении в Москве и Петрограде Институтов по подготовке красной профессуры для преподавания в высших школах философии и других марксистских дисциплин. В 1924 г. наряду с философским отделением Института красной профессуры в Москве было создано естественное отделение, на которое принимались члены партии с высшим естественнонаучным образованием. На пропагандистскую и преподавательскую работу направлялись демобилизованные политработники; было принято решение о немедленном привлечении к преподавательской работе всех подготовленных к этому коммунистов, независимо от занимаемого ими поста. XIII съезд РКП(б) потребовал «употребить все усилия для скорейшего создания кадра профессоров-коммунистов...» [1].

Философские кадры готовились и на Украине — из аспирантов Харьковской кафедры марксизма и марксоведения (с осени 1923 г.— Институт марксизма, построенный по программе ИКП и имеющий философское отделение). Научных работников по философии готовил Институт научной философии.

Известную помощь в подготовке кадров по философским вопросам естествознания и в установлении контак-

---

[1] КПСС в резолюциях..., т. 3, с. 282.

тов марксистов с естествоиспытателями-немарксистами оказывали философские кружки в высших учебных заведениях. Так, осенью 1922 г. на физико-математическом факультете 1 МГУ возник кружок по изучению диалектического материализма, объединявший до 30 молодых естественников (в том числе беспартийных). В нем изучались работы Ф. Энгельса «Анти-Дюринг», «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», произведение В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» и т. д. Кружком был выпущен сборник статей под редакцией А. К. Тимирязева «Материализм в естествознании» (1923 г.). Из основного состава кружка была образована затем группа сотрудников-естественников Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова, в 1924 г. составившая значительную часть марксистов-естественников, принятых на естественное отделение Института красной профессуры.

В Петрограде в Военно-медицинской академии с октября 1922 г. начал работать клуб им. К. А. Тимирязева, имевший два марксистских кружка. Как сообщалось в журнале «Красный студент» (1923, № 1), в этих кружках работало постоянно 68 человек, из них 25 % — беспартийные. При Институте народного образования в Харькове стал функционировать атеистический кружок; цикл докладов по теме «Религия и естествознание» разрабатывался студентами-биологами; выдвигалась задача освещать проблемы под марксистским углом зрения. В ноябре 1922 г. возникает научно-философский кружок в Тбилиси, организовавший публичные доклады по основным вопросам марксизма, в том числе и для студентов вузов.

Как видим, 1922 г. был годом создания первых марксистских кружков в советских вузах. И хотя их задачи были ограниченными, а влияние на общую идейную атмосферу в вузах слабым, все же эта работа была заметной и важной, в первую очередь в плане воздействия на студентов-естественников и на молодых специалистов науки, что дало свои плоды не только через ряд лет, когда некоторые из участников кружков стали деятелями науки, имевшими прочную марксистскую философскую подготовку, но студенты-биологи, физики, химики, медики, вбиравшие в себя марксистские знания, уже в то время начинали оказывать определенное влияние на мировоззрение естествоиспытателей, получивших свое образование до революции.

В течение 1923—1924 гг. возникает ряд кружков по марксистской философии в высших учебных заведениях с установкой на осуществление связей с естественными науками. Некоторые из них стали объединять не только молодых специалистов, но и ученых старой идейной закалки. В данном случае это были уже кружки профессорско-преподавательского состава, имевшие тенденции к перерастанию в общества.

Большую работу по пропаганде научно-философского мировоззрения среди естествоиспытателей проводили Дома ученых в Москве, Ленинграде, Казани и Одессе. В середине 20-х гг. при Домах ученых возникают кружки диалектического материализма.

Одним из наиболее значительных (если не самым крупным, переросшим затем в общество) в 1924—1925 гг. был кружок врачей-материалистов 1 МГУ, привлекший большое количество биологов и теоретиков медицины. В уставе кружка ставились следующие задачи: разработка вопросов научной и практической медицины с точки зрения диалектического материализма; разработка материалистической методологии изучения биологических наук и научно-практических вопросов и содействие проведению коллективной научной работы; критика виталистских и идеалистических тенденций. Результаты работы кружка в 1924/25 учебном году выразились в публикации сборника «Медицина и диалектический материализм». В редакционной статье сборника освещался вопрос об актуальности применения диалектического материализма в естествознании, в частности в биологии и медицине, и подчеркивалось, что диалектико-материалистическая разработка философских проблем этих наук невозможна без предварительного рассмотрения ряда более общих вопросов естествознания, на что и были нацелены помещаемые в нем статьи. Как отмечалось в рецензии на второй выпуск сборника, он представляет собой одну из попыток определенного круга естественников сознательно подойти к методологическим проблемам биологии, медицины и знаменует начало большого сдвига естественников в сторону диалектического метода [1].

Крупный вклад в приобщение естественнонаучной интеллигенции к марксистскому философскому мировоззрению внесли общества марксистов. Одним из ведущих было

---

[1] См.: Вестник Коммунистической академии, 1927, кн. XXI, с. 299, 303.

Научное общество марксистов Ленинграда. К концу 1924 г. оно насчитывало 80 действительных членов и 12 членов-сотрудников; более половины его состава являлись коммунистами. На его открытых заседаниях, собиравших большую аудиторию, в 1923—1924 гг. было заслушано и обсуждено более 80 научных докладов по различным проблемам философии, естественных и общественных наук.

Общество издавало «Записки», которые посвящались главным образом социологическим проблемам; в них публиковались и статьи, касающиеся предмета марксистской философии, его отношения к предмету частных наук и философских проблем естествознания. «Немногие из статей сборников,— пишет В. И. Клушин, проанализировавший их содержание,— можно было бы без оговорок назвать подлинно марксистскими, однако в те годы они были вехами трудного пути, по которому академическая наука Петрограда шла на сближение с марксистским мировоззрением. На страницах «Записок» делали первые, самые трудные и неуверенные шаги многие будущие советские профессора и академики, недостаточная теоретическая зрелость которых в те времена с избытком восполнялась искренностью и горячим желанием постигнуть глубины пролетарской идеологии, овладеть методологией марксизма» [1].

Значительную работу по приобщению естествоиспытателей-немарксистов к научно-философскому мировоззрению в середине 20-х гг. проводило Общество воинствующих материалистов. Задачами общества являлись: научная разработка основ диалектического и исторического материализма, применение диалектического метода в области естественных наук, исследование истории материализма и естественных наук, борьба с идеализмом, с извращением и упрощением диалектического материализма, активная пропаганда и популяризация марксистско-ленинской философии. В состав первого президиума общества были избраны М. Н. Покровский, В. И. Невский, А. М. Деборин, И. К. Луппол, А. К. Тимирязев и др. В уставе указывалось, что членами общества могут быть лица, стоящие на точке зрения диалектического материализма. Однако на практике к работе в нем привлекались не только диалектические материалисты. Характеризуя деятельность общества в середине 20-х гг., А. М. Дебо-

---

[1] *Клушин В. И.* Первые ученые-марксисты Петрограда, с. 130.

рин писал: «Тогда считалось необходимым — и это до известной степени было правильно — привлечь в Общество воинствующих материалистов прежде всего всех тех, кто стоит на почве материализма вообще... Общество воинствующих материалистов являлось в известном смысле пионером на этом фронте,— в смысле мобилизации сил, примыкающих к марксизму, даже только к материализму. Мы можем сказать, что в общество тогда входили лица, которых мы за последовательных марксистов считать не можем. Но тогда представлялось ценным иметь в своей среде естественников-материалистов или идущих к материализму. Нам казалось, что нам удастся толкнуть их в сторону марксизма» [1].

Эта же линия проводилась и редакцией журнала «Под знаменем марксизма», опубликовавшего в 1922—1925 гг. значительное число статей по взаимоотношению марксистской философии и естествознания, по философским вопросам науки и активно содействовавшего приобщению научной интеллигенции к марксистскому мировоззрению.

Поиски новых форм работы марксистов с естествоиспытателями-немарксистами имели своим результатом создание таких учреждений, как Институт научной методологии, Государственный Тимирязевский научно-исследовательский институт изучения и пропаганды естественнонаучных основ диалектического материализма и Секция естественных наук Коммунистической академии.

Институт научной методологии Наркомпроса возник еще осенью 1920 г. Его основной целью было изучение научных методов во всех областях знания на основе марксистской теории. В состав института вошли представители разных специальностей: математики — В. А. Костицын, Н. Н. Лузин и О. Ю. Шмидт; физики — В. К. Аркадьев, Г. В. Вульф и А. К. Тимирязев; экономисты — Е. С. Варга, Л. Н. Крицман и С. Г. Струмилин, ученые других специальностей. Как отмечает историк науки М. С. Бастракова, материалы этого учреждения, к сожалению, не сохранились, и о его конкретной работе пока мало известно [2]. К тем скупым сведениям, которые уже имеются, можно добавить факт подготовки этим институтом сборника «Статистический метод в научном иссле-

---

[1] Под знаменем марксизма, 1929, № 5, с. 129—130.

[2] См.: *Бастракова М. С.* Становление советской системы организации науки (1917—1922), с. 209.

довании» [1], в материалах которого анализировался один из кардинальных общенаучных методов, что отвечало потребностям науки в интеграции знания. Важно и другое: вместе с естественниками-немарксистами в Институте научной методологии работали естественники-коммунисты, что создавало возможность для марксистского воздействия на решение проблем, на общеметодологические установки естествоиспытателей, не являвшихся марксистами.

В этой связи можно привести следующее свидетельство А. К. Тимирязева: «Едва ли, однако, не самое интересное начинание в области научной работы, в самом широком смысле этого слова, представляет собою недавно возникший в Москве Институт научной методологии. Современной наукой все чаще и чаще выдвигаются задачи, для осуществления которых требуется одновременная согласованная работа специалистов в самых разнообразных отраслях знания, но до сих пор такое сотрудничество было почти исключительно делом случая. Вот почему Институт в программе своей работы ставит как раз такие задачи, которые должны привлечь к совместной работе самых разнообразных специалистов и таким образом положить начало правильной организации науки... На собраниях Института, при обсуждении плана работы по какой-либо отдельной отрасли знания, собираются за одним столом представители самых разнообразных специальностей: физики, биологи, статистики и экономисты, и это одно уже значительно способствует сближению, заставляя каждого задумываться над тем, что делается вне пределов его специальности» [2].

В 1924 г. создается Государственный Тимирязевский научно-исследовательский институт изучения и пропаганды естественнонаучных основ диалектического материализма («Тимирязевский институт»), в котором коммунисты объединяли большое число естествоиспытателей-материалистов. Научными работниками могли быть лица, обладающие строго материалистическими взглядами в области естествознания. Только для двух (из семи) отделений — истории и методологии естествознания и

---

[1] Этот сборник вышел в издательстве Коммунистической академии в 1925 г. под грифом «Коммунистическая академия. Секция научной методологии». Однако из предисловия к данному сборнику следует, что соответствующие доклады сделаны в Институте научной методологии до сентября 1922 г.

[2] *Тимирязев А.* Точные науки за четыре года.— Наука в Советской России. М., 1922, с. 19—20.

биологических факторов социальных явлений — безусловно требовалось диалектико-материалистическое мировоззрение. Институт находился в контакте с Коммунистической академией (до сентября 1924 г. она называлась Социалистической академией), которая к 1925 г. превратилась в крупный всесоюзный центр по разработке философских проблем естествознания.

XII съезд РКП(б) (апрель 1923) в своей резолюции записал, что следует сделать центром научной коммунистической мысли Социалистическую академию, «расширив объем ее деятельности за пределы обществознания. Социалистическая академия должна теснейшим образом связаться в своей работе с научно-исследовательской деятельностью различных учреждений и органов (вузы, комуниверситеты, наркоматы и т. п.), постепенно превращаясь в научно-методологический центр, объединяющий всю научно-исследовательскую работу» [1]. Руководствуясь ленинским указанием о создании союза философии и естествознания, съезд наметил программу организационно-практической работы партии в этом направлении.

В мае 1923 г. Совет Народных Комиссаров принимает постановление о передаче Института научной методологии и Комиссии философии Наркомпроса в ведение Социалистической академии. На этой основе в структуре академии в конце 1923 г. возникает Секция научной методологии, перед которой ставилась задача исследования методологии частнонаучного знания, в том числе и естественных наук. Однако организационная нерасчлененность комплекса наук вскоре поставила проблему образования самостоятельного структурного подразделения в академии, которое было бы нацелено на изучение диалектики природы и на разработку философских вопросов естествознания. Таким подразделением стала образованная в соответствии с постановлением президиума академии от 11 декабря 1924 г. Секция естественных и точных наук [2]. Ее руководителем был назначен видный естествоиспытатель-марксист О. Ю. Шмидт. К работе секции были привлечены А. Н. Бах, С. Н. Навашин, В. Г. Фесенков, А. Я. Хинчин и другие ученые. (При этом продолжала функционировать Секция научной методологии, занимаясь общенаучной проблематикой, естественнонауч-

---

[1] КПСС в резолюциях..., т. 3, с. 106.

[2] См.: Организация науки в первые годы Советской власти (1917—1925), с. 221.

ной, философской, экономической и статистико-математической.) Еще в ноябре 1924 г. О. Ю. Шмидт говорил о тех серьезных задачах, которые стоят перед Комакадемией в области естествознания: «Во-первых, среди значительной части беспартийных ученых, особенно молодежи, мы имеем определенную тягу к созданию серьезного научного мировоззрения в естественных науках на основе марксизма. Этому стремлению мы должны помочь, одновременно оберегая начинающих ученых-коммунистов от наездничества и поверхностно-огульного отношения к трудам буржуазных ученых. Во-вторых, надо пойти навстречу тяге лучшей части ученых к переходу от разрозненной работы к коллективной. Необходимо готовиться к перестройке науки на четко материалистических началах. Это надо сделать коллективно вокруг Коммунистической академии как центра» [1].

Президиум академии утвердил план работы секции, в котором были изложены ближайшие задачи ее деятельности. «Секция естественных и точных наук учреждена для борьбы за строго материалистическую науку,— подчеркивалось в плане.— Ее задачей должны быть в равной мере отражение нападок на материализм и содействие построению материалистической науки, для которой в современной, общераспространенной (т. е. буржуазной) науке имеются элементы, искажаемые идеалистической идеологией. Секция должна ставить себе в указанной области совершенно конкретные задачи, не превращаясь в еще одно место дискуссионных собраний и не конкурируя с научными институтами и лабораториями, а организуя их коллективную работу по совершенно точным заданиям» [2].

Сформировавшийся коллектив ученых, входивший в секцию, взял курс на установление тесной связи с научно-исследовательскими институтами и лабораториями, на создание специальных институтов и лабораторий при самой академии; спорные философско-мировоззренческие проблемы естествознания (сознание и мозг, эволюция и мутации и др.) намечалось проверять экспериментальным путем. Этот курс был выработан в результате обсуждения (в 1923—1924 гг.) вопроса о том, как вести исследовательскую работу с точки зрения обеспечения взаимосвязи марксизма и естествознания. «Мы очень долго задумы-

---

[1] Вестник Коммунистической академии, 1925, кн. XII, с. 390.
[2] Там же.

вались,— отмечал М. Н. Покровский,— заняться ли конкретными вопросами или ограничиться разработкой методологических проблем. Я должен со стыдом сказать, что не понимал, что без конкретных работ нельзя поставить методологических проблем. Можно разговаривать о методологии сколько угодно, но пока вы не работаете в данной науке, у вас не будет никакой методологии, потому что вы ее не употребляете на практике, а практика — прежде всего» [1].

Работа секции велась по трем разделам: психоневрологическому, биологическому и физико-математическому. В 1925 г. секция приступила к организации Института по изучению высшей нервной деятельности, научного учреждения, «существенно дополняющего работу таких старых центров этого рода, как Ленинградская лаборатория И. П. Павлова, мало того — двигающего работу павловской школы вперед, вводя в науку новые, оригинальные методы исследования, уже дающие ценные результаты» [2]. Была установлена связь с идеологически близкими биологами, начата теоретическая разработка наиболее важных вопросов и экспериментальная работа, посвященная выявлению важнейших фактов, лежащих в основе биологии. Разрабатывались также теоретические и философские проблемы математики, физики, астрономии.

Коммунистическая академия развернула большую издательскую деятельность, приступила к осуществлению крупнейшего в стране издания — Большой Советской Энциклопедии. Состав ее редакции был утвержден в начале 1924 г. правительством (из членов Комакадемии). Главным редактором был назначен О. Ю. Шмидт. В состав отдела «Естествознание и точные науки» вошли естествоиспытатели А. Ф. Иоффе, А. Н. Северцов, С. Г. Навашин, А. Н. Бах, А. А. Фридман, В. Г. Фесенков, К. Н. Корнилов, А. И. Абрикосов, Н. Н. Бурденко, Л. А. Тарасевич и др. Редакция заявляла: «Наше мировоззрение есть *диалектический материализм.* Область общественных наук, как в освещении прошлого, так и современности, уже широко разработана на основе последовательного применения диалектического метода Маркса — Ленина; в области же естественных и точных наук редакция, стараясь проводить

---

[1] *Покровский М. Н.* 10 лет Коммунистической академии.— Вестник Коммунистической академии, 1928, кн. XXVIII, с. 19.

[2] *Покровский М. Н.* Коммунистическая академия (краткий очерк).— Информационный бюллетень Комакадемии, 1926, № 3—4, с. 9.

точку зрения диалектического материализма, будет считаться с тем, что еще не во всех областях имеется достаточное число вполне марксистских исследований. В этих науках еще только строится фундамент для проникновения диалектического метода. Энциклопедия дает строго фактическую сторону естественных наук, освобожденных от идеалистических примесей» [1]. Работа над изданием энциклопедии сплачивала марксистов с естественнонаучными материалистами, приобщала естествоиспытателей-немарксистов к научной философии и содействовала становлению диалектико-материалистических понятий и принципов в мировоззренческо-методологических основаниях естествознания.

Таковы основные направления работы Коммунистической академии по установлению связей марксистской философии и естествознания.

Как видим, к середине 20-х гг. в нашей стране сложилась тщательно продуманная научная система организации взаимодействия философского мировоззрения и естествознания. Являясь элементами системы организации науки, все вышеотмеченные учреждения и общества получали материальную базу для ведения соответствующих научных работ и одновременно для приобщения естественнонаучной интеллигенции старой школы к марксистской идеологии. Была создана важная организационно-практическая предпосылка для осуществления дальнейшей трансформации ее мировоззрения.

---

[1] От редакции.— Большая Советская Энциклопедия. М., 1926, т. 1, с. 3.

Глава VI

МАРКСИЗМ И ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

1 ДИСКУССИЯ О СООТНОШЕНИИ ФИЛОСОФИИ И ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ

Одним из важных факторов мировоззренческой и политической переориентации ученых-немарксистов рассматриваемого периода явилась дискуссия по вопросу о соотношении марксистской философии и естествознания, кульминационный рубеж которой приходится на 1924—1925 гг. Теоретически было ясно, что нужна связь марксистской философии с естествознанием, а вот каковы должны быть конкретные каналы связи — предстояло еще разобраться.

Временны́е рамки начала дискуссии, по-видимому, должны быть сдвинуты к 1922 г., к моменту возникновения журнала «Под знаменем марксизма». Сам факт появления философского (по преимуществу) журнала способствовал не только объединению вокруг него сторонников философии, но подстегивал также и выступления тех, кто оказался в недоумении по поводу философии, выступления антифилософского, позитивистского толка. Провозглашение курса на философию неизбежно ставило вопрос об отношении философии к естествознанию, о механизме взаимосвязи диалектического материализма и естествознания.

Произведения основоположников марксизма, и прежде всего статья В. И. Ленина «О значении воинствующего материализма», намечали исходные рубежи конкретного соединения философии и естествознания.

В 1922—1923 гг. письмо В. И. Ленина в редакцию журнала широко обсуждалось среди марксистов. Вопрос о взаимоотношении философии и естествознания был поставлен, например, Московским Комитетом партии. В дискуссионном клубе МК РКП(б) 24 января и 1 февраля 1923 г. состоялся диспут по докладу В. Н. Сарабьянова

«Назревший вопрос»[1]. В докладе было показано недостаточное осмысление марксистами ряда новейших естественнонаучных концепций, разная, порой взаимоисключающая их интерпретация, наличие в естествознании, прежде всего в биологии, ряда проблем мировоззренческого характера, требующих внимания марксистов; был выдвинут для рассмотрения вопрос о соотношении материалистической диалектики и естествознания. В ходе дискуссии было предложено[2] попытаться создать специальный институт, который способствовал бы сплочению всех научных работников, стоящих на точке зрения диалектического материализма, привлечению к выполнению работ по различным отраслям знания части ученых, сторонников естественнонаучного материализма. В дальнейшем это предложение после обсуждения в агитационно-пропагандистском отделе ЦК партии воплотилось в создание Секции естественных и точных наук Коммунистической академии.

Поводом для дискуссии послужила публикация в 1924 г. книги голландского социал-демократа, представителя левого крыла европейской социал-демократии Г. Гортера «Исторический материализм» (первое издание — 1919 г.), в которой делался слишком большой акцент на качественном отличии исторического материализма от материализма философского и в принципе не отрицалась возможность совмещения исторического материализма с антиматериалистической философией.

И. И. Степанов, переводивший книгу Г. Гортера, написал к ней предисловие и специальную статью, называвшуюся «Исторический материализм и современное естествознание». В ней ставилась задача выяснить отношение исторического материализма к философскому материализму и к естествознанию (несколько позже вышла отдельным изданием книга И. И. Степанова «Исторический материализм и современное естествознание»). Развернулось обсуждение проблемы в журналах «Большевик», «Под знаменем марксизма» и др. В 1925 г. публикуются выступления И. И. Степанова и других ученых в книге «Механистическое естествознание и диалектический материализм», статья А. М. Деборина «Материалистическая диалектика и естествознание» в сборнике «Воинствующий материалист» (1925, кн. 5) и др.

---

[1] См.: *Сарабьянов В.* Назревший вопрос.— Спутник коммуниста, 1923, № 20 (март), с. 215—234.

[2] См.: *Тер-Оганесян В.* О назревшем вопросе.— Под знаменем марксизма, 1923, № 1, с. 190.

Был организован ряд диспутов в высших учебных заведениях и научных учреждениях. В феврале 1925 г. состоялось обсуждение книги И. И. Степанова в стенах Тимирязевского научно-исследовательского института изучения и пропаганды естественнонаучных основ диалектического материализма. Вслед за этим в том же году развернулась дискуссия в Московском университете (с одной стороны выступали И. И. Степанов и А. К. Тимирязев, с другой — Я. Стэн и Н. Карев). В марте — апреле — мае 1926 г. обсуждение состоялось в Институте философии. Дискуссия захватила Ленинград, Киев, Харьков, другие города.

Лидерами спорящих сторон были И. И. Степанов [1] и А. М. Деборин [2].

Сторонников И. И. Степанова обычно называют «механицистами», а сторонников А. М. Деборина — «диалектиками». Такое деление своими корнями восходит к А. М. Деборину и его последователям. Если же опираться на работы И. И. Степанова и его сторонников, то противоположная сторона будет выступать в качестве «формалистов» (натурфилософов). Однако объективная оценка

[1] И. И. Скворцов-Степанов (1870—1928) — участник революционного движения с 1891 г., большевик с 1904 г. Подвергался арестам, ссылкам. Им переведены на русский язык 3 тома «Капитала» К. Маркса. После Февральской революции — член Московского Комитета партии, редактор газеты «Известия Московского Совета рабочих и солдатских депутатов». Активный участник вооруженного восстания в Москве (член Военно-революционного комитета). На Втором съезде Советов избран в Совнарком, назначен наркомом финансов. С 1925 г. являлся заместителем главного редактора газеты «Правда». В 1925—1928 гг.— ответственный редактор газеты «Известия». Редактор «Ленинградской правды» (в 1926—1928). С 1926 г.— директор Института В. И. Ленина при ЦК ВКП(б). Автор ряда трудов по философии, истории религии, политэкономии, истории революционного движения.

[2] А. М. Деборин (Иоффе) (1881—1963) — окончил философский факультет Бернского университета в 1908 г. С 1903 г.— большевик, в 1907—1917 гг.— меньшевик. После Октябрьской революции порвал с меньшевиками. Занимался преподавательской деятельностью в Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова, Институте красной профессуры. Работал в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса. Директор Института философии (с 1924 по 1931 г.). В 1926—1930 гг.— ответственный редактор журнала «Под знаменем марксизма». Академик АН СССР (с 1929 г.), член президиума АН СССР (1935—1945). Автор работ: «Введение в философию диалектического материализма» (1916), «Людвиг Фейербах. Личность и мировоззрение» (1923), «Философия и марксизм» (1926), «Диктатура пролетариата и теория марксизма» (1927), «Диалектика и естествознание» (1929) и др.

должна основываться на методологическом указании В. И. Ленина о том, что судить о людях нужно не по тому, что они сами о себе говорят, какие ярлыки сами на себя (и других) навешивают, а по их делам, по анализу содержания их взглядов. В соответствии с этим определять характер позиций спорящих сторон в рассматриваемой дискуссии целесообразно по преобладающей тенденции в решении ими проблемы соотношения философии и естествознания.

Являются ли принципы диалектического метода выводом из частных наук или же доводом в частнонаучных исследованиях? Нужно ли диалектические законы извлекать из естественнонаучных представлений о природе, или же они подлежат только внедрению в естествознание? Является ли марксистская философия по способам развития своего содержания индуктивной или же дедуктивной наукой?

И. И. Степанов, А. К. Тимирязев и некоторые другие их сторонники утверждали, что философские принципы — это лишь выводы из наук, которые не могут быть доводом в теоретическом исследовании. В выступлениях А. К. Тимирязева было ценным подчеркивание того обстоятельства, что знание основных законов диалектики не освобождает нас от детального изучения предмета, что марксисты ни в коем случае не должны игнорировать добытые естествознанием факты, а обязаны совершенствовать свою методологию на основе новейших достижений науки. Однако, делая на этом слишком большой упор, он дал повод для упреков в сводимости всеобщего к частнонаучному, в принижении значения диалектического метода.

И. И. Степанов и его сторонники настаивали на приоритете индуктивной стороны философского познания в системе средств исследования философии. С сегодняшней точки зрения это не ошибочно, но неточно, поскольку преимущественно индуктивный анализ, развертывающийся на уровне фактов, сочетающийся тут с дедукцией, не исключает преобладания последней на теоретическом уровне. Здесь имело место распространение частного представления (об одном уровне) на всю систему философии, равно как и у сторонников «деборинского» направления была заметна увлеченность дедукцией и ее перенос на другой уровень философских исследований. А. М. Деборин, например, касаясь положения Г. В. Плеханова о том, что «и химия, и биология в конце концов сведутся, вероятно, к молекулярной механике», утвер-

ждал, будто «вопрос о возможности «сведения» химии и биологии к механическим законам есть вопрос *принципиальный*. Его *методологическая* постановка и разрешение не могут находиться в зависимости от того, достигнуто ли уже или не достигнуто еще *практически* такое «сведение» [1].

Это заявление А. М. Деборина вызвало в его адрес упреки в тенденции к формалистическому уклону, к оправданию отрыва философии от практики естествознания и игнорированию зависимости разработки общей методологии от развития конкретных наук.

Правильно подчеркивая специфичность философского знания в сравнении с естественнонаучным, несводимость диалектического материализма к основным выводам естествознания и большое значение диалектико-материалистической методологии как всеобщего синтетического способа познания, призванного дополнить «аналитическое» естествознание, оградить его от этой односторонности, А. М. Деборин и его последователи, однако, излишне подчеркивали ведущую роль философов-марксистов в развитии естествознания и порой преувеличивали значение метода материалистической диалектики в познании конкретных явлений природы. Они, например, высказывались в том плане, что материалистическая диалектика — единственный метод и в естествознании, что все остальные частные методы должны быть лишь конкретизацией философского метода. Отсюда недалеко было и до объявления частных наук «конкретизацией» философской науки. Механика, писал, например, А. М. Деборин, составляет «лишь специальный случай диалектики» [2].

Плохую услугу дискуссии о взаимоотношении марксистской философии и естествознания оказал и в ряде мест неверный перевод «Диалектики природы» Ф. Энгельса. В том виде, в каком вышла в свет эта работа в 1925 г., было, например, такое положение: «Как бы ни упирались естествоиспытатели, но ими управляют философы» [3]. Между тем это место переводится иначе: «Какую бы позу ни принимали естествоиспытатели, над ними властвует философия» [4]. Включение же данного

---

[1] *Деборин А. М.* Энгельс и диалектическое понимание природы.— Под знаменем марксизма, 1925, № 10—11, с. 18.
[2] Там же, с. 8.
[3] Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, кн. II. М., 1925, с. 191.
[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 525.

положения в первом его переводе в контекст выступлений «деборинцев» содействовало углублению отчужденности спорящих сторон, росту недоверия естествоиспытателей-«механицистов» к позиции философов, в натурфилософском духе использовавших это приписанное Ф. Энгельсу положение.

Линия «степановцев» («механицистов») может квалифицироваться как линия «философского индуктивизма», а направление «деборинцев» — как направление «философского дедуктивизма» (или «философского теоретизма»).

В поисках посредствующего звена между философией марксизма (диалектическим материализмом) и естествознанием И. И. Степанов останавливался на научной картине природы, что с 1925 г., после опубликования работы Ф. Энгельса, стало называться «диалектикой природы». Эта картина природы включала у И. И. Степанова основные выводы естествознания, касающиеся взаимоотношения духа и природы, материального (физического) и психического, форм движения материи, времени и пространства, эволюции и скачков в природе и т. п.; проводилась идея монизма природы. Утверждалось, будто диалектический материализм есть механистическое естествознание (диалектика природы) плюс исторический материализм.

У И. И. Степанова встречались положения, согласно которым диалектический материализм «усваивает выводы современного естествознания», «делает их частью своего миросозерцания» [1]. Сами по себе эти положения не ошибочны, хотя проблема трансформации естественнонаучных знаний в сфере философского знания на сегодняшний день выглядит не столь простой, как казалось раньше. Но подобные положения давали в то время повод для обвинения в механистическом сведении сложного (философии) к простому (естествознанию), т. е. в позитивизме.

Концепции И. И. Степанова была свойственна неразвернутость собственно «диаматовской» онтологической проблематики, ее сведение, по сути дела, к научной картине природы. Всеобщая же методология вбирала в себя аналитический метод, сводимость сложного к более простому, поиск причинно-следственных связей, «строго критическое» наблюдение и опыт (эксперимент). В ре-

---

[1] *Степанов И. И.* Послесловие к кн.: *Гортер Г.* Исторический материализм. М., 1924, с. 141.

зультате недооценились собственно философские принципы и способы духовного освоения действительности.

Понятие «механицизм» («механический»), употреблявшееся И. И. Степановым и его сторонниками, не тождественно тому понятию, которое применяется, например, при характеристике материализма XVII—XVIII вв. Оно означало нацеленность на раскрытие механизма (структуры, элементов) качественно более сложного, на выявление механизма взаимосвязей составляющих элементов. Говоря современным нам языком, это была элементаристская (в противоположность системному подходу) установка, вполне применимая в науке и наших дней [1]. Выясняя данное понятие, один из оппонентов механицизма, А. Вишневский, отмечал в 1925 г.: «В настоящее время физики большое значение придают возможности построить *модель* изучаемых ими физических явлений. Модель наглядно демонстрирует, каков *механизм* (хотя бы в форме гипотезы) взаимной зависимости элементов в изучаемых явлениях. Механизм означает иначе *структуру, строение* данной системы. Принципиально, следовательно, возможна модель любой системы явлений, поскольку изучено ее строение и функционирование» [2].

Несмотря на своеобразное применение термина «механистический» и неоднократные заявления И. И. Степанова и его сторонников, что их механицизм не следует отождествлять с механицизмом XVII—XVIII столетий, им все же стали вменять в вину сведение всех форм движения материи к механической форме и отказ от признания качественной специфики физических, химических и биологических систем.

Однако они и сами давали порой такую трактовку соотношения биологического с физическим и химическим, при которой правильная, диалектическая мысль о генетической сводимости жизни к физическим и химическим процессам сочеталась с недооценкой ее специфики в структурном плане.

Выступая в Институте научной философии и ссылаясь на классиков марксизма, А. М. Деборин разъяснял, что высшие формы и сводятся и не сводятся к низшим; они сводятся по происхождению, но не сводятся по своей

[1] См.: *Блауберг И. В., Юдин Э. Г.* Становление и сущность системного подхода. М., 1973.

[2] *Вишневский А.* В защиту материалистической диалектики (Ответ тов. Степанову).— Под знаменем марксизма, 1925, № 8—9, с. 263.

форме, по своему качеству. Тем не менее он и некоторые его сторонники не были последовательными при анализе понятия сводимости у «механицистов», фактически не разграничивали смысловые оттенки, вкладываемые в это понятие. В результате критика представителями «деборинской школы» понятия сводимости нередко воспринималась как отрицание всякой — и структурной и генетической — связи биологического с химическим и физическим, что, в свою очередь, давало повод А. Ф. Самойлову, И. И. Степанову и другим обвинять «деборинцев» в абсолютизации специфики жизни, в отрыве живого от неживого, в витализме.

Дискуссия затронула и другие вопросы философской теории. Так, в процессе обсуждения проблемы соотношения качества и количества были сделаны интересные попытки решить его через призму категории причинности, через соотношение абстрактного и конкретного, а также под углом зрения взаимосвязи аналитического и синтетического методов познания.

Среди сторонников линии И. И. Степанова были ученые, которые шли дальше, подчеркивали специфичность метода материалистической диалектики и его логико-методологическую ценность в естественнонаучных исследованиях. Эта установка наиболее рельефно выражена в выступлениях А. И. Варьяша[1], который одним из первых заметил в философских публикациях тех лет тенденцию к отрыву материалистической диалектики от развития естественных наук, к преувеличению роли дедукции в философском познании. Обращаясь к философскому творчеству К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина,

---

[1] Варьяш Шандор (Александр Игнатьевич) (1885—1939) окончил историко-филологический факультет Будапештского университета; проходил курс математики в Берлинском университете, член социал-демократической партии Венгрии с 1905 г., Коммунистической партии — с 1919 г. Во время Венгерской Советской республики — профессор Будапештского университета, член Будапештского Совета. Ш. Варьяш переводил труды В. И. Ленина на венгерский язык. С 1922 г. жил в СССР. Работал в Институте философии (с начала 1923 г.), один из организаторов подготавливаемого сборника о диалектическом методе в естествознании. Автор работы «Маркс как математик» (1924). Выступал в рассматриваемый период также по проблемам соотношения формальной и диалектической логики, по истории философии, несколько позднее — по философским проблемам квантовой механики, фрейдизму и др. С 1932 г.— профессор механико-математического факультета МГУ. В 1971 г. в Венгрии изданы «Избранные философские произведения Ш. Варьяша» (составитель И. Шелмеци).

он показывал, что они строили свое мировоззрение не априорно, а опираясь на огромный материал частных наук. Мы не просто применяем законы диалектического материализма к природе и обществу, считал А. И. Варьяш, а сначала абстрагируем их из процессов природы и общества, а затем применяем к новым процессам и находим их в новых процессах, но уже видоизмененными в зависимости от своеобразия условий, в которых они существуют. Что касается соотношения метода и теории диалектического материализма, то А. И. Варьяш не соглашался с тезисом Н. Карева «теория есть рефлексия метода, система метода», но отстаивал позицию, согласно которой мировоззренческая теория лежит в основе всеобщего метода, а метод философии ведет, в свою очередь, в процессе функционирования к расширению мировоззренческой теории [1]. Эта позиция автора, не свободная от некоторых упрощений, более корректно была впоследствии представлена в его работах «Диалектика у Ленина» и «Логика и диалектика» (1928).

Дискуссия была полезной и, в целом, плодотворной (несмотря на некоторые свои минусы) также и в отношении естествоиспытателей, не являвшихся еще марксистами, но уже переосмысливавших свои мировоззренческие установки. Устанавливался контакт и взаимное доверие между марксистами и беспартийными учеными. Преодоление прежних мировоззренческих концепций в значительной мере стало зависеть от умения доказать, убедить.

Важнейшим фактором развития дискуссии и процесса мировоззренческой переориентации явилась публикация произведений классиков марксизма-ленинизма. К этому времени были впервые опубликованы не только труд Ф. Энгельса «Диалектика природы», но и часть конспекта В. И. Ленина «Науки логики» Гегеля («Под знаменем марксизма», 1925, № 1—2) и его статья «К вопросу о диалектике» («Большевик», 1925, № 5—6, а также «Под знаменем марксизма», 1925, № 5—6). В центральной печати широко освещались и пропагандировались главные идеи, пронизывавшие эти работы.

Во впервые опубликованных работах Ф. Энгельса и В. И. Ленина широко очерчивалась специфика философии

---

[1] См.: *Варьяш А.* О том, как не надо писать критику.— Под знаменем марксизма, 1925, № 5—6, с. 215—237.

марксизма как мировоззренческой теории, как гносеологии и методологии и одновременно подчеркивалась ее несовместимость с натурфилософствованием, со схоластическим отрывом от практики естественнонаучного познания. Публикация этих работ содействовала более глубокому пониманию проблемы взаимосвязи философии и естествознания обеими спорящими сторонами и некоторому сближению их позиций (правда, на этом дискуссия не завершилась, наоборот, подключение к обсуждавшимся вопросам проблем теории познания, этики, истории философии и др. вело к увеличению числа ее участников, к расширению рамок дискуссии).

То обстоятельство, что лидерами спорящих сторон в дискуссии были теоретики-марксисты (И. И. Степанов и А. М. Деборин), оказалось фактором, способствовавшим мировоззренческой переориентации значительной части естествоиспытателей-немарксистов в сторону научно-философского, диалектического материализма. Если бы на стороне «механицистов» не было теоретиков-марксистов, то создалась бы ситуация, когда марксистам противостояла бы масса естественников-немарксистов и пути к ним были бы значительно осложнены. Между тем в данной ситуации на их стороне выступили такие известные специалисты-обществоведы и философы-марксисты, как И. И. Степанов, А. И. Варьяш, Л. И. Аксельрод, В. Н. Сарабьянов, не являвшиеся естествоиспытателями. Это заставляло думать, что марксизм не сводится к «деборинским» положениям, нередко отделявшим философию от естествознания. А тот факт, что И. И. Степанов и другие теоретики-«механицисты» стали подвергаться излишне заостренной критике, вызывал сочувствие и симпатию.

И вокруг их позиции, надо признать, объединилось большое число етествоиспытателей, не являвшихся марксистами. На дискуссии в Тимирязевском институте, например, в защиту И. И. Степанова выступили практически все ученые (кроме одного — М. Левина). Совет этого института в принятой резолюции записал: «Открытое заседание совета Государственного Тимирязевского научно-исследовательского института приветствует появление в свет книги тов. И. И. Степанова. Собрание считает, что книга эта, заключая ряд легко исправимых ошибок по частным вопросам естествознания, совершенно правильно освещает основы механистического естествознания и верно намечает его связь с диалектико-материалистическим

мировоззрением»[1]. Значительная часть коллектива этого учреждения, в числе которого были естественники-марксисты и естественнонаучные материалисты, разделяли платформу И. И. Степанова. Таким образом, с самого начала дискуссии не произошло негативного разделения на марксистов (коммунистов), с одной стороны, и естествоиспытателей — с другой.

Немаловажным фактором в установлении союза марксистов с естествоиспытателями-некоммунистами было изменение позиции И. И. Степанова и его сторонников, происходившее под влиянием критики, более углубленного изучения трудов основоположников марксизма, в том числе только что изданных, их стремление не отойти от марксизма, а, наоборот, содействовать его укреплению. И хотя сам И. И. Степанов говорил впоследствии, что все сказанное им в 1924—1925 гг. правильно, фактически имела место некоторая эволюция его воззрений: относительно познавательной ценности диалектического материализма, объема его проблематики, несводимой к проблемам частных наук о природе, необходимости изучения философии Гегеля, по вопросу о соотношении биологического с физическим и химическим и т. п.

Несколько меняется и ориентация Тимирязевского института: его руководство все больше внимания стало уделять диалектике природы, выпуская в дальнейшем сборники с соответствующим названием. Произошло (правда, еще робкое) отмежевание от точки зрения, согласно которой философия без остатка растворялась в выводах и методах естествознания. За нею признавалось не только право на самостоятельное существование, но и большое методологическое значение для конкретных исследований.

Заметное явление в процессе методологического перевооружения «механицистов» в понимании как специфики диалектики природы, так и общебиологических закономерностей в их отношении к физическим и химическим представляет статья одного из их лидеров А. К. Тимирязева, опубликованная в «Вестнике Коммунистической академии» (кн. XVII) под названием «Воскрешает ли современное естествознание механический материализм XVIII столетия?». В ней А. К. Тимирязев, в частности, расценил как играющее на руку виталистам отрицательное

---

[1] Механистическое естествознание и диалектический материализм. Вологда, 1925, с. 82.

отношение А. М. Деборина и его сторонников к распространению методов физики и химии на биологию.

Действительно, квалификация физико-химических и математических методов как «побочных» для биологии отнюдь не была в русле научной революции, развертывавшейся в генетике, и могла навредить прогрессу биологической науки, что, впрочем, и случилось позднее, в годы монополизма в ней лысенковской «концепции». В биологии начинало складываться направление, нацеленное на ее переход к молекулярному уровню, где специфическо-биологические методы требовали органического единства с методами физико-химическими и математическими, а не преуменьшения последних, тем более не противопоставления им.

Этот новый рубеж биологии уже осознавался многими биологами, да и рядом теоретиков-марксистов, преимущественно «механицистской» ориентации. И. И. Степанов утверждал, что наука теперь открывает новые горизонты, сулит свести биологию к молекулярной механике [1]. А. И. Варьяш публиковал работы, в которых убеждал, что математика применима не только к исследованию количественных параметров, но и к изучению качественно своеобразных, в том числе биологических, явлений.

Такой подход к соотношению форм движения материи, методов изучения живого, к оценке роли и значения физико-химических и математических методов был созвучен научным исследованиям Н. К. Кольцова, Ю. А. Филипченко, С. С. Четверикова, А. С. Серебровского и др. естествоиспытателей.

Сторонники методологического редукционизма считали более точным квалифицировать физическое и химическое в биологическом не как «побочное», а как «фундаментальное», лежащее в самом основании жизни. При всей нечеткости философской аргументации представлений о соотношении высших и низших форм движения материи, что мы уже отмечали, сторонники этой позиции, однако, в данном отношении оказались ближе к внутренней тенденции естествознания, чем представители противоположного направления [2]. Их выступления углубляли единство философского и естественнонаучного знания, укреп-

---

[1] См.: *Скворцов-Степанов И. И.* Диалектический материализм и деборинская школа. М.— Л., 1928, с. 134.

[2] Вместе с тем среди «механицистов» имелись биологи, не одобрявшие этой линии, связи с генетикой, математикой и отстаивавшие механоламаркистскую концепцию органической эволюции.

ляли союз философов-марксистов и естествоиспытателей-некоммунистов.

Будет излишне оптимистичным считать, что изменение позиции лидеров «механицистов» по ряду вопросов привело к исчерпанию предмета дискуссии. Дискуссия продолжалась, поскольку происходило углубление в сам предмет обсуждения. Она продолжалась и потому, что спор с самого начала происходил по ряду моментов на разных языках (вкладывался разный смысл в понятия «механицизм», «сводимость», «единственный метод» и т. п.). Упрощенно было бы и представление, будто естественники сразу же, ознакомившись с «Диалектикой природы» Ф. Энгельса, переходили на позиции диалектического материализма.

Этот процесс нередко был связан с методологическим скепсисом, колебаниями, нерешительностью, с постепенным обнаружением недостаточности каузально-аналитического («механистического») стиля мышления. Один из примеров — отношение в те годы к философской методологии главы казанской школы физиологов профессора А. Ф. Самойлова.

В своем докладе «Диалектика природы и естествознание» (1925 г.), опубликованном затем в журнале «Под знаменем марксизма», А. Ф. Самойлов отстаивал позицию естествоиспытателя, верящего еще в силу своего традиционного метода мышления. Однако в его выступлении, отражавшем взгляды массы естествоиспытателей, уже чувствовалась серьезная заинтересованность диалектическим материализмом, желание разобраться в том, какой метод — механистический или диалектический — является более эффективным в конкретных научных исследованиях натуралиста. По его мнению, метод материалистической диалектики применим в социальных науках, но не в естественных, где главенствует эксперимент. Только эксперимент способен обеспечить прогресс в исследованиях природы. Далее он полагал, что материалистическая диалектика умозрительна, ведет начало от Гегеля, и указывая при этом на «виталистическую тенденцию» выступлений некоторых философов, считал, что установление контакта с диалектиками чревато отходом исследователей от истины.

И все же это выступление А. Ф. Самойлова явилось одним из этапов его движения от механицизма как натуралистского мировоззрения к философии диалектического материализма. В понятие «механицизм» он фактически

включал стихийную диалектику, а говоря о диалектике, зачастую смешивал марксистский диалектический метод с популярным и не всегда правильным его изложением в ряде работ того периода. Его теоретическая устремленность вела дальше абсолютизации эксперимента — к признанию важности в науке других, неэкспериментальных, теоретических методов познания. Большое значение имело убеждение в научности методов, применявшихся К. Марксом, Ф. Энгельсом и В. И. Лениным к анализу социальной действительности.

В конце 20-х гг. А. Ф. Самойлов уже отмечал недостаточную эффективность механистической (редукционистской) методологии. Он утверждал, что «наша прежняя уверенность в возможности свести все явления на механику поколеблена», указывал, что механистическое мировоззрение овладело умами ученых не фатально, не раз навсегда, на веки веков. Исходя из данных науки, «мы должны пересмотреть законность нашего устремления к механическому мировоззрению» [1]. Так постепенно, но неуклонно шел ученый к признанию научной эффективности метода материалистической диалектики.

Дискуссия, предметом обсуждения которой была проблема взаимосвязи философии и естествознания, имела непосредственный выход к вопросам тактики марксистов в отношении ученых-некоммунистов, естественнонаучных материалистов.

Некоторые «механицисты» (И. И. Степанов, А. К. Тимирязев) были крайне нетерпимы к естествоиспытателям, допускавшим ошибки идеалистического порядка, и крайне подозрительны к их естественнонаучным теориям. Они не признавали союза с этими учеными. Лидеры «деборинской школы», со своей стороны, оказались крайне нетерпимыми к естественникам-«механицистам», зачастую игнорируя их достижения и их шаги в направлении диалектического материализма. Они отказывались «союзничать» с рядом «механицистов» в борьбе против идеализма и агностицизма, явно недооценивая идеалистическую опасность в естествознании.

Возникает вопрос: действительно ли, как утверждал А. М. Деборин, в те годы фронт материалистов раскололся на два лагеря, на два союза — «диалектиков» и «механицистов»? Нам кажется, с этим согласиться нельзя. Существовал и продолжал развиваться единый союз

---

[1] *Самойлов А. Ф.* Избранные труды. М., 1967, с. 270, 268.

марксистов с естествоиспытателями. На фоне объективно усиливавшейся тенденции к взаимной связи философии и естествознания марксисты так или иначе охватывали своим влиянием основные направления мировоззренческо-методологической мысли естествоиспытателей, содействуя привлечению ученых к диалектическому материализму. Политика партии по отношению к естествоиспытателям в этот период базировалась на ленинских принципах союза марксистской философии и естествознания, на объединении всех марксистских и естественнонаучных сил страны для решения насущных проблем науки. В Институте научной философии, в Секции естественных и точных наук Коммунистической академии и в других учреждениях были объединены в один коллектив философы и естественники. Передача в конце 20-х гг. такого крупного института, как Тимирязевский научно-исследовательский институт, в ведение Коммунистической академии свидетельствовала о стремлении партии организационно обеспечить проведение единой ленинской линии в отношении естествоиспытателей-немарксистов.

2
ПРИМЕНЕНИЕ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ В ЕСТЕСТВОЗНАНИИ

К факторам, воздействующим на политическую и мировоззренческую ориентацию естественнонаучной интеллигенции старой школы, относились также творческая разработка теоретиками-марксистами и естественниками-коммунистами (или учеными, близкими к марксизму) философских проблем естествознания и фундаментальность, научность в интерпретации ими естественнонаучных теорий. Такая включенность марксистов в совместную работу показывала, помимо прочего, отсутствие натурфилософского диктата со стороны марксизма, его совместимость с подлинными интересами науки, родственность и взаимодополняемость соответствующих типов (областей) познания.

Представители марксизма, как и ученые, приближавшиеся к марксизму, начали разработку диалектики природы, философских вопросов естествознания и осмысление естественнонаучных теорий не на пустом месте. Создание диалектико-материалистической философии в результате обобщения практики революционной борьбы

пролетариата и последних достижений науки (политэкономии, философии, естествознания) явилось одновременно и первым сознательным шагом к применению новой методологии в научном исследовании. Рукописи К. Маркса по математике, произведения Ф. Энгельса по диалектике природы, анализ В. И. Лениным сущности и причин кризиса в физике в книге «Материализм и эмпириокритицизм» и другие их работы положили начало применению диалектического материализма в естествознании. Вместе с тем основоположники марксизма-ленинизма многократно подчеркивали необходимость развивать категориальный аппарат философии на основе обобщения данных естествознания, всего комплекса наук о природе и человеке. В. И. Ленин указывал, что «логика и теория познания должна быть выведена из «развития всей жизни природы и духа» [1]. По его мнению, вся область знания (история отдельных наук, физиология органов чувств и т. д.), история познания вообще представляют собой основание, на котором должна сложиться теория познания и диалектика. Этим подчеркивалась необходимость естествознания для нормального функционирования и развития самой материалистической диалектики.

В ряде публикаций первой половины 20-х гг. философы раскрывали ценность наследия классиков марксизма-ленинизма в области материалистической диалектики, чем содействовали привлечению внимания естественников к диалектико-материалистической философии.

В первом приближении к диалектике природы важно было максимально полно проанализировать сам факт диалектического характера протекающих процессов в тех или иных формах движения материи. Убедить стихийного материалиста в диалектичности объекта изучения было равноценно изменению в его логическом мышлении. В теоретических журналах «Под знаменем марксизма», «Спутник коммуниста» (орган МК РКП(б), «Коммунистическая мысль» (орган Киевского губкома КП(б)У) и др. были опубликованы статьи, в которых доказывалось, что диалектика присуща всей природе, что новейшие открытия естествознания не противоречат диалектическому материализму, а, наоборот, подтверждают его. Так, в журнале «Под знаменем марксизма» в 1923 г. были напечатаны переводы выступлений М. Планка, статья, посвященная квантовой теории, где раскрывалась ее пло-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 80.

дотворность, диалектический характер ее основных принципов, доклад Н. Бора «О строении атома» и статья «Первое десятилетие теории Н. Бора». В ряде публикаций показывалось, что диалектика не есть нечто искусственно навязываемое природе, а внутренне присуща всем ее процессам и явлениям.

Среди работ по логике научного исследования внимание привлекали статьи естественника И. Орлова «Логика формальная, естественнонаучная и диалектика», «Математика и марксизм» («Под знаменем марксизма», 1924, № 6—7, 12), «Диалектика эксперимента» («Вестник Социалистической академии», 1923, № 6). В последней из названных статей обосновывалось положение, что для исследования сложных процессов природы «метафизические правила и формальные схемы не могут принести никакой пользы. Экспериментатор должен вносить диалектические различия и открывать диалектические сходства. Только тот исследователь получает ценные результаты, который является хорошим диалектиком. Таким образом, в том, что является наиболее важным для естествознания, т. е. в эксперименте, обнаруживается господство диалектики...» [1].

Одной из главных линий в разработке философии марксизма было в те годы материалистическое осмысление диалектики Гегеля. В статье «О значении воинствующего материализма» В. И. Ленин указывал на необходимость «организовать систематическое изучение диалектики Гегеля с материалистической точки зрения, т. е. той диалектики, которую Маркс практически применял и в своем «Капитале» и в своих исторических и политических работах...» [2]. Группа редакторов и сотрудников журнала «Под знаменем марксизма» должна стать, отмечал он, своего рода «обществом материалистических друзей гегелевской диалектики», а «современные естествоиспытатели найдут (если сумеют искать и если мы научимся помогать им) в материалистически истолкованной диалектике Гегеля ряд ответов на те философские вопросы, которые ставятся революцией в естествознании и на которых «сбиваются» в реакцию интеллигентские поклонники буржуазной моды» [3].

---

[1] *Орлов И.* Диалектика эксперимента.— Вестник Социалистической академии, 1923, № 6, с. 115.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 30.

[3] Там же, с. 30, 31.

Институт научной философии, Институт красной профессуры, журнал «Под знаменем марксизма», другие организации и общества уделяли много внимания материалистическому истолкованию диалектики Гегеля. Не все в этом деле было удачно (некоторые нотки недооценки естествознания, свойственные Гегелю, имели место, как мы видели, у такого знатока гегелевской философии, как А. М. Деборин). Однако сама по себе работа по освоению гегелевского наследства вела к развитию философского мышления, заостряла внимание на специфике философского знания, его несводимости к естественным наукам и создавала предпосылки для его развития применительно к естествознанию. Журнал «Под знаменем марксизма» публиковал ленинский конспект «Науки логики» Гегеля с вступительными замечаниями А. М. Деборина [1]. Этот же журнал поместил на своих страницах в 1923—1924 гг. большую работу А. М. Деборина «Маркс и Гегель». В 1924 г. в Киеве вышла книга В. Ф. Асмуса «Диалектический материализм и логика. Очерк развития диалектического метода в новейшей философии от Канта до Ленина». Советские философы выпустили ряд других интересных работ.

Вопрос о том, в каком направлении разрабатывать диалектику — в плане ли систематизации ее категорий (как у Гегеля) или прежде всего в содержательно-предметном аспекте, решался в пользу второго направления. Показательна в этом отношении статья А. Тальгеймера «О предмете диалектики».

В статье подчеркивалось, что общие рассуждения вокруг диалектики, абстрактное развитие диалектического метода, т. е. независимо от самого материала исследования, представляет бесполезное занятие. Подлинные последователи К. Маркса, писал автор, ненавидели научный дилетантизм, представители которого стремились избавиться от необходимости овладеть материалом науки до мельчайших подробностей, чтобы развивать далее теоретические выводы из этого материала. «Одно из двух. Или жаждущим знания нужно показать диалектику *в ее приложении* к определенным диалектически обработанным областям. Или же, вместо того, чтобы говорить о диалектике, *нужно дать им систему диалектики*. А пока еще такая научная, достаточно разработанная диалектика не написана, следует удовольствоваться

[1] Под знаменем марксизма, 1925, № 1—2, с. 3—5.

первым (т. е. «прикладной» диалектикой)» [1]. Диалектика, отмечал далее А. Тальгеймер, имеет свой специфический материал, им служат категории мышления. В отличие от Гегеля с его отрывом категорий от реальной действительности, марксизм исследует категории в их конкретной жизни, как отражение связи явлений бытия. Отсюда систематизация категорий диалектики требует большой предварительной работы.

Итак, с самого начала осознавалось, что изучение философско-методологических проблем частных наук должно быть связано с исследованием самой материалистической диалектики в предметно-содержательном плане, с «выходом» в перспективе на совершенствование системы ее категорий (как диалектической логики). Разработка мировоззренческих и общеметодологических проблем частных наук означала в то же время перестройку мировоззренческо-методологического основания науки.

Посмотрим теперь на то, как решались некоторые из конкретных вопросов, касающихся приложимости принципов и понятий материалистической диалектики к естествознанию.

Одним из самых сложных вопросов, исследовавшихся марксистами в 1923—1925 гг. и касавшихся философско-мировоззренческой интерпретации естественнонаучных теорий, был вопрос об отношении к теории относительности А. Эйнштейна. В эти годы развернулась дискуссия вокруг определения мировоззренческо-методологических оснований теории относительности, характера вытекающих из нее философских выводов и мировоззренческой позиции ее создателя.

Прежде чем остановиться на существе дискуссии, коснемся одного неверного представления, сложившегося позднее и заключающегося в утверждении, будто философы виноваты в негативном отношении к теории относительности А. Эйнштейна. Но факты говорят о другом.

Известно, что участники дискуссии были представлены как естественниками, так и философами. Среди них были как сторонники теории относительности, так и ее противники. Однако ведущая линия представителей философского знания по данной проблеме, как она была обозначена в рассматриваемые годы в журнале «Под знаменем марксизма» и в других основных изданиях,

---

[1] *Тальгеймер А.* О предмете диалектики.— Вестник Социалистической академии, 1923, № 2 (январь), с. 99.

была направлена на ее поддержку. Она всецело совпадала с оценкой А. Эйнштейна В. И. Лениным, который назвал его «великим преобразователем естествознания» [1], с позицией Коммунистической академии и ведущих физиков и математиков нашей страны. Известно, что в 1922 г. А. Ф. Иоффе, В. А. Стеклов и П. П. Лазарев обращались в Академию наук с предложением избрать А. Эйнштейна членом-корреспондентом (избран 2 декабря 1922 г.). Они отмечали, что «Эйнштейн — наиболее выдающаяся фигура в современной теоретической физике» [2].

Поэтому очевидна заведомая дезинформация советологов, будто с 20-х гг. эйнштейновская теория относительности у нас была «запрещена», потому что «противоречила» диалектическому материализму [3].

При оценке состава участников дискуссии того времени наблюдается стремление представить некоторых физиков и математиков, выступающих с опровержением теории относительности (А. К. Тимирязева, А. А. Максимова и др.), в качестве философов.

Однако возведение физиков А. К. Тимирязева и А. А. Максимова в ранг философов несостоятельно потому, что по крайней мере до середины 20-х гг. у них не было работ сугубо философского плана (А. К. Тимирязев получил специальность в 1909 г. на математическом отделении физико-математического факультета Московского университета; А. А. Максимов окончил физико-математический факультет Казанского университета в 1916 г.). В рассматриваемые годы они являлись физиками, пытавшимися применить философию диалектического материализма в теоретической сфере своей науки. Лишь позднее, к концу 20 — началу 30-х гг. А. А. Максимов по своему профессиональному статусу становится представителем философского знания (с 1929 г. — профессор Института красной профессуры, с 1934 г. — доктор философских наук).

Вместе с тем ни А. К. Тимирязев, ни А. А. Максимов не были метафизическими материалистами (как пытаются утверждать некоторые на том основании, что они выступали против диалектической по своему характеру теории

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 29.

[2] Известия Российской Академии наук, VI серия, т. XVI. Л., 1922, с. 42.

[3] *Falk H.* Die Weltanschauung des Bolschewismus. Würzburg, 1952, S. 58.

относительности). В действительности они стремились применить (другое дело — насколько правильно) материалистическую диалектику в естествознании. По-видимому, анализ их позиции должен идти по четко обозначенным основоположниками марксизма критериям материализма и диалектики (диалектического материализма), а не по произвольно выбранным основаниям. При этом важно не упускать из виду неоднозначность связи между философией и частнонаучными теориями: ни одна из теорий естествознания (также как и ни одна из школ в естествознании) не является «марксизмом в естествознании». Подобно тому как с теорией относительности могли устанавливать связь самые разные философские течения (и на этом фоне диалектический материализм вправе претендовать на самое глубокое ее философское осмысление и единственно научное взаимное соответствие), так и физики, овладевшие диалектико-материалистической философией, вправе по-своему относиться к ней (на общем фоне принципиального решения в философии вопроса о необходимости соответствия ее принципов и содержания принципам и содержанию естествознания).

И это потому, что для оценки физической теории, сколь бы широка она ни была, необходимо помимо философских соображений прежде всего принимать во внимание соображения частнонаучного порядка: если теория оказывается несостоятельной в этом плане, то всякая ее философская поддержка бесполезна и консервативна.

Именно учет этого обстоятельства, если брать дискуссию 1923—1925 гг., и был позитивным моментом у противников теории относительности. Но это было присуще и ее сторонникам. Только первые считали, что теория относительности экспериментально не обоснована, а вторые придерживались другой оценки и полагали, что имеющиеся факты могут быть лучше объяснены иначе. В те годы, как отмечал философ И. К. Луппол, судьбу теории относительности решали не статьи, вышедшие из кабинетов, а результаты опытов [1]. Последующее развитие физики, приведшее к укреплению экспериментально-опытного основания теории относительности, показало, кто в конечном счете занимал более перспективную позицию. И наряду с некоторыми, очень немногими физиками, стоявшими на позициях марксизма, в числе «отставших» оказались и

---

[1] См.: *Луппол И. К.* Философия в СССР за 10 лет.— Общественные науки СССР. 1917—1927 гг., с. 14.

некоторые физики-немарксисты, а на Западе — значительная часть физиков. Так что к науке, как показывает исторический опыт, нужно относиться как к науке и не противопоставлять марксистов естественникам, философию — естествознанию.

У тех участников дискуссии, кто стремился найти опору в понятиях диалектического материализма, имелись и ошибки философского плана, лежавшие в плоскости интерпретации данных естествознания.

Наиболее серьезной было смешение критерия материализма: вместо определенного решения проблемы соотношения духа и природы бралась взаимосвязь теории и практики (научного опыта), понимаемая упрощенно. Считалось, что материалистической может быть только та теория, которая в своем понятийном аппарате непосредственно отражает явления и структуры физической реальности. Теория же относительности А. Эйнштейна представляла принципиально другой тип теории — гипотетико-дедуктивный, в которой в отличие от описательных теорий связь понятийного аппарата с опытом была опосредствованной, преобладающим методом рассуждений в ней являлась не индукция, а умозрение, большое место отводилось мысленным экспериментам. Помимо приверженности отдельных физиков в силу традиций и ряда других причин к теориям описательного типа, имевшуюся у них подозрительность к абстрактным концепциям усилили, по всей видимости, известный практицизм части марксистов первых послеоктябрьских лет и особенно схоластическая умозрительность буржуазных философов начала нэпа, их связь с контрреволюцией. Поэтому не случайным оказалось то, что полемика по проблеме отношения марксистов к теории А. Эйнштейна зародилась в момент наивысшего напряжения борьбы с философским идеализмом (1922) и развернулась в 1923—1925 гг. Здесь, по нашему мнению, кроются и истоки негативизма некоторых наших философствующих физиков того периода к мысленным (или, как тогда говорили, «умственным») экспериментам и «умозрительности» теории относительности.

Мы уже касались взглядов А. К. Тимирязева на связь теории и эксперимента как гаранта материалистичности. При этом он опирался на положения классиков марксизма, посвященные взаимоотношению теории и практики. Все это было бы полезно, если бы А. К. Тимирязев и его сторонники в определении материализма и идеализма на

первый план ставили проблему соотношения духа и природы, мышления и бытия. А этого-то как раз и не делалось, критерий разграничения материализма и идеализма был неверным.

Еще одна ошибка физиков, стремившихся применить принципы материалистической диалектики к интерпретации теории А. Эйнштейна,— недостаточно четкое разграничение теории, с одной стороны, и мировоззренческой позиции ее творца — с другой.

У А. Эйнштейна, действительно, имелись выступления, точнее, высказывания, которые могли быть расценены как приверженность махизму и кантианскому априоризму. Однако являлись ли эти заявления подлинными его мировоззренческими установками и были ли они в составе философско-мировоззренческих оснований теории относительности? Как показал анализ данной стороны вопроса (в особенности, в работах С. Ю. Семковского, А. Тальгеймера и А. А. Гольцмана), эти различные стороны в должной мере не дифференцировались А. К. Тимирязевым и А. А. Максимовым.

Коснемся теперь той философской оценки теории относительности, которая, как показала история науки последних 60 лет, являлась более адекватной самому духу теории.

В феврале 1924 г. в Секции научной методологии Коммунистической академии проходило обсуждение вопроса о теории А. Эйнштейна. В выступлении О. Ю. Шмидта по этому вопросу говорилось: «Мы должны вдуматься и проверить факты. Что говорят факты? Факты, решающие вопрос в ту или другую сторону полностью, еще не пришли. Тов. Тимирязев предугадывает, что они, несомненно, стоят против Эйнштейна. Мы говорим только, что мы не знаем, как факты решат Эйнштейново пространство, пока оно разработано только идеалистами или формалистами-математиками, притом в довольно запутанной форме. Оно может быть нами поставлено с головы на ноги, как это марксистами сделано по отношению к другим теориям, и, может быть, пройдет еще много времени, пока мы это сделаем. Но пока что фактов много, и они заставляют нас думать, что принимаемая Эйнштейном концепция не неправильна. Мне кажется, что мы найдем более материалистический подход к Эйнштейну, нежели к Ньютону. Другие понимают иначе. Давайте посмотрим, как выйдет. Я считаю, что перед нами, марксистами, работниками точных наук, одной из ближайших задач

является использование Эйнштейна, отвоевание у буржуазной науки того, что у него есть ценного. Релятивистская философия первая Эйнштейном воспользовалась и первая стала из него капитал для себя добывать. Отсюда не следует, что мы должны его отвергнуть. Постараемся и мы из него... взять то, что отвечает нашему мировоззрению» [1].

Выступая с обширным докладом в Харькове в феврале 1924 г., С. Ю. Семковский подчеркивал, что теория относительности представляет важнейший шаг в изучении времени и пространства, что попытка А. Эйнштейна «в основном идет по пути диалектического материализма» [2]. Отбрасывая в качестве слабо обоснованного положение А. Эйнштейна о конечности мира (указав при этом на критику математических выкладок А. Эйнштейна ленинградским физиком А. А. Фридманом), С. Ю. Семковский развернул спектр материалистических оснований теории относительности. В частности, было подчеркнуто, что «релятивирование» идет у Эйнштейна рука об руку не с субъективированием, а, напротив, с объективированием понятий пространства и времени, т. е. по пути дальнейшего выключения субъективности познающего «я» из представлений о природе. Принцип относительности, как показывает С. Ю. Семковский, лишь укрепляет материалистическое представление, что мир природы существует независимо и самостоятельно от процесса познания.

С. Ю. Семковский убедительно продемонстрировал материалистический подход А. Эйнштейна к решению вопроса о том, какую структуру — евклидову, риманову или иную — имеет четырехмерный пространственно-временной континуум. В противовес философским релятивистам, прагматистам и конвенционалистам он занимал позицию, согласно которой вопрос о структуре указанного континуума оказывался вопросом собственно физическим, который должен быть разрешен опытом, а не путем соглашения, исходя из соображений целесообразности.

По мнению С. Ю. Семковского, картина мира в теории относительности конкретнее, чем прежняя, ньютонова картина мира абстрактного материализма. Материалистически-метафизическое представление заключалось в констатации трех отдельных самодовлеющих сущностей:

---

[1] Вестник Коммунистической академии, кн. VII, 1924, с. 368.

[2] *Семковский С. Ю.* Теория относительности и материализм. Киев, 1924, с. 65.

пространство и время, не завися от многообразно движущейся материи, сохраняли свою, раз навсегда данную, неизменность и однородность. Теория же относительности убеждает, что структура пространства и течение времени зависят от материи и движения, от движущейся материи. А. Эйнштейн обнаружил неразрывную диалектическую связь пространства, времени, материи и движения; основной нерв его теоретической системы есть диалектика.

В докладе отмечалось, что философские взгляды самого А. Эйнштейна страдают, по-видимому, большой неопределенностью и сам он, пожалуй, является худшим философским интерпретатором своей теории. За его ошибочные мировоззренческие положения и ухватились идеалисты. В частности, предпринимаются попытки выдать его за релятивиста и в теории познания. Но анализ действительных позиций А. Эйнштейна свидетельствует о том, что в понимании соотношения абсолютной и относительной истины ученый стоял на точке зрения диалектики и материализма. Сам метод, положенный в основу теории относительности, есть именно метод приближения к объективной истине, как он очерчен в диалектическом материализме. Ведь главную доказательную силу своих формул А. Эйнштейн усматривает в том, что в первом приближении они дают формулы Ньютона, включая их как свой частный случай. У Эйнштейна, отмечает С. Ю. Семковский, в данном плане не случайно высказанные мысли, а коренной метод, лежащий в основании теории относительности; и это должно быть ясно для всякого, кто судит о ней не по вырванным кускам и выхваченным фразам, а по ее существу.

С. Ю. Семковский, по-видимому, одним из первых философов-марксистов дал довольно полный анализ теории относительности А. Эйнштейна на уровне мировоззренческого, общеметодологического основания. Его выводы из рассмотрения существа теории вытекали логично из его суждений, и эти выводы убеждали в материалистичности и диалектичности теории относительности. Некоторые недочеты его позиции (к примеру, трактовка материи то в философском смысле, то в смысле естественнонаучном) не отражались на общей интерпретации теории относительности.

Диалектико-материалистический, научный подход к теории относительности А. Эйнштейна, ее новое философское осмысление не только выявляли соответствие ее философского основания материалистической диалектике,

но и открывали новые перспективы в сотрудничестве философов-марксистов со специалистами-физиками.

Рассмотрение взаимоотношений марксистской философии с естествознанием, как они складывались к середине 20-х гг., показывает плодотворность первых ее контактов не только с физикой, но и с биологией, психологией, математикой, другими науками. Остановимся в этой связи на некоторых философских проблемах общей биологии и генетики.

Одной из наиболее актуальных проблем, обсуждавшейся в философской и биологической литературе первой половины 20-х гг., была проблема взаимоотношения марксизма и дарвинизма с мутационной теорией. За ней стояла фактически проблема отношения марксизма к генетике.

Преодолевая попытки отдельных ученых распространить теорию естественного отбора и борьбу за существование на область социальных явлений, как и попытки социологизировать некоторые категории биологии, что являлось следствием неправильно понятой связи дарвинизма с социологией, марксисты, в том числе биологи-коммунисты, поддерживали биологов — естественнонаучных материалистов в разработке дарвиновской концепции эволюции (т. е. объяснения эволюции на основе естественного отбора), показывали ее материалистический характер, направленность против идеалистического телеологизма, насыщенность диалектическими идеями.

В тот период появились новые факты и новые теории (особенно в генетике), которые делали не столь однозначной оценку отдельных аспектов теории Ч. Дарвина. Наиболее значительной из этих концепций была мутационная теория голландского ботаника де Фриза.

Де Фриз одним из первых обратил внимание на законы Менделя и выдвинул в 1901—1903 гг. концепцию генетического мутационизма в форме теории эволюции[1]. Понятие «мутация» определялось им как элементарное, внезапное, качественное, устойчивое изменение единицы наследственности. Де Фриз различал флюктуирующую изменчивость (мелкие, ненаследственные изменения, возникающие под действием внешней среды) и мутационную изменчивость (резкие, внезапные, наследственные изменения, не зависящие или слабо зависящие от внешних

[1] В сентябре 1901 г. де Фриз изложил свою теорию в докладе на съезде естествоиспытателей в Гамбурге. Русский перевод опубликован в сб. «Теория развития», ред. В. А. Фаусек. Спб., 1904.

условий). По его теории, виды развиваются не постепенно, как считалось раньше, а скачками, «взрывами». Периоды длительного покоя, постоянства видов чередуются с кратковременными периодами мутаций. Дарвиновская индивидуальная изменчивость включалась де Фризом в разряд флюктуирующей, т. е. ненаследственной, изменчивости. Для видообразования, утверждал он, не нужно ни борьбы за существование, ни устранения негодных особей, ни отбора. В дальнейшем, правда, де Фриз несколько изменил свою оценку естественного отбора (1910). К. М. Завадский полагает, что теория де Фриза являлась одной из основных разновидностей генетического антидарвинизма. Хотя эволюционные воззрения де Фриза и были противоречивы, в основных его трудах все же преобладали мотивы учения, противостоящего дарвинизму (т. е. признанию естественного отбора) [1].

Отношение мутационной теории к дарвинизму широко освещалось в печати того времени. Так, в опубликованной в журнале «Под знаменем марксизма» (1924, № 8—9) статье Д. Гульбе критиковались те, кто был увлечен мутационной теорией де Фриза, и обосновывалось положение, что резкие, внезапные изменения в живой природе не могут иметь места, они противоречат эволюции, постепенному и медленному накоплению количественных изменений, закону перехода количества в качество. В другой статье [2] отмечалось, что в науке накопилось достаточное количество фактов мутационной изменчивости для того, чтобы можно было углубить понимание дарвиновской концепции эволюции, обращалось внимание на то, что противопоставление дарвинизма мутационной теории в отношении выдвигаемого ими различного типа изменчивости в значительной степени основано на недоразумении.

Наиболее широкими были трактовки данной проблемы А. А. Суховым и Б. М. Козо-Полянским.

Книга А. А. Сухова «Идеи революции и эволюции в естествознании» (первое издание — «Революция и эволюция в естествознании». Одесса, 1922) свидетельствует о знакомстве автора с марксизмом. Он приводит, например,

---

[1] См.: *Завадский К. М.* Развитие эволюционной теории после Дарвина (1859—1920 годы). Л., 1973, с. 278; см. также: Развитие эволюционной теории в СССР (1917—1970 годы). Л., 1983, с. 22.

[2] См.: *Дучинский Ф.* Дарвинизм и теория мутаций.— Под знаменем марксизма, 1925, № 3, с. 128—139.

высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса относительно характера общественного развития, неизбежности смены эволюционных периодов в обществе революциями. Вместе с тем книга А. А. Сухова показательна как момент в мировоззренческой переориентации части стихийных материалистов. Взгляды ее автора свидетельствуют о том, что стихийные материалисты-естественники порой далеко не сразу и не в полном объеме знакомились с философией марксизма. Для тех из них, кто был политически близок к Советской власти, оказалась более понятной социологическая сторона этой философии; исходя из нее и обнаруживая аналогичные закономерные черты в природе, они приходили (или способны были приходить) к признанию элементов диалектического материализма (в случае с А. А. Суховым это было признание универсальности понятия скачка). Соотношение эволюционной теории Ч. Дарвина и мутационной теории и осмысливалось А. А. Суховым под углом зрения этого понятия. Он считал, что Ч. Дарвин задолго до де Фриза доказал наличность скачкообразного развития у растений и животных. Даже при осторожной терминологии Ч. Дарвина, писал А. А. Сухов, у него встречается признание мутаций как появления «новой разновидности», на самом же деле в его примерах различия между внезапно появившейся формой и старой равняются видовым. Дарвиновская эволюционная теория, делается вывод в книге, фактически включает в себя мутационную теорию в ее широком понимании.

Книга Б. М. Козо-Полянского «Диалектика в биологии» (1925), представляющая цикл лекций, прочитанных в Воронеже летом 1924 г., посвящена, как подчеркнуто автором в подзаголовке, контакту эволюционной теории и материалистической диалектики. В отличие от А. А. Сухова, Б. М. Козо-Полянский, в прошлом тоже стихийный материалист, открыто объявляет себя сторонником материалистической диалектики и оперирует материалом преимущественно из философских произведений основоположников марксизма. Он отмечает, что до сих пор по проблеме «диалектика и дарвинизм» выступали только философы-марксисты, а не биологи, причем некоторые из них грешат недостаточным знакомством с материалом биологии, что ведет к некритической оценке таких, например, теорий, как концепция де Фриза.

Критикуя автогенез (недооценку действия внешних условий) де Фриза, Б. М. Козо-Полянский пишет, что развитие науки отбрасывает идеалистические моменты в

трактовке причин изменчивости живого. Неудачным оказалось положение, будто наследственная изменчивость, мутирование, осуществляется вне зависимости от внешних условий. Мутационное формообразование обусловливается и внешними, и внутренними материальными причинами. Подчеркивая, что наличие скачков в органической природе есть факт, равно как и фактом является наличие постепенности, медленности изменений, Б. М. Козо-Полянский заключал, что нельзя считать ошибкой, когда, подобно Ч. Дарвину, процесс эволюции называют постепенным процессом, если только при этом не отрицается принцип перерывов, или скачков. Отсюда, как и некоторые другие биологи, он пришел к выводу, что Ч. Дарвин фактически признавал существование (и большую роль в эволюции) скачков, мутаций, только название им он давал другое. Иными словами, теория Дарвина есть диалектическая теория, полностью согласуемая с «принципом перерывов непрерывности», т. е. с всеобщим законом перехода количества в качество.

Интересно заметить, что вопрос о соотношении постепенности и скачка у Б. М. Козо-Полянского оказывается неразрывно связанным с вопросом о соотношении внешнего и внутреннего, и такая связь осуществлена на основе введения в анализ биологического материала философского закона перехода количества в качество. С этой точки зрения скачки (качественные изменения) обусловлены внутрисистемным механизмом количественных изменений и зависят от внешнего (извне поступающая энергия действует через внутренний механизм количественных, структурных перестроек). Если биологи, ограниченные рамками сугубо биологических понятий, не могли достаточно последовательно вести борьбу одновременно против автогенеза и механоламаркизма, то введение (проникновение) в биологию материалистической диалектики позволяло занять новую и перспективную позицию в данном вопросе.

В опубликованной в журнале «Под знаменем марксизма» рецензии на книгу Б. М. Козо-Полянского биолог-марксист Б. М. Завадовский отмечал, что книга небесполезна специалистам-биологам, которые смогут поучиться из нее тому, что такое диалектический материализм и какую он имеет связь с общебиологическими проблемами. Вместе с тем он обратил внимание на неоправданно отрицательное отношение к генетике. «Нам же кажется,— говорилось в рецензии,— что здесь необходимо делать различие между генетикой, как наукой, которая является

огромным приобретением и вносит много ценного, хотя бы в те же наши представления о путях и способах *прерывистости* в развитии форм жизни, от тех схоластических наслоений и лжетолкований, которые дают фактам современные генетики, представляющие науку и ищущие в генах некие метафизические и даже мистические сущности» [1].

Влияние идей материалистической диалектики на естествоиспытателей рассматриваемого периода становилось тем сильнее, чем больше теоретические выводы марксистов подкреплялись фактами, полученными опытным путем. Так, в 1925 г. впервые советскими учеными Г. А. Надсоном и Г. С. Филипповым была показана возможность вызывания мутаций воздействием рентгеновых лучей; в 1927 г. американскому ученому Г. Мёллеру удалось получить у дрозофилы при облучении рентгеновыми лучами мутации различных типов; в дальнейшем было доказано влияние различных факторов внешней среды на появление мутаций. Это наносило удар по автогенетическим концепциям эволюции, сводившим причины изменчивости лишь к внутренним факторам, служило наглядным свидетельством верности взятого биологами — сторонниками диалектического материализма курса на достижение единства дарвиновской концепции эволюции, главного в ней — естественного отбора с новейшими данными генетики. В этом отношении их позиция совпадала с позицией Н. К. Кольцова и других биологов, выдвигавших (еще до работ С. С. Четверикова) идею синтеза генетики и дарвиновской концепции эволюции.

В первой половине 20-х гг. в центре обсуждавшихся философских проблем биологии была и проблема происхождения жизни.

Здесь так же, как и на многих других участках естествознания, вызревала сознательная диалектико-материалистическая мысль, еще сопряженная порой с непоследовательностью и противоречивостью традиционных стихийно-материалистических убеждений.

Проблема происхождения жизни является логической и исторической предпосылкой учения об эволюционном развитии организмов и одной из опорных точек диалектики как логики и теории познания; она имет важное мировоззренческое и общеметодологическое значение.

В начале 20-х гг., как отмечалось выше, русские идеа-

---

[1] Под знаменем марксизма, 1925, № 3, с. 261—262.

листы и мистики сделали гипотезу панспермии орудием борьбы с материализмом и марксизмом. Отдельные естествоиспытатели (В. И. Вернадский, С. П. Костычев, П. П. Лазарев и др.) склонялись к ее признанию и в той или иной мере выступали с отрицанием абиогенеза (зарождения вне живого). Гипотеза панспермии сама по себе имеет право на существование и в наши дни, но только в сочетании с положением о происхождении жизни из неорганической материи и с принципиальным признанием возможности искусственного создания живого в лабораторных условиях.

Еще в 1875 г. К. Маркс выразил свое отношение к данной гипотезе в ее гельмгольцовском варианте, сказав, что он не принимает «подобных объяснений, которые решают задачу перенесением ее в другую сферу» [1]. Ф. Энгельс в «Диалектике природы» нарисовал картину развития Земли вплоть до возникновения человека; основываясь на канто-лапласовской космогонической гипотезе, он выдвинул научное предположение, что в определенных условиях на Земле появился жизнеспособный белок, а затем образовалась и живая протоплазма. В «Анти-Дюринге» он дал свое, ставшее классическим, определение жизни как способа существования белковых тел. Правда, он замечал, что «белковое тело» — термин «неудачный» и что его дефиниция жизни «весьма недостаточна». Но важно отметить, что Ф. Энгельс обобщал данные естествознания того времени и предвидел возможность совершенствования определения жизни — при обязательном условии указания на материальную структуру с соответствующей ей биологической функцией. И что для нас еще более важно в разбираемом случае — он связывал возникновение жизни с химическими процессами, приведшими к образованию белковых тел.

В первой половине 20-х гг. некоторые из биологов (в том числе биологов-марксистов) в своих работах намечали в принципе аналогичные пути решения проблемы, обосновывая в общетеоретическом, мировоззренческом аспекте гипотезу возникновения жизни из неорганической природы.

Это было своего рода преддверием к развертыванию соответствующих лабораторных работ. В 1923 г. сообщалось, например, об экспериментах А. Н. Баха и его сотрудников по синтезу белка. В статье «К вопросу о синте-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 34, с. 117.

зе белка», помещенной в «Записках Коммунистического университета имени Свердлова» (это тоже примечательный момент — публикация о новейших исследованиях естественников в партийном журнале), высказывалось предположение, что если мы узнаем, как образуются аминокислоты в растении, то разрешим и вопрос о синтезе белка в нем [1].

В 1924 г. с обоснованием материалистической и по существу диалектической гипотезы происхождения живого из неорганической материи выступил А. И. Опарин [2]. В книге «Происхождение жизни» им подвергается критике отжившая теория произвольного самозарождения жизни и освещаются главнейшие свойства живого в их сопоставлении со свойствами неорганической природы. Формулируется вывод, что непроходимой пропасти между ними не существует. Излагая свою концепцию происхождения живого, А. И. Опарин отмечал, что приведенное объяснение — одно из возможных. «В нашем распоряжении,— указывал он,— еще очень мало фактов, дающих нам возможность вполне уверенно утверждать, что данный процесс шел именно так, а не иначе. Мы еще очень и очень мало знаем о строении коллоидальных гелей и еще меньше знаем о физико-химической структуре протоплазмы; но это наше незнание является, несомненно, только временным. То, что мы не знаем сегодня, мы узнаем завтра» [3].

В последующие годы А. И. Опарин всесторонне разрабатывает свою гипотезу, в основе которой лежит материалистический принцип первичности материи (природы) и диалектический принцип развития и которая получила в наше время широкое признание среди советских и зарубежных ученых [4].

Таковы были некоторые из первых результатов при-

---

[1] См.: *Титаев А. А.* К вопросу о синтезе белка.— Записки Коммунистического университета имени Свердлова, т. 1, 1923, с. 154.

[2] А. И. Опарин (1894—1980) в 1917 г. окончил Московский университет, в 1919—1922 гг.— член коллегии Химического отдела ВСНХ; в 1921—1925 гг.— преподаватель по кафедре физиологии растений МГУ; под руководством А. Н. Баха вел научную работу в университете и в Институте им. Карпова.

[3] *Опарин А. И.* Происхождение жизни. М., 1924, с. 69—70.

[4] В 1941 г. вышло второе, а в 1957 г.— третье издание его книги «Возникновение жизни на Земле». В 1960 г. опубликован труд А. И. Опарина «Жизнь, ее природа, происхождение и развитие». За цикл работ по проблеме происхождения жизни ему была присуждена Ленинская премия.

менения материалистической диалектики в общей биологии, генетике и биохимии к середине 20-х гг.

В книге И. Яхота «Подавление философии в СССР (20—30 годы)», вышедшей в Нью-Йорке в 1981 г., утверждается, что в нашей стране «под видом усиления идеологической борьбы шел процесс активного вмешательства философов в различные области научного знания — генетику, физику, статистику, социологию и т. д. И везде это имело драматические, а то и трагические последствия». Заметим, что говорится это в заключении к книге, посвященной истории советской философии 20—30-х гг., следовательно, дается оценка и взаимоотношению философии и естествознания первой половины 20-х гг., рассматриваемых сейчас нами. И. Яхот обращается затем к дискуссиям в генетике в 1939 и 1948 гг. и подчеркивает, что этот пример «достаточно ярок, чтобы читатель мог увидеть типичность картины, а также тщетность попыток «приукрасить», «улучшить» историю тех лет» [1].

Автор не объективен.

В советской философской литературе имеется достаточно работ, всесторонне и глубоко освещающих предпосылки, ход и последствия дискуссий в генетике 30-х и 40-х гг. Вспомним хотя бы монографию И. Т. Фролова «Генетика и диалектика» (М., 1968). Никакого «приукрашивания» в этой книге нет, и не случайно она, как и ряд других, обойдена молчанием И. Яхотом.

Советские исследователи не скрывают того, что в развитии философии и естествознания с начала 30-х и до середины 50-х гг. имели место осложняющие факторы, затронувшие союз философов и естествоиспытателей и затормозившие в известной мере процесс приобщения естествоиспытателей-некоммунистов к диалектическому материализму, творческое овладение ими всеобщей философской методологией [2]. Это были годы суровых испытаний, и союз марксистской философии и естествознания не поддался чуждым ему деформациям, сохранив в этих условиях то здоровое основание, которое было заложено еще с первых дней после революции.

Изложенный нами материал по взаимоотношению философов и естествоиспытателей первой половины 20-х гг.

---

[1] *Яхот И.* Подавление философии в СССР (20—30 годы). N. Y., 1981, с. 287.

[2] Кстати, эта сторона вопроса освещалась довольно подробно и автором данной работы еще в 1970 г. в книге «Марксистско-ленинская философия и медицина в СССР».

показывает неверность утверждения И. Яхота о том, будто активное «вмешательство» философов в генетику и физику влекло за собой «драматические», а то и «трагические последствия». Этот материал доступен научной проверке. И он свидетельствует как раз об обратном, а именно о том, что подключение философов-марксистов к разработке философских проблем естествознания в те годы было плодотворным, содействовало разрешению общетеоретических трудностей в науке и служило одним из факторов ускоренного развития советской науки в 30—40-е гг.

Воздействие философии на естествознание и научное творчество многоканально, не всегда прямолинейно, оно тоньше и глубже многих явных, на поверхности развертывающихся событий.

В специально-научных работах естествоиспытателя может и не быть прямых упоминаний о марксизме, и тем не менее такие работы могут оказаться результатом вовсе не абстрактного, «чистого» естествоиспытательского «социально-независимого» мышления, но быть следствием ряда факторов как внутринаучного, так и социального характера.

Пример — труд С. С. Четверикова «О некоторых моментах эволюционного процесса с точки зрения современной генетики», написанный осенью 1925 г. (статья опубликована в 1926 г. в «Журнале экспериментальной биологии», серия А, т. II, вып. 1, 4).

Этот труд оказался классическим, оцениваемым как крупная веха в развитии представлений генетики, как работа, положившая начало синтезу генетики и дарвинизма. С. С. Четвериков сумел найти плодотворные пути естественного сближения и взаимного обогащения генетики и дарвинизма. Его работа заложила теоретические основы генетики природных популяций и послужила программой для многих экспериментальных исследований, выполненных как в нашей стране, так и за рубежом. Ученый проанализировал в генетическом плане такие фундаментальные проблемы, как вид, изоляция, взаимодействие мутагенеза и отбора, размах изменчивости природных популяций. Он прозорливо предсказал, что природные популяции буквально насыщены разнообразными рецессивными мутациями, которые составляют неисчерпаемый материал для действия естественного отбора. Положение С. С. Четверикова уже в 20-х — первой половине 30-х гг. было подтверждено многочисленными

исследованиями его учеников и последователей на различных видах дрозофилы (Б. Л. Астауров, Е. И. Балкашина, Н. К. Беляев, С. М. Гершензон, Н. П. Дубинин, П. Ф. Рокицкий, Д. Д. Ромашов, Е. А. и Н. В. Тимофеевы-Ресовские). В итоге снималось одно из самых существенных возражений дарвинизму об отсутствии достаточного материала для действия естественного отбора[1].

Работа С. С. Четверикова имела свои мировоззренческие и общенаучные предпосылки. Среди них отмечается системный стиль мышления. С. С. Четвериков представлял органическую природу как определенную иерархически организованную целостность и соотносил факторы эволюции с разными уровнями биологической организации; он установил, что мутационный процесс осуществляется на физиологическом уровне (а его продукт служит материалом популяционной динамики); свобода скрещивания и изоляции действует на популяционном уровне (здесь решается судьба отдельных мутаций и определяются условия протекания отбора); естественный отбор относится к более высокому уровню, включающему живую и неживую внешнюю среду; его попытка выяснить каналы обратной связи впервые привела к взгляду на эволюцию как саморегулируемый процесс.

К социокультурным предпосылкам его теории следует отнести ту особую организацию научных обсуждений, которая была свойственна С. С. Четверикову и некоторым другим ученым 20-х гг. Стремясь к демократизму мнений, свободному от догматизма и формально-равнодушного заслушивания докладов на конференциях, Четвериков организовал при Лаборатории генетики Института экспериментальной биологии дискуссионный кружок («Генетический Соор»). В него входили Н. К. Кольцов, А. С. Серебровский, В. В. Сахаров и некоторые другие. Обсуждения проблем генетики здесь носили на себе печать революционной культуры, демократизма и микрогрупповой диалогичности, в максимальной степени соответствующей противоречивому характеру развития революции в науке[2].

Небесполезно вспомнить также, что С. С. Четвериков, выходец из семьи крупного фабриканта, уже в 18-летнем возрасте читал нелегальную марксистскую литературу.

---

[1] См.: Развитие эволюционной теории в СССР (1917—1970 годы). Л., 1983, с. 64—65.

[2] См.: *Четвериков С. С.* Проблемы общей биологии и генетики. Новосибирск, 1983, с. 72—75.

«В мои руки,— писал он,— попадали то печатные книги, то литографированные, а то и просто написанные от руки. Я узнал и с величайшим уважением произносил имена Маркса, Энгельса, Плеханова и Ленина. Часть этих книг я долго хранил потом... Впервые дошло до моего сознания, что жизнь человеческая подчинена своим особым объективным законам, что эту жизнь человек строит не согласно своей фантазии, иногда очень передовой, а что существуют объективные законы развития человеческого общества, которым это общество всецело подчиняется. Тезис Маркса, что не сознание определяет бытие, а бытие определяет сознание, явился для меня величайшим открытием, и все эти новые для меня мысли заставили нацело пересмотреть свое отношение к общественной жизни, к политической и классовой борьбе, которые как раз в это время начали принимать ясные, четкие формы» [1]. Будучи студентом Московского университета, он изучает первый том «Капитала» Маркса, другие марксистские произведения, а в 1905 г. был делегирован от студентов в Московский стачечный комитет и проводил, как он сам отмечал, «строго большевистскую линию» [2].

Приведенные факты не связаны непосредственно с содержанием научной статьи С. С. Четверикова 1926 г., но все это — взаимосвязанные факты одной жизни. Мы не говорим уже о том, что Институт экспериментальной биологии, в котором развернулся его талант, возник в 1917 г. и был подлинным детищем научно-технического прогресса и социальной революции в России. Эти предпосылки также необходимо учитывать, если дается беспристрастная, объективная оценка взаимоотношению марксистского мировоззрения и естествознания в 20-е гг.

К социокультурным предпосылкам развития естественных наук в 20-х гг. относилась новая философская атмосфера, заменившая теологию и идеализм. Основные принципы материалистической диалектики оказывались созвучными требованиям научного исследования и способны были помогать естествоиспытателям в преодолении общеметодологических трудностей.

Углубление дискуссии «деборинцев» и «степановцев» по вопросам взаимоотношения марксистской философии и естествознания вело к тому, что стала обретать все бо-

---

[1] *Четвериков С. С.* Проблемы общей биологии и генетики, с. 55.
[2] Там же, с. 69.

лее четкие контуры позиция, исходившая прежде всего из интересов научного развития и опирающаяся в осуществлении связи метода марксистской философии с естествознанием на спонтанную тенденцию самих наук к диалектике.

Необходимо, однако, отметить, что в нашей историко-философской литературе статичное рассмотрение «борьбы диалектиков с механистами» нередко затушевывает сложности процессов того периода; история тех лет предстает в упрощенном виде. Между тем в 20-х гг. была еще третья линия в вопросе взаимоотношения философии и естествознания. К ней, между прочим, приходили и некоторые сторонники А. М. Деборина и сторонники И. И. Скворцова-Степанова, не переставая по ряду других вопросов поддерживать своих лидеров. Происходила конвергенция философских позиций, кристаллизация одного общего направления в данном вопросе. Это направление представлено в первую очередь деятельностью марксистов-естественников во главе с О. Ю. Шмидтом, работавшими в Коммунистической академии. Не принимая ни диктаторского тона в отношении к естествознанию, ни раболепного преклонения перед стихийной диалектизацией естествознания, эти марксисты, как показал в своих исследованиях В. И. Ксенофонтов, имели ориентацию на такое соединение стихийного и сознательного, при котором сознательное применение материалистической диалектики определялось бы степенью потребности в ней самого естественнонаучного познания. Именно такая линия импонировала С. С. Четверикову, Н. И. Вавилову, А. С. Серебровскому и др. ученым.

Не столь важно, как называть эту линию, вызревшую к середине 20-х гг.,— «комакадемической» или «шмидтовской» — для условий второй половины 20-х гг., но факт остается фактом, что именно она-то и дала наиболее эффективные результаты в науке последующего периода. Важно, однако, что такое направление восходит через организацию Секции естественных и точных наук Комакадемии и решения XII съезда партии к работе В. И. Ленина «О значении воинствующего материализма».

Посмотрим, каковы были программные установки Коммунистической академии в отношении генетики и как они проводились ею в жизнь (подобный обзор можно сделать по любым философским вопросам биологии, физики, психологии; мы останавливаемся на генетике, поскольку вопрос об отношении марксистов к генетике

больше всего искажается в «советологических» публикациях).

В середине 20-х гг. руководство Секции естественных и точных наук Коммунистической академии предприняло ряд мер для разрешения проблемы взаимоотношения эволюционизма и менделевско-моргановской генетики и выяснения отношения к последней марксистской философии.

Поиск правильного пути решения этих вопросов был сопряжен с известными трудностями, и поначалу (в течение первых 2—3 лет) Коммунистическая академия не уделила, видимо, должного внимания генетике, разрабатывавшейся в основном не дарвинистами. Это выразилось прежде всего в том, что при Коммунистической академии функционировала биологическая лаборатория механоламаркистского направления, а во главе биологического отдела Секции естественных и точных наук предполагалось поставить виднейшего представителя данного направления проф. П. Каммерера, собиравшегося тогда приехать из Австрии. Касаясь этого факта, руководитель секции О. Ю. Шмидт говорил впоследствии, что П. Каммерера пригласили работать в Коммунистическую академию «по политическим причинам, потому, что это был гонимый материалист, но и не только поэтому. В тот период состояние генетики обнаружило серьезную опасность: имелось у некоторых понимание гена, как чего-то абсолютно неизменного, за это понимание ухватились многие, и в силу этого понимания могли получиться выводы свойства явно идеалистического. Этот единый и неизменный ген казался очень недиалектическим и очень подозрительным во многих отношениях. И вот, пока у нас не было своих сил, чтобы в этом вопросе окончательно разобраться, мы считали правильным поддержать то течение, ламаркизм, которое радикальным образом эту сторону отрицало, устанавливая примат внешнего мира в виде тех изменений, которые внешний мир в эти гены вносит» [1].

Однако позиция Коммунистической академии по отношению к механоламаркизму и менделевско-моргановской концепции вскоре существенно изменилась.

Отмежевание от механоламаркизма определилось уже к середине 20-х гг. особенно выступлениями Б. М. За-

[1] Задачи марксистов в области естествознания.— Труды Второй Всесоюзной конференции марксистско-ленинских научных учреждений. М., 1930, вып. 2, с. 120—121.

вадовского (доклад в Комакадемии в 1925 г. «Дарвинизм и марксизм»), М. М. Местергази (доклад в 1926 г. «Эпигенезис и генетика»), А. С. Серебровского (доклад в 1926 г. «Теория наследственности Моргана и Менделя и марксисты») и др. Большой научный интерес представляло выступление А. С. Серебровского, который доказывал, что моргано-менделевская концепция в основе своей диалектична и отнюдь не противоречит революционным устремлениям пролетариата.

Важное значение в определении и закреплении линии Коммунистической академии имели новые открытия в генетике в середине 20-х гг., в особенности открытие Г. Мёллером в 1927 г. искусственного мутирования. Этот момент был отмечен О. Ю. Шмидтом в 1929 г. Он говорил, что «ситуация чисто объективно изменилась после опыта Мёллера... Сейчас в генетике есть струя диалектическая, струя более мощная, чем те элементы материализма, которые мы имели у ламаркистов. Поэтому нам незачем сейчас сосредоточиваться на критике генетики. Но отрицать нацело всякое значение за работами ламаркистов, мне кажется, рано. Пусть биологи в этом вопросе окончательно разберутся... Мы должны стремиться к тому, чтобы в составе ли самой Комакадемии или около нее создать свой Биологический институт, который... в частности, поведет разработку, диалектическую разработку генетики, а лаборатория Каммерера сохранит в нем свое небольшое место» [1]. Так в принципе к концу 20-х гг. был решен вопрос об отношении к двум противоположным направлениям в области биологии.

Коммунистическая академия не только давала общее стратегическое направление исследованиям философских проблем биологии и генетики с точки зрения материалистической диалектики, но и сама сыграла крупную роль организатора соответствующих экспериментальных и теоретических работ.

К этому времени биология вплотную подошла к обнаружению нового, молекулярного уровня наследственности, ведущего к синтезу биологического, физического и химического знания. Н. К. Кольцов, являвшийся директором Института экспериментальной биологии, в 1927 г. сформулировал идею о молекулярной основе наследственности (более полно он обосновал ее позднее в докладе «Наслед-

---

[1] Задачи марксистов в области естествознания.— Труды Второй Всесоюзной конференции марксистско-ленинских научных учреждений, с. 121.

ственные молекулы»). «Теперь вполне очевидно, что, хотя конкретные предложения Н. К. Кольцова о химической природе «наследственных молекул» оказались во многом ошибочными, в своей принципиальной основе они были гениальным предвидением. Они знаменовали важную веху на пути развития генетики и ее переходу на молекулярный уровень» [1].

В Коммунистической академии была создана генетическая лаборатория, где под руководством А. С. Серебровского проводились широкие эксперименты по мутациям и выявлению структуры гена. Концепция неделимости гена оказывалась методологически и экспериментально преодоленной. Утверждались диалектические представления о сложной природе гена и его функциональной целостности.

Огромное значение работы, проводившейся биологами под руководством Коммунистической академии в области философских проблем генетики, подчеркивается тем обстоятельством, что многие специалисты (в особенности, прикладного знания) считали генетику чуждой марксизму. В противовес нигилистическим (по отношению к классической генетике) настроениям, Коммунистическая академия держала единственно правильный, как показал последующий ход развития науки, курс на диалектико-материалистическую разработку и дальнейшее творческое развитие менделевско-моргановской генетики. Внося новые моменты в методологию генетики, содействуя ее переводу на диалектико-материалистические основы, Коммунистическая академия проводила линию преемственности в ее развитии.

В трудах естественников-марксистов и методологически близких к ним генетиков, сплоченных в единый коллектив в Секции естественных и точных наук, была установлена тесная связь между марксизмом и дарвинизмом, между марксизмом и менделевско-моргановской генетикой, а также между эволюционизмом и генетикой. Вслед за трудами С. С. Четверикова труды школы А. С. Серебровского внесли существенный вклад в обоснование этой связи. Важно отметить, что здесь осуществлялось сознательное, целенаправленное изучение связи генетики с эволюционизмом на основе диалектики.

---

[1] *Астауров Б. Л., Рокицкий П. Ф.* Николай Константинович Кольцов. М., 1975, с. 70.

От постановки вопросов о качественно различных уровнях биологической организации через установление их тесной взаимосвязи к обоснованию концепции генетико-автоматических процессов органической эволюции — таковы основные моменты этой плодотворной работы [1].

В организационном отношении Коммунистическая академия к началу 30-х гг. имела уже не только генетическую лабораторию; в ее состав, в частности, вошел Тимирязевский научно-исследовательский институт (1929), в результате чего марксисты и естественноисторические материалисты, объединенные ранее вокруг Секции естественных и точных наук, получили мощную базу для дальнейшей разработки философских проблем естествознания.

Мы кратко осветили лишь один из аспектов работы Секции естественных и точных наук Коммунистической академии. Но и освещение лишь этого аспекта ее деятельности показывает, к каким важным научным результатам вела философско-методологическая перестройка науки в 20-е гг.; это убеждает нас в верности взятого еще с момента опубликования статьи В. И. Ленина «О значении воинствующего материализма» курса на философскую диалектико-материалистическую ориентацию научной интеллигенции.

Вернемся, однако, к вопросу о социально-политической ориентации научной интеллигенции, к тем процессам, которые происходили в ее сознании в 1923—1925 гг.

---

[1] См.: *Серебровский А. С.* Опыт качественной характеристики процесса органической эволюции.— Естествознание и марксизм, 1929, № 2; *Агол И. И.* Диалектический метод и эволюционная теория. М., 1930; *Дубинин Н. П.* Генетико-автоматические процессы и их значение для механизма органической эволюции.— Журнал экспериментальной биологии, 1931, т. 7, вып. 5—6, и др.

Глава VII

НА КРУТОМ ПЕРЕЛОМЕ

Проведенная марксистами в первой половине 20-х гг. значительная научно-организационная и теоретическая работа по преодолению философского и естественнонаучного идеализма в стране, по критике позитивизма, раскрытию взаимоотношений марксистской философии и естествознания, применению материалистической диалектики в частных науках расчищала пути для установления взаимопонимания между ними и многими естественнонаучными материалистами, для непредвзятого осмысления последними принципов научной философии. Были заложены как политические, так и мировоззренческие основы союза марксистской философии и естествознания.

Если в первые годы после революции вплоть до опубликования произведения В. И. Ленина «О значении воинствующего материализма» преобладающей (и по существу единственной) в борьбе марксистов за научную интеллигенцию была политическая линия, что обусловливалось исторически конкретными обстоятельствами, то примерно с середины 1922 г. на фоне решаемых и в ряде аспектов уже решенных политических проблем важное значение приобрела линия на мировоззренческую (философскую) переориентацию научной интеллигенции. Обе линии не были автономными, хотя их истоки, как уже отмечалось, специфичны. При этом философская работа марксистов, в том числе по мировоззренческим и общеметодологическим вопросам естествознания, становилась одним из факторов, воздействующих на усиление процесса политической переориентации научной интеллигенции, а последнее, в свою очередь, способствовало укреплению союза марксистской философии и естествознания. Формирование нового мировоззренческо-общеметодологического основания естествознания преследовало цель обеспечения научно-философских предпосылок эффективного исследовательского поиска и научного прогресса, что являлось

одной из главных целей социалистических преобразований.

К этому времени значительно укрепился экономический потенциал государства. Разрушенное длительной войной народное хозяйство в основном было восстановлено. Успешно претворялась в жизнь новая экономическая политика. Начал осуществляться ленинский план построения основ социализма в СССР. В 1924 г. принимается первая Конституция СССР. В конце 1925 г. XIV съезд партии взял курс на социалистическую индустриализацию страны.

Под влиянием этих и других процессов в результате полученного за годы революции жизненного и политического опыта и начался процесс политического перелома в среде научной интеллигенции, который был связан с переходом основной, ведущей ее части от нейтральности к поддержке политики социалистического государства.

В ноябре 1923 г. состоялся Первый Всесоюзный съезд научных работников. Среди докладчиков — ученые С. Ф. Ольденбург, А. Е. Ферсман, а также представители Народного комиссариата просвещения — А. В. Луначарский, Ф. Н. Петров и др. 120 делегатов представляли 8 тысяч научных работников. В резолюции съезда записано: «Всесоюзный съезд научных работников заявляет, что былая рознь между работниками науки и рабочим классом в настоящее время стала достоянием прошлого и все больше и больше уступает место растущему сближению в процессе совместной работы по восстановлению хозяйственной и культурной жизни страны. Съезд призывает научных работников всего Союза Республик отбросить последние колебания и рука об руку со всеми трудящимися закончить борьбу за создание свободного общества, построенного на единении науки и труда» [1].

После заключительного заседания съезда на встрече ученых были подчеркнуты искренность и огромная важность происшедших изменений. В. М. Бехтерев, например, заявил: «Еще в 1920 г., после моих публичных выступлений в пользу Советской власти, мне товарищи по науке проходу не давали, считали изменником, предателем. Сейчас же в ученом кругу считается даже странным не признавать огромных успехов и исторической мудрости Октябрьской революции» [2]. Не менее красноречиво и при-

[1] Работник просвещения, 1923, № 24, с. 20.

[2] Цит. по: *Залкинд А. Б.* Очерки культуры революционного времени. М., 1924, с. 154.

знание Н. К. Кольцова, совсем недавно еще стоявшего по ту сторону баррикад. Одобряя происходящие революционные изменения, он говорил: «За деревьями поверхностных статистических подсчетов итогов *внешнего* разрушения я вижу лес, я вижу действительно историческую, *грядущую статистику* гигантского творчества, вырастающего за эти годы. Никогда еще наука не была так жизнеспособна и так близка к действительной жизни, как сейчас... в перестраивающемся мире наука расцветет так, как никогда еще не расцветала» [1].

Состоявшаяся в 1923 г. конференция научных работников Петрограда в своей резолюции также отметила наступление «огромного перелома в среде научных работников», что делает возможной «смычку основного ядра научных работников с широкими массами трудящихся» [2]. Московская конференция научных работников обратилась к российской интеллигенции с призывом сплотиться вокруг власти трудящихся. Аналогичную направленность имели Всебелорусская конференция научных работников (апрель 1924) и Первый Всеукраинский съезд научных работников (февраль 1925). Отвечая на приветствия ЦК КП(б)У, Украинского Совнаркома и высших профессиональных органов, Всеукраинский съезд подчеркнул, что он «выражает свою полную солидарность с высказанными в приветствиях мыслями и, твердо стоя на почве завоеваний Октябрьской революции, решительно заявляет, что научные работники отдадут все свои силы для того, чтобы совместно с рабочим классом и крестьянством создать единый фронт в борьбе за социалистическое переустройство всей жизни» [3].

Позиция Всесоюзного съезда, равно как и республиканских и губернских конференций (съездов) научных работников, свидетельствовала о том, что научная интеллигенция нашей страны в лице своих наиболее видных представителей стала решительно поворачивать от политической оппозиции и нейтральности по отношению к Советской власти к активной поддержке ее политической платформы.

Это было не какое-то внешнее, «верхушечное» явление, хотя позиция участвовавших на съезде и конференциях могла в чем-то и не совпадать с реальной позицией

---

[1] Цит. по: *Залкинд А. Б.* Очерки культуры революционного времени, с. 154.

[2] Работник просвещения, 1923, № 23, с. 25.

[3] Там же, № 5, с. 10.

всего слоя научной интеллигенции. Но они совпадали в главном: в той или иной мере политическая переориентация явно обозначилась среди всех групп естествоиспытателей.

Подтверждением этого положения служит изменение отношения основной части научных работников к советскому профсоюзу и начало массового их вступления в него.

Вплоть до 1923 г. научные работники не входили в профсоюз, связанный с профсоюзами трудящихся масс. С 1918 по 1922 г. в Петрограде функционировал «Союз ученых учреждений и высших учебных заведений». До 1921 г. существовал Московский Союз научных деятелей, настроенный резко отрицательно к Советской власти и оказывавший влияние на профсоюзы научных работников в других городах. Эти профсоюзы были распущены. Советский же профсоюз бойкотировался учеными. «По тем или иным причинам научные работники не хотели идти в Союз, оставаясь профессионально неорганизованной и профессионально беспомощной общественной группой» [1].

Между тем профессиональное объединение могло бы способствовать лучшей организации связи научных коллективов с теми органами Советской власти, в ведение которых входила забота о материальном обеспечении научной интеллигенции; более оперативно могла бы оказываться помощь отдельным ученым. Советский профсоюз мог бы развернуть большую культурную работу среди ученых.

Коммунистическая партия придавала огромное значение профсоюзам и в плане идейно-политическом, расценивая их как школу коммунизма. Разработанная В. И. Лениным в первый же год после революции тактика в отношении к буржуазным специалистам, суть которой состояла в осуществлении их политической переориентации, включала как свою составную часть «воспитание новой дисциплины», что связывалось с профессиональными союзами [2]. Преодоление сложившегося еще при капитализме индивидуализма и высокомерия работников умственного труда в отношении рабочих, а с другой стороны, нигилизма к культурному наследию и «спецеедства» со стороны части рабочего класса и крестьянства состав-

---

[1] Работник просвещения, 1923, № 24, с. 4.
[2] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 264.

ляло одну из специфических форм классовой борьбы в эпоху перехода от капитализма к социализму. «Воспитание новой дисциплины» включало в себя обеспечение идейного и психологического сближения научной интеллигенции старой школы с рабочим классом. В резолюции X съезда РКП(б) «О роли и задачах профсоюзов» (март 1921) записано: «Профессиональные союзы организуют те элементы тружеников, которые при капитализме в массе своей часто были чужды пролетарской семье... Перерабатывание всех этих элементов, сближение их с передовыми слоями пролетариата, приспособление их к делу строительства коммунистического общества является одной из важнейших задач профессиональных союзов, как школы коммунизма» [1]. Таким образом, профсоюзам отводилась важная роль в установлении взаимопонимания коммунистов с некоммунистами, в достижении политической переориентации буржуазных и мелкобуржуазных специалистов науки.

На пути к профсоюзу возникали «переходные» объединения. В конце 1921 г. в Петрограде образовалась группа левой профессуры; аналогичные группы стали возникать в других местах. Главной их задачей была борьба за реформу высшей школы. Коммунисты в них играли ведущую роль и осуществляли в конкретной форме союз с беспартийной профессурой. Состав групп постепенно расширялся. В группе Петроградской левой профессуры, например, к началу 1923 г. числилось около 150 человек, среди которых были математики, астрономы, биологи, медики. Ее возглавлял ректор Петроградского университета, беспартийный профессор Н. С. Державин [2]. Группа объединяла в своих рядах тех, кто способен был выполнить три условия: принятие Октябрьской революции, честная работа рука об руку с Советской властью, горячая и живая любовь к науке и просвещению. В некоторых других городах и вузах программа групп левой профессуры была более обширной, приближаясь к программе профессионального союза (например, во 2-м МГУ). Несмотря на то что в их деятельности порой имелся сепаратизм, они, в целом, помогли подготовить почву для создания профессиональной организации научных работников.

---

[1] КПСС в резолюциях..., т. 2, с. 345.

[2] См.: *Федюкин С. А.* Великий Октябрь и интеллигенция. Из истории вовлечения старой интеллигенции в строительство социализма, с. 332—335.

Возникает временное Центральное бюро секции научных работников Всероссийского союза работников просвещения, основной задачей которого являлась подготовка съезда научных работников. В работе съезда, о котором шла речь выше, участвовали делегаты от 32 местных организаций. Съезд избрал Центральный совет секции научных работников во главе с академиком Н. Я. Марром. Среди задач секции съезд наметил «ознакомление членов секции с основными моментами современного хозяйственного и политического строительства, а также с методологическими основами общественного мировоззрения» [1].

1923 г. явился годом рождения советской профессиональной организации научных работников. К 1 июня 1924 г. в профсоюзе был уже 10 891 научный работник, к ноябрю 1924 г.— более 12 тысяч, что составляло около 85 % всей научной интеллигенции.

Оценивая итоги Всесоюзного съезда, А. В. Луначарский подчеркивал, что «ученые впервые почти всей своей массой входят, таким образом, и в профсоюзы просвещения и в систему профсоюзов труда, добровольно приобщаясь тем к трудовому миру» [2]. Секретарь Центрального совета секции научных работников Ф. В. Кипарисов отмечал, что первый съезд научных работников «положил, несомненно, начало прочному,— все говорит за то,— союзу квалифицированнейшей верхушки российской интеллигенции с широкими массами трудового народа нашей советской страны. Организовавшись в виде секции Союза работников просвещения, научные работники входят ныне через него в единую организационную систему российского профессионального движения, связываясь, таким образом, с другими профессионально организованными общественными группами единством стоящих перед ними профессиональных целей и задач...» [3].

Вскоре после съезда Центральный совет секции приступает к изданию ежемесячного журнала «Научный работник», посвященного вопросам профессионального движения научных работников и жизни высшей школы. Этот журнал сыграл большую роль в приобщении широких кругов научной интеллигенции к интересам социалистического государства и трудящихся масс.

Вступление ученых в секцию научных работников говорит об определенном уровне осознания ими общности

[1] Работник просвещения, 1923, № 24, с. 23.
[2] Там же, с. 16.
[3] Там же, с. 6.

интересов с пролетариатом. С другой стороны, организация профсоюза для ученых означала признание деятелей науки социалистическим государством как работников, тружеников, имеющих интересы, близкие трудящимся массам.

О позиции научной интеллигенции свидетельствовали и выступления многих видных ее представителей на многочисленных траурных митингах, посвященных памяти В. И. Ленина, с докладами о его огромном вкладе в науку. Многие естественнонаучные журналы, в том числе издававшиеся университетами, публиковали статьи о В. И. Ленине.

С. Ф. Ольденбург в своей речи на II Всесоюзном съезде Советов 31 января 1924 г. осветил отношение В. И. Ленина к науке, научной работе, к научным работникам и подчеркнул, что В. И. Ленин «действительно... обладал свойствами гения». «Через всю нашу жизнь — и старых и молодых,— говорил С. Ф. Ольденбург,— прошел великий человек, и поэтому в сознании каждого из нас жизнь представилась и богаче, и ярче, и сильней, ибо та жизнь, которая создает таких великих людей, есть действительно сильная, могучая и прекрасная жизнь» [1]. Эти слова, заключавшие высокую оценку деятельности В. И. Ленина как ученого и вождя революции, а также оценку новой социальной действительности и исходившие от активного в прошлом деятеля ЦК кадетской партии, бывшего министра буржуазного Временного правительства, как нельзя красноречивее свидетельствовали о верности разработанной В. И. Лениным линии партии на осуществление преемственности культур и политическую, мировоззренческую переориентацию научной интеллигенции.

Выступая несколько позже на собрании научных работников Ленинграда, посвященном памяти В. И. Ленина, президент Академии наук академик А. П. Карпинский отмечал: «Из всех решений и распоряжений Владимира Ильича... я мог вынести одно твердое убеждение: человеку, который был поставлен во главе правительства громадной страны в эпоху величайшей в мире революции, были особенно близки и дороги интересы науки и культуры. Едва ли в послевоенную эпоху, да и во время, непосредственно предшествовавшее войне 1914—1918 гг., в Европе и Америке было много государственных деятелей, которые с такой чуткостью и вниманием прислуши-

---

[1] Правда, 1924, 31 января.

вались бы к интересам науки и придавали бы ей такое значение, какое придавал ей Владимир Ильич» [1]. С большим вниманием и заботливостью, отмечал далее А. П. Карпинский, относился В. И. Ленин к ученым. «И в этой всегдашней помощи науке, в этих заботах об ученых — одна из крупнейших заслуг Владимира Ильича, быть может, и до сих пор еще недостаточно оцененная. Дело, конечно, не только в сохранении ряда научных учреждений и в поддержке научных работников. Великий смысл этой помощи,— подчеркнул президент Академии наук,— в глубокой вере в силу научного знания и в то значение, какое оно должно иметь для государственного строительства. Вся деятельность Владимира Ильича была проникнута этой верой, которую он завещал и нашему новому государству. И эта черта... несомненно навсегда останется в памяти будущих поколений. Она найдет себе место в истории, которая по достоинству оценит действенную веру в науку вождя русской революции» [2].

Приведенные высказывания главных руководителей Академии наук — А. П. Карпинского и С. Ф. Ольденбурга — примечательны, помимо другого, тесной связью их значительно изменившейся политической ориентации с осознанием той огромной поддержки науке и ученым, которая неизменно оказывалась на протяжении более 6 лет новым государством, возглавляемым В. И. Лениным.

Именно осознание прямой зависимости прогресса науки от социалистической революции, нового общественного строя было главным для процесса изменения политического сознания научной интеллигенции. И поэтому среди факторов, действовавших в течение всех послеоктябрьских лет на политические позиции буржуазной (в прошлом) научной интеллигенции, основным, ведущим (в этом смысле — интегрирующим) было отношение партии, государства к науке и к специалистам науки.

Осознание перспективности связи науки с революцией и социализмом пришло к значительной части научной интеллигенции далеко не сразу. Однако некоторые из крупных ученых уже в первые дни и месяцы Советской власти связали судьбу науки с социализмом.

Одним из первых к осознанию исторического значения социалистической революции для науки пришел вице-

---

[1] Ленин и Академия наук, с. 242—243.
[2] Там же, с. 243.

президент Российской Академии наук академик В. А. Стеклов (1863—1926). Как свидетельствуют его дневниковые записи за 1918 г., он встретил Октябрьскую революцию достаточно сдержанно и недоверчиво. Свою позицию по отношению к «новой власти» он определял формулой «поживем — увидим». Постепенно осмысливались факты, касающиеся мероприятий Советской власти по развитию науки. И вот в наброске речи на митинге «Интеллигенция и пролетариат» Стеклов писал: «Я не оптимист и не увлекающийся юноша, но тем не менее я начинал думать, да и теперь думаю, что мы действительно начали «отрекаться от старого мира» не на словах только, что деятели науки и просвещения получают должное признание со стороны новой власти, что пришел конец тем издевательствам, каким они подвергались со стороны бывшего царского правительства» [1]. Выступая на митинге в Петрограде 6 октября 1918 г., он открыто заявил: «Я 35 лет живал при всяких режимах, но такого уважения к науке, как со стороны представителей Советской власти, я никогда еще не встречал. Советское правительство идет навстречу научным начинаниям и ученым организациям и этим показывает, что оно умеет ценить чистую науку и ставить ее на должную высоту».

По существу аналогичным образом прозвучало выступление Президента Психоневрологического института В. М. Бехтерева в 1919 г. перед учеными на конференции Института по изучению мозга и психической деятельности. В докладе «Основные задачи рефлексологии физического труда» он сказал: «На переломе истории нельзя стоять на перепутьи и ждать,— нужна воля к действию, к строительству и созидательной работе, и для нас, научных деятелей, которые всегда отдавали свои силы на служение человечеству, не должно быть колебаний. Мы должны отдавать себе отчет, будем ли мы с народом, который, завоевав себе свободу, хочет строить свое будущее сам и зовет нас соучаствовать в этом строительстве... Теперь народ, почувствовав себя свободным, проявляет необычайную жажду знаний, которая открывает широкие перспективы не только в строительстве государственном и социальном, но и в строительстве научного характера» [2].

---

[1] Цит. по: *Бастракова М. С.* Становление советской системы организации науки (1917—1922), с. 84.
[2] *Бехтерев В. М.* Автобиография. М., 1928, с. 44.

Признания, с которыми выступили в 1918—1919 гг. В. А. Стеклов и В. М. Бехтерев, имелись и у других ученых как в эти годы, так и в начале 20-х гг. И хотя нередко их политическая ориентация подвергалась колебаниям (как это имело место у В. М. Бехтерева), все же тенденция к принятию социалистических идеалов и нового строя жизни оказывалась более сильной, обретая все более устойчивый характер. Эти выступления способствовали переходу многих деятелей науки от враждебности к нейтральности, а от нейтральности к поддержке Советской власти.

Однако принципиально новым в ситуации, складывавшейся со второй половины 1923 г. и в течение 1924 г., было то, что с соответствующими заявлениями выступали уже не отдельные ученые, но целые группы ученых. В качестве характерного факта можно привести обращение профессоров и преподавателей Дальневосточного университета ко всем трудящимся Дальнего Востока в феврале 1924 г. Обращение было зачитано на общем собрании научных работников университета, в нем содержалась оценка политической ориентации научной интеллигенции до и после революции. Отмечалось, в частности, что социалистическая революция привела многих ученых в смятение. Объяснялось это преимущественно тем, писали авторы обращения, что борьбу за знание многие из них считали важнее и выше борьбы за победу рабочего класса. Однако вскоре они поняли, что власть рабочих и крестьян есть необходимое условие для дальнейшего развития самого научного знания и его победы во всех областях человеческой жизни. В обращении говорилось, что подписавшиеся под ним профессора и преподаватели в течение нескольких лет на каждом шагу убеждались в неосновательности и недобросовестности обвинений в отрицании культуры, возводимых на Советскую власть. В действительности же эта власть в годы величайшей хозяйственной разрухи и всеобщего обнищания нашла в себе достаточно мужества и настойчивости, чтобы сохранить от гибели ценнейшие достижения нашей культуры и поддержать из последних средств научные учреждения и научных работников. Октябрьская революция, «уничтожив у нас старый порядок, вместе с тем разрушила у многих прежнее мировоззрение и поставила их в ряды убежденных сторонников идеологии рабочего класса»[1].

---

[1] Народное просвещение, 1924, № 3, с. 68.

В предыдущий период в печати иногда появлялись обращения, подписанные группой интеллигентов, в том числе представителями науки. Но направленность этих обращений была другой. К примеру — «Декларация трудовой интеллигенции», помещенная в «Известиях ВЦИК» 3 марта 1920 г., по своим положениям, по существу — сменовеховская. Обращения же, характерные для рассматриваемого периода, были иные, в них заявлялось о совпадении конечных целей научных работников с коренными интересами пролетариата и Советской власти.

В 1924 г. поддержку Советской власти продемонстрировал съезд физиков в Ленинграде. В том же году Всесоюзный психоневрологический съезд отметил в резолюции, что «развивающаяся социальная конъюнктура Советского Союза создает наилучшие условия для практического разрешения важнейших психоневрологических проблем» [1]. Это были съезды, на которых прямо выражалось позитивное отношение к социалистической революции.

Профессор И. Г. Александров (впоследствии автор проекта Днепровской ГЭС) выступил со статьей «Русская интеллигенция и ее современные задачи», в которой, в частности, было констатировано, что в среде интеллигенции начинает пробуждаться сознание тех огромных задач, которые поставила революция.

Профессор А. Д. Архангельский в докладе о результатах работ по изучению Курской магнитной аномалии (1923) подчеркивал, что имеющиеся достижения стали возможны только благодаря вниманию и помощи ученым со стороны Советского государства. Он заверил, что «до последних дней своих будет продолжать работать на благо всех трудящихся республики» [2].

Указанные выступления ученых имеют большое значение не только для оценки их позиции и того рубежа, к которому подошла уже ведущая часть научной интеллигенции. Они важны также как фактор, активно воздействующий на остальную часть научной интеллигенции, которая еще оставалась в оппозиции или была политически нейтральной.

В эти годы многие из ученых выезжали в страны Европы и в США. Их заграничные командировки имели не только научный аспект, укрепляя и развивая междуна-

---

[1] Народное просвещение, 1924, № 4—5, с. 173.
[2] Правда, 1923, 9 мая.

родные научные контакты. Они помогали распространять за рубежом правдивую информацию о положении науки в нашей стране. Так, А. Ф. Иоффе в 1924—1925 гг. (почти два года) находился в Германии, Нидерландах, других странах. Ему предлагали навсегда остаться в Берлине, быть руководителем кафедры — он отказался. Многочисленные его доклады убеждали ученых Запада в быстром наращивании темпов советской науки. Перед зарубежными коллегами, как пишет его биограф, предстал человек, который для них был не только ученым, но и представителем Советского Союза. Оказалось, что этот человек, в их представлении европеец с головы до пят, исповедует взгляды, принятые в его стране, причем не просто исповедует, а выражает непоколебимую убежденность в их логичности, справедливости. Он не принадлежит к Коммунистической партии, а поддерживает советский строй. Из его разговоров о советской науке выясняется, каким большим уважением она пользуется в стране, какие значительные средства вкладываются правительством в ее развитие. Объективная, правдивая информация о Советском Союзе, исходившая от человека, пользовавшегося уважением, информация, в которой не было и намека на какое-либо преувеличение или, наоборот, принижение советской действительности, представляла для ученого мира Запада несомненную ценность [1].

Научные контакты с заграницей постоянно расширялись. Связи с зарубежными учеными имели Академия наук, ВСНХ, наркоматы. В 1920—1922 гг., например, выезжали за границу рентгенолог М. И. Немёнов, физик Д. С. Рождественский, генетик Н. И. Вавилов, физиолог А. Ф. Самойлов. Значительно усилились эти связи в последующие годы. В 1923—1925 гг. в заграничных командировках находились В. А. Стеклов, А. Н. Крылов, П. П. Лазарев, А. А. Фридман, П. Л. Капица, Я. И. Френкель и др. Если в 1920 г. Академия наук командировала за границу 10 человек, в том числе 3 академиков, то в 1924 г.— 25 человек, из них 12 академиков. Способствуя обмену научной информацией и включению советской науки в единый поток мировой науки, эти контакты оказывали определенное влияние на буржуазную по своим политическим установкам интеллигенцию. Научные командировки содействовали также политическому расслое-

---

[1] См.: *Соминский М. С.* Абрам Федорович Иоффе. М.— Л., 1964, с. 477—479.

нию той небольшой части научной интеллигенции, которая оказалась в эмиграции, и влияли на созревание у некоторых ученых решения вернуться на родину.

В течение почти четырех лет (с мая 1922 г.) в заграничной командировке находился академик В. И. Вернадский. Он выехал по приглашению ректора Парижской академии для чтения лекций в Сорбонне по описательной минералогии, геохимии и кристаллографии, затем вел научно-исследовательскую работу в Минералогической лаборатории Музея естественной истории и в Радиевом институте им. П. Кюри. В Париже В. И. Вернадский посещает философские диспуты, знакомится с французским философом А. Бергсоном, с П. Тейяром де Шарденом, много размышляет над философскими проблемами, подготавливает монографию «Биосфера».

В июле 1925 г. в газете «Правда» сообщалось: «Академия наук получила доклад от находящегося в Париже академика Вернадского, работающего сейчас в лаборатории Кюри по изучению применения новых радиевых руд из Бельгийского Конго. Работе академика Вернадского придается большое значение, так как до настоящего времени к научному исследованию этих строго охраняемых французским правительством радиевых руд иностранцы не допускались. В Париже академик Вернадский, по предложению французской Академии наук, издает свой капитальный труд по геохимии». Исследователь мировоззрения и научного творчества В. И. Вернадского И. И. Мочалов, приведя это сообщение «Правды», справедливо указывает, что «значение этой заметки, несомненно, выходило за пределы чисто научной информации... В. И. Вернадский нужен был новой России, и родина ждала его возвращения» [1].

«Приехав в Париж,— пишет В. И. Вернадский,— я имел дело с профессором Жантилем (геолог и географ), который, говоря о моем будущем, предложил мне остаться профессором Парижского университета, для чего я должен был бы эмигрировать. Но я решительно отказался» [2].

На В. И. Вернадского пытаются воздействовать белоэмигранты, некоторые его «старые знакомые». «Я помню,— вспоминает он,— что в 1922 или 1923 г. в Париже,

[1] *Мочалов И. И.* Владимир Иванович Вернадский (1863—1945), с. 247.

[2] Цит. по: *Мочалов И. И.* Владимир Иванович Вернадский (1863—1945), с. 240.

когда я был у А. В., рядом в комнате заседал ЦК кадетской партии под председательством князя П. Д. Долгорукова. Меня убеждали принять в нем участие, но я самым решительным образом отказался и этим сделал положение ясным» [1]. Положение В. И. Вернадского было сложным и в личном плане. Его сын, принимавший в прошлом участие в деятельности кадетской партии, после революции эмигрировал за границу. Дочь также в 1922 г. выехала из страны и вышла замуж в 1925 г. в Праге. Позже В. И. Вернадский напишет О. Ю. Шмидту, что жизнь его дочери пошла в другой стране, но сам он считал своим нравственным долгом отдать всего себя своей родной стране.

Свою судьбу В. И. Вернадский прочно связал с русским народом. Его патриотизм, преданность Родине вели к признанию того общественного строя, какой утвердился в России. Он вспоминал: «1916—1923 годы — это годы Великой Революции на моей родине, в которой я посильно принимал участие, исполняя свой гражданский долг» [2]. Вот это чувство гражданского долга, сочетавшееся с глубиной научного, философского подхода к любому предмету, и стало главным фактором последующего слияния его социальных и научных идеалов с принципами марксизма. В. И. Вернадский указывал, что основоположники марксизма «выявили глубочайшее социальное значение научной мысли, которая философски интуитивно выявилась из предшествующих исканий «утопического социализма». В этом отношении то понятие ноосферы, которое вытекает из биогеохимических представлений, находится в полном созвучии с основной идеей, проникающей «научный социализм» [3].

Идеологическая позиция В. И. Вернадского, как она здесь представлена, не была еще таковой в 1923—1925 гг. Вместе с тем она была ближе к идеям социализма, чем в первые послеоктябрьские годы. Во время пребывания за границей он достойно представлял советскую науку и трудовую, творческую интеллигенцию нашей страны. Его многочисленные встречи с зарубежными коллегами способствовали изживанию среди них ложных представле-

---

[1] Цит. по: *Мочалов И. И.* В. И. Вернадский — человек и мыслитель. М., 1970, с. 152.

[2] Там же, с. 123—124.

[3] *Вернадский В. И.* Размышления натуралиста. Научная мысль как планетное явление. М., 1977, кн. 2, с. 67.

ний о Советском Союзе и помогали им разобраться в происходящих событиях.

Все приведенные выше факты (вступление ученых в 1923 г. в профсоюз и т. п.) говорят о значительном изменении политической ориентации научной интеллигенции. Не случайно XIII конференция РКП(б), состоявшаяся 16—18 января 1924 г., констатировала в своей резолюции: «Среди *интеллигенции*, в связи как с общими причинами, так и с улучшением ее положения у нас... замечается общий поворот в сторону Советской власти» [1]. 12 июня 1925 г. Совнарком РСФСР в своем постановлении по докладу народного комиссара просвещения отметил «значительный сдвиг» в идеях и настроениях профессуры навстречу новому строю [2].

Наконец, XIV съезд партии (декабрь 1925) отметил, что «резко изменяется за последние годы и отношение всех категорий служащих к пролетарскому государству и индустриальному пролетариату... Прилив новых молодых служащих... изменяет самый социальный состав служащих, закрепляя происшедший среди них перелом в сторону Советской власти. Советский служащий (учитель, врач, инженер, агроном и т. д.) по своим стремлениям и настроениям начинает становиться советским по существу» [3].

Как видим, в указанных документах политические позиции всех категорий специалистов, включая работников научных учреждений и высшей школы, охарактеризованы понятиями «значительный сдвиг», «перелом». Этот перелом был настолько значительным, что давал основание называть теперь ученых «работниками науки», «советскими учеными», а не «буржуазными спецами», хотя еще далеко не каждый представитель научной интеллигенции был политически на стороне социализма.

Следует отвести как ошибочные утверждения буржуазных «советологов» относительно путей «советизации» высших учебных заведений к 1925 г. Заявляется, будто научная интеллигенция в вузах была разгромлена, изгнана, а ее место заняли коммунисты. Но мы уже достаточно подробно разобрали данный вопрос. Из приводимого материала следовало, что подавляющая часть старой профессуры продолжала вести педагогическую и научную

---

[1] КПСС в резолюциях..., т. 3, с. 147.

[2] См.: Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства, 1925, № 48, ст. 364, с. 596.

[3] КПСС в резолюциях..., т. 3, с. 457.

работу, постепенно меняя свои политические взгляды. Именно за счет тех, кто изменил к середине 20-х гг. свои позиции, а также за счет пополнения новыми, молодыми советскими специалистами и в какой-то части, конечно, коммунистами и происходила «советизация» высшей школы. По всем вузам РСФСР коммунисты составляли в 1924 г. лишь 3,4 %, в 1925/26 учебном году — 6,5 % [1]. Не столько количественно, сколько по своей социально-политической роли коммунисты и становившиеся в середине 20-х гг. на позиции Советской власти профессора вузов оказывались силой, определяющей политическое лицо высших учебных заведений.

В 1925 г. происходят события, еще больше сблизившие Академию наук с народом, а трудящиеся массы — с научной интеллигенцией. В феврале академия представляет в Совнарком докладную записку за подписью академиков В. А. Стеклова и С. Ф. Ольденбурга о целесообразности признания Российской Академии наук всесоюзным учреждением. В июле ЦИК и Совнарком СССР принимают постановление: признать Российскую Академию наук высшим всесоюзным ученым учреждением, состоящим при Совете Народных Комиссаров Союза ССР [2]. Новый общественный статус возложил на коллектив академии и ее руководство ответственность более широкого, государственного масштаба. Кроме того, переход из системы учреждений Наркомпроса в структуру, непосредственно связанную с Совнаркомом, свидетельствовал о признании достаточного идейного потенциала руководства Академии наук, способного обеспечивать сближение науки с задачами социалистического строительства.

Сентябрь 1925 г. знаменателен торжествами по случаю 200-летия Академии наук. В приветствии ЦИК и СНК СССР, зачитанном на торжественном заседании М. И. Калининым, отмечались ее выдающиеся научные достижения, заслуги в строительстве новой жизни, сравнивалось ее современное положение с положением до революции. Подчеркивалось, что социалистическое общество больше, чем какой бы то ни было другой общественный строй, нуждается в широком развитии как фундаментальных, так и прикладных научных дисциплин, что в настоящее время «правительство Союза ставит од-

---

[1] См.: Народное просвещение, 1924, № 8, с. 112; 1927, № 2, с. 14.

[2] См.: Организация науки в первые годы Советской власти (1917—1925), с. 199—203.

ной из первых своих задач обеспечение широкой научной работы в Союзе...» [1]. Приветствия коллективу Академии наук поступили от Коммунистической академии, от трудящихся заводов и фабрик, тружеников сельского хозяйства. В резолюции собрания представителей фабрик и заводов Петроградского района г. Ленинграда говорилось: «Верные заветам своего великого учителя и вождя, мы никогда не забудем, что только на основе усвоения предшествующего опыта научной мысли всех времен и народов можно претворить в жизнь взятую на себя величайшую задачу переустройства общества на коммунистических основаниях. Вместе с тем приглашаем Академию наук принять участие в дальнейшем укреплении союза науки и труда... Устраняя капиталистические преграды для научной мысли, мы глубоко убеждены, что Всесоюзная Академия наук в третьем своем столетии закрепит твердый ненарушимый союз науки и труда и тем самым ускорит построение нового общества...» [2]

И еще одним событием отмечен 1925 г.: принимается постановление Совнаркома СССР об учреждении премий имени В. И. Ленина за научные работы. Ленинские премии устанавливались «в целях поощрения научной деятельности в направлении, наиболее близком идеям В. И. Ленина, а именно в направлении тесной связи науки и жизни» [3]. Премированию подлежали имеющие наибольшее практическое значение научные труды по всем отраслям знания (естественным и точным наукам, технике, сельскому хозяйству, медицине и общественным наукам). Первые премии в 1926 г. были присуждены Н. И. Вавилову, Н. П. Кравкову, В. А. Обручеву, Д. Н. Прянишникову и А. Е. Чичибабину.

Постановлением Совнаркома РСФСР учреждалось почетное звание заслуженного работника науки и техники (июнь 1925). Это звание могло быть присвоено: за особо ценные научные труды в области науки и техники, за особо выдающуюся педагогическую деятельность, общественно-культурную и научно-практическую деятельность и за особо полезные открытия и изобретения. Одними из первых этого звания удостоились А. Н. Бах и В. М. Бехтерев.

---

[1] Организация науки в первые годы Советской власти (1917—1925), с. 205.

[2] Там же, с. 209.

[3] Постановление СНК СССР об учреждении премий имени В. И. Ленина за научные работы.— Известия, 1925, 26 июля.

К середине 20-х гг. произошло не только дальнейшее укрепление связи ученых с жизнью, с практикой социалистического строительства, выразившееся в переломе политической ориентации ведущей части научной интеллигенции. Этот рубеж знаменателен также тем, что ряд естествоиспытателей приблизился к тому, чтобы углубить свое мировоззрение, осмыслить и принять принципы философии диалектического материализма, а некоторые из них к этому времени уже предприняли первые попытки применить марксистскую философскую методологию в решении теоретических проблем своей науки. Помимо отмеченных в первом разделе работ Б. М. Козо-Полянского, А. А. Сухова и др. можно назвать еще книгу К. Н. Корнилова «Современная психология и марксизм» (1924), сборник статей «Психология и марксизм» (1925), труд В. М. Бехтерева «Психология, рефлексология и марксизм» (1925).

К таким научным работам, принадлежавшим естествоиспытателям, среди которых были и крупные ученые, примыкали и первые работы философов-марксистов, посвященные философскому осмыслению естественнонаучных теорий (С. Ю. Семковского, Б. М. Завадовского и др.). Все это и послужило основанием для важного вывода, сделанного Центральным Комитетом партии и зафиксированного им в резолюции 18 июня 1925 г. относительно того, что «процесс проникновения диалектического материализма в совершенно новые области (биологию, психологию, естественные науки вообще) уже начался» [1].

---

[1] КПСС о культуре, просвещении и науке, с. 152.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Революция вызвала перелом не только в сознании научной интеллигенции как целостного сообщества ученых, но и, как мы видим, в индивидуальных мировоззренческих и социально-политических представлениях.

У одних ученых начало политической переориентации обозначилось раньше, как, например, у К. А. Тимирязева, А. А. Ухтомского, Д. С. Рождественского, Н. М. Тулайкова, А. А. Богомольца, и этот рубеж можно заметить у них сразу же после Октябрьского вооруженного восстания. У других начало перелома политических позиций приходится на 1918—1919 гг. (В. А. Стеклов, А. Ф. Иоффе, Я. И. Френкель, В. М. Бехтерев, Л. В. Писаржевский, П. П. Блонский). Третья группа научной интеллигенции стала осознавать совпадение своих интересов с интересами социалистической революции вскоре после окончания гражданской войны (С. Ф. Ольденбург, А. Е. Ферсман, Н. К. Кольцов, А. Н. Бах, А. Н. Северцов, Е. О. Патон).

Развертывание политической переориентации не означало, конечно, что во всех случаях процесс завершится последовательно социалистической ориентацией. У деятелей науки в это время могла быть разная степень глубины понимания революции и социализма. Кроме того, совпадение по времени начала политического перелома у ряда естествоиспытателей не предопределяло еще равномерности и идентичности их дальнейшего идейно-политического движения. Иногда было так, что наметившееся у естествоиспытателя изменение в политических воззрениях в конце 1917 г. или начале 1918 г. довольно медленно и постепенно оформлялось в новую политическую линию лишь к 30-м гг., в то время как у ученого, пережившего перелом несколько позже, допустим, через пять лет, завершение политической эволюции происходило значительно быстрее, уже к концу, а то и к середине 20-х гг. Так или иначе, но подавляющая часть научной интеллигенции нашей страны завершила в основном процесс

социально-политической переориентации к окончанию переходного периода от капитализма к социализму.

Поистине пророческими оказались слова академика В. И. Вернадского, сказанные им 6 ноября 1917 г.: «Очень любопытное будет изменение русской интеллигенции». Изменение русской интеллигенции оказалось действительно любопытным и в отношении факторов, обусловивших эти изменения, и в плане фундаментального преобразования мировоззренческо-методологического основания естествознания, и под углом зрения формирования новых идейно-нравственных качеств научной интеллигенции, и в самих личных судьбах деятелей науки.

Вот лишь некоторые вехи отдельных биографий ученых:

Профессор Н. К. Кольцов (биолог-экспериментатор, член-корреспондент Академии наук с 1916 г.). 1919 г.— участие в заговоре с целью свержения Советской власти. Приговор — «к расстрелу», замененный освобождением из-под ареста. 1923 г.— выступление с поддержкой линии Советской власти. 1927 г.— подпись директора Института экспериментальной биологии Н. К. Кольцова под декларацией инициативной группы «Общества работников науки и техники для содействия социалистическому строительству в СССР» («ОРНИТСО»).

Профессор А. Н. Бах (биохимик, академик с 1929 г.). 1918 г.— статья в эсеровском сборнике, направленная против революции и большевиков. 1926 г.— «политикой я совершенно не занимаюсь». 1927 г.— инициатор создания «ОРНИТСО». В декларации, подписанной им, а также Н. К. Кольцовым, Н. С. Курнаковым, В. А. Барыкиным, А. В. Палладиным и др., говорилось: «основной руководящей идеей, объединяющей нас, является сознание, что в классовом обществе научно-технические деятели не могут оставаться политически нейтральными». С 1928 г.— председатель Центрального бюро «ОРНИТСО». 1933 г.— создание в руководимом им Физико-химическом институте им. Карпова Отдела методологических исследований, имеющего цель — «применение марксистско-ленинской методологии исследования и к конкретным проблемам физической химии и истории химии».

Профессор Б. А. Келлер (ботаник-эколог, академик с 1931 г.). 1917 г.— назначается Временным правительством комиссаром Воронежской губернии. 1930 г.— вступление в члены ВКП(б). С 1932 г.— руководитель Секции научных работников Рабпроса. 1931—1932 гг.— анализ

проблем биологии с точки зрения материалистической диалектики в книгах «Общая ботаника» и «Ботаника с основами физиологии».

Академик С. Ф. Ольденбург (этнограф, непременный секретарь Академии наук). До революции — член ЦК кадетской партии, министр Временного правительства. Декабрь 1917 г.— «Темные, невежественные массы поддались обманчивому соблазну легкомысленных и преступных обещаний, и Россия стала на край гибели». 1920 г.— член правления Союза ученых учреждений и высших учебных заведений (распущенного в 1922 г.). 1924 г.— выступление на II Всесоюзном съезде Советов: великие мысли В. И. Ленина «распространены по всему миру, они с нами».

Профессор С. П. Федоров (Военно-медицинская академия, заведующий кафедрой госпитальной хирургической клиники). До февраля 1917 г.— лейб-медик царской семьи. 1927 г.— книга «Хирургия на распутье», критика механистического подхода. 1928 г.— звание заслуженного деятеля науки. 1933 г.— «перед советской хирургией, вооруженной компасом диалектического материализма, развертываются новые интереснейшие задачи напряженного участия в постройке благосостояния социалистического общества».

Профессор В. Н. Тонков (анатом, президент Военно-медицинской академии в 1917—1925 гг.). 1920 г.— член правления Союза ученых учреждений и высших учебных заведений. С 1923 г.— депутат Петроградского Совета. 1930 г.— вступление в Коммунистическую партию.

Профессор Л. В. Писаржевский (химик, академик с 1930 г., лауреат премии им. В. И. Ленина). С весны 1917 г.— член эсеровской фракции городской думы. Годы гражданской войны — начало политической переориентации. 1930 г.— вступление в ряды Коммунистической партии.

Из этого небольшого перечня (а его можно продолжить) вырисовывается картина широкого движения дореволюционной естественнонаучной интеллигенции к марксистскому учению, к признанию исторической необходимости социализма и социалистической революции. Многообразны и сложны были эти пути, сопряженные порой с «хождениями по мукам», но это были пути, ведущие к осознанию неразрывной связи революции и науки, революции и гуманизма, революции и справедливости, революции и гражданского долга.

Подлинная демократия и научность оказались неразделимы; принятие одного из них неуклонно вело к другому. По такому направлению и прошла основная часть научной интеллигенции свой путь к единству интересов науки с интересами нового общества.

«Путь ученых и старых специалистов к социализму не был простым,— справедливо отмечают авторы монографии «Социализм и наука».— Вовлечение их в активную работу на благо социалистического государства явилось трудным процессом, одной из форм классовой борьбы в переходный период, но классовой борьбы особого рода, за научно-техническую интеллигенцию, а не против нее... «Агитация» старой интеллигенции всеми мероприятиями Советской власти, проводимыми для поднятия экономики, культуры, науки, позволила оторвать основную часть ученых и специалистов от контрреволюционной буржуазии и, что самое главное, сломить недоверие нейтральной массы научно-технической интеллигенции и привлечь ее к активной созидательной работе по созданию нового общества. Для успешного решения этой проблемы огромное значение имело тактичное и бережное отношение к старой интеллигенции, к ученым со стороны Коммунистической партии и Советского государства» [1].

Октябрьская революция имела поворотное значение для исторических судеб научной интеллигенции, как и всей интеллигенции России: перед учеными открылся путь интенсивного, свободного научного поиска, непосредственного воздействия на развитие производительных сил, экономики, на социальные структуры общества, установления глубокого взаимопонимания с народом.

Не простым и не прямым был путь первого социалистического государства за истекшее 70-летие. В Обращении Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза «К советскому народу» отмечается: «На нашу долю выпали все трудности и испытания, которые ждут первопроходцев на дорогах истории. Они нас не остановили. Мы учились их преодолевать и преодолевали. Строительство социализма начиналось в обстановке хозяйственного хаоса и военной разрухи... Многие годы приходилось работать с крайним напряжением сил, жить, отказывая себе в самом необходимом. Мы выстояли, нас не согнули и не сломили» [2].

---

[1] Социализм и наука. М., 1981, с. 194.
[2] Правда, 1987, 14 марта.

И на всех этапах нашей истории научная интеллигенция была с народом, являясь частью трудового народа. Убедившись в верности ленинского пути социального развития, научная интеллигенция старой школы обрела новое мировоззрение и новую философию жизни, помогавшую видеть перспективы научного и общественного прогресса.

За короткий исторический период результаты научного прогресса оказались внушительными. Своими трудами ученые нашей страны внесли весомый вклад в развитие космонавтики, в физику элементарных частиц, генную инженерию, органическую химию, вычислительную технику, во многие другие отрасли науки. Нет ни одной крупной области научного знания, где бы не имелось мировых достижений ученых социалистического общества.

В наши дни важное значение для научной интеллигенции, как и для всего советского народа, имеет курс на ускорение социально-экономического развития и широкую демократизацию, разработанный ЦК КПСС и принятый XXVII съездом партии. Этот курс находится в полном соответствии с интересами науки и ученых, он является продолжением и дальнейшим развитием курса В. И. Ленина на единство социализма и науки.

Многогранны ныне аспекты единства науки и политики. Они все больше фокусируются на проблеме обеспечения мира на земле, на необходимости обеспечить мирное развитие человеческой цивилизации. Выступая на встрече с представителями международного форума ученых за прекращение ядерных испытаний, Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев подчеркивал: «Надо, чтобы политика и наука сейчас, как никогда, сотрудничали. Не должно в наше время быть науки, не осмысливающей того, какие политические последствия могут иметь те или иные ее открытия и достижения. И не должно быть политики, не опирающейся на достижения науки, на ее строгий анализ, объективные оценки и прогнозы. Я за союз политики и науки» [1].

Развитие социалистической экономики, всех звеньев управления обществом, включая политические структуры, возможно ныне только на основе строгой научности.

Большие задачи стоят сегодня и перед естественными науками, перед научной интеллигенцией. Здесь и укрепление связи науки с производством, обеспечение четкого

---

[1] Правда, 1986, 15 июля.

и быстрого прохождения научных идей от их зарождения до широкого применения в практике, и усиленное развитие фундаментальных исследований, их более гармоничное сочетание с прикладными исследованиями. Особого внимания требует достижение более тесного взаимодействия естественных, общественных и технических наук. Одним из испытанных средств такого взаимодействия является совместная разработка естествоиспытателями и специалистами-философами философских и социальных проблем науки.

В этом отношении, как и во многих других, требуется еще большая преемственность с той линией, которая сформировалась в первые годы после революции. Наука, развивающаяся в условиях социализма, способна быть мощной производительной силой общества и содействовать совершенствованию общественных отношений. Обращаясь сейчас к истокам развития советской науки, к первым годам ее становления, мы убеждаемся в верности курса, разработанного В. И. Лениным, на достижение союза науки и демократии, науки и социализма.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1 р. 10 к.

П. В. Алексеев
Революция
и научная